

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ФӘННӘР АКАДЕМИЯСЕ

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2025. Том 15, № 4

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2025, vol. 15, no. 4

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77-87862 от 22 июля 2024 г.

Выходит 4 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, ул. Батурина, 7, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Тел./факс +7(843) 292 84 82 (приемная), +7(843) 292 19 15

ТИПОГРАФИЯ:

Издательство Академии наук Республики Татарстан
(420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация)

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2025

The journal was founded in 2011

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution "Tatarstan Academy of Sciences"
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
ПИ № ФС 77-87862 from Yuly 22, 2024

Published four times a year

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Tel./Fax +7(843) 292 84 82 (reception), +7(843) 292 19 15

PRESS:

Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences
(20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

<https://iknsp-journal.ru>
E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2025

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Белоусов Максим Рудольфович**, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Джумашев Аскар Мамбетович, д.и.н., профессор, заведующий отделом истории, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан (Нукус, Республика Узбекистан)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Мажитова Жанна Сабитбековна, д.и.н., профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, НАО «Медицинский университет Астана» (Астана, Республика Казахстан)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Минниханов Рифкат Нургалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н. (Чебоксары, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., и.о. директора Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Scientific editor of the issue: **Maxim R. Belousov**, Cand. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Executive secretary of the issue: **Ishat Z. Faizrahmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Askar M. Dzhumashev, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of History, Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch of the Uzbekistan Academy of Sciences (Nukus, Republic of Uzbekistan)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Petr S. Kabytov, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)

Zhanna S. Mazhitova, Dr. Sci. (history), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Astana Medical University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Oleg I. Mariskin, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (technical sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history) (Cheboksary, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Leonid A. Taimasov, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (history), Acting Director of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Ярлык провинциальному секретарю из «Дастур ал-катиб»: к вопросу об организации местной власти в государствах Чингизидов	10
Исхаков Р.Р. К вопросу о формировании тептяро-бобыльского сословия в Восточном Закамье и Приуралье (1730–1780-е гг.)	21
Владимиров О.О. Демографическая характеристика татарского населения деревни Малые Кокузы 1716–1858 гг. (по материалам переписи и ревизий)	33
Шарафиев Э.И., Шакиров Р.К. Полковой командир 1-го Тептярского казачьего полка князь Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов: биографический очерк	51
Аминов Р.Р. Татары в составе Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона (1827–1864 гг.)	71
Хабибуллин А.А. Из истории старейших мечетей Саратовского Заволжья	85
Есеева Г.Н. Динамика образовательного уровня русского населения Западного Казахстана (1897–1939 гг.)	97
Ахтямова А.В. Роль мусульманских благотворительных организаций Уфимской губернии в проведении Сабантуя в городах в начале XX века	109
Сибгатуллина А.Т. Казанский союз поэтов и перевод татарской литературы на русский язык в начале 1920-х годов	128

Публикация источника

Пашина Е.В. Село Ильинское в составе вотчины Тетюшского Покровского монастыря: социально-экономический аспект	141
---	-----

Новые книги, рецензии

Денисов А.Е. Рецензия на книгу: Шарафиев Э.И. Общественное и культурное развитие татар-кряшен Республики Татарстан в 1989–2010 гг. (Казань, 2024)	155
--	-----

Научная жизнь

Галимзянова А.Т. От истоков к открытиям: научный путь Альфии Габдульнуровны Галлямовой	164
Кореева Н.А. Долгов Евгений Борисович (к 60-летию со дня рождения)	177

CONTENTS

Articles

- Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu.**
Label to the provincial secretary from “Dastur al-Katib”:
on the organization of local authority
in the states of Genghisides states10
- Iskhakov R.R.** On the formation of the Teptyar-Bobyl estate
in the Eastern Trans-Kama and Cis-Urals regions (1730–1780s)21
- Vladimirov O.O.** Demographic characteristics
of the Tatar population of the Malye Kokuzy village
in 1716–1858 (based on the census records)33
- Sharafiev E.I., Shakirov R.K.** Regimental commander
of the 1st Teptyar Cossack Regiment Prince Abdulmazit
Kasimov, son of Abdulzalil: biographical sketch51
- Aminov R.R.** Tatars as part of the Life Guards
of the Crimean Tatar squadron (1827–1864)71
- Khabibullin A.A.** From the history of the oldest mosques
in the Saratov Volga region85
- Eseeva G.N.** Dynamics of the educational level
of the Russian population of West Kazakhstan (1897–1939)97
- Akhtyamova A.V.** The role of Muslim charitable organizations
of the Ufa province in holding Sabantuy in cities
at the beginning of the 20th century109
- Sibgatullina A.T.** Kazan Union of Poets and translation
of Tatar literature into Russian in the early 1920s128

Publication of the source

- Pashina E.V.** The Ilyinskoye village as part of the patrimony
of the Tetyushsky Pokrovsky monastery: socio-economic aspect141

New books, reviews

- Denisov A.E.** Book review: Sharafiev E.I. Social and cultural
development of Tatar-Kryashens of the Republic of Tatarstan
in 1989–2010 (Kazan, 2024)155

Scientific life

- Galimzyanova A.T.** From origins to discoveries:
scientific path of Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova164
- Koreeva N.A.** Dolgov Evgeniy Borisovich
(to the 60th anniversary of his birth)177

СТАТЬИ

УДК 94(47+55).031

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.10-20>

Ярлык провинциальному секретарю из «Дастур ал-катиб»: к вопросу об организации местной власти в государствах Чингизидов

М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

*Самаркандский государственный университет имени Ш.Рашидова
Самарканд, Узбекистан*

И.А. Мустакимов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Национальная библиотека Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация*

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В статье анализируется ярлык провинциальному секретарю из персидского сочинения «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Навхивани. Авторы статьи впервые вводят в русскоязычный научный оборот источник, характеризующий особенности организации провинциальной власти в государствах Чингизидов в ареале мусульманской культуры, а также предлагают предварительный анализ этого документа. Круг обязанностей провинциального секретаря был связан с руководством деятельностью и контролем деятельности лиц, непосредственно участвующих в процессе сбора налогов и ведения финансово-фискальных реестров, распределением части собранных налогов в качестве жалования должностным лицам. Данный документ позволяет лучше понять должностные обязанности секретарей палат (диван битекчелэре), указанных в начальном протоколе большинства сохранившихся чингизидских ярлыков. Анализ документа позволяет сделать вывод о том, что провинциальный секретарь был назначенцем-наибом улуг-битикчи государства и занимал достаточно высокую позицию в иерархии местной власти, являясь одним из важных звеньев финансово-фискального управления.

Ключевые слова: битикчи, вилайет, государства Чингизидов, Ильханы, Джалаиры

Для цитирования: Гатин М.С., Абзалов Л.Ф., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Ярлык провинциальному секретарю из «Дастур ал-катиб»: к вопросу об организации местной власти в государствах Чингизидов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.10-20>

Финансирование: Исследование осуществлено при поддержке Фонда Ибн Сины и на основании конкурса на соискание грантов имени Ибн Сины. № проекта: 2025.02.07.

Label to the provincial secretary from "Dastur al-Katib":
on the organization of local authority
in the states of Genghisides states

M.S. Gatin, L.F. Abzalov

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Russian Federation

Rashidov Samarkand State University

Samarkand, Republic of Uzbekistan

I.A. Mustakimov

Kazan (Volga Region) Federal University

National Library of the Republic of Tatarstan

Kazan, Russian Federation

R.Yu. Pochekaev

HSE University

St. Petersburg, Russian Federation

The article analyzes the label to the provincial secretary from the Persian essay "Dastur al-katib fi tayin al-maratib" by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. The authors of the article for the first time introduce into the Russian-language scientific circulation a source characterizing the peculiarities of the organization of provincial power in the Genghis states in the range of Persian-Muslim culture, and also offer a preliminary analysis of this document. The responsibilities of the provincial secretary were related to the management and control of the activities of persons directly involved in the process of collecting taxes and maintaining financial and fiscal registers, the distribution of part of the collected taxes as a salary to officials. This document allows to better understand the official duties of the secretaries of the chambers (divan bitekchelere), indicated in the initial protocol of most of the surviving Genghis labels. Analysis of the document allows us to conclude that the provincial secretary was an appointee of the state's ulug-bitikchi and occupied a fairly high position in the hierarchy of local authorities, being one of the important links in financial and fiscal management.

Keywords: bitikchi, vilayet, States of Genghis, Ilkhans, Jalairs

For citation: Gatin M.S., Abzalov L.F., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. Label to the provincial secretary from "Dastur al-Katib": on the organization of local authority in the states of Genghisides states. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.10–20. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.10-20> (In Russian)

Financial support: The study was supported by the Ibn Sina Foundation and a competition for Ibn Sina grants. Project no.: 2025.02.07.

Организация местной власти в регионе Среднего Поволжья является одним из малоизученных аспектов политического устройства средневековых тюрко-татарских государств, что во многом объясняется скудостью источниковой базы. Решение указанной научной проблемы видится в привлечении новых документов, способных пролить свет на то, как могла функционировать власть в золотоордынском Болгаре или же Казанском ханстве. Для этого вполне уместно обратиться к документам, созданным в государствах со схожей политической организацией, имевших общие истоки и историко-культурные основы, поддерживающих друг с другом тесные контакты. Речь может идти как о государствах Чингизидов, так и политических образованиях, возникших на территориях, прежде находившихся под их властью (Тимуриды, Джалаиры, Шибаниды в Средней Азии и др.). Подобные аналогии представляются вполне резонными. В этой связи в качестве яркого примера уместно привести ярлык казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г., свидетельствующий о сохранении влияния мусульманской культуры на канцелярское дело указанного региона даже в XVI столетии [подробнее см.: 7].

Среди источников, характеризующих политическую организацию государств Чингизидов, одним из наиболее информативных является «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани. Этот ученый и государственный деятель работал над своим сочинением еще в эпоху Ильханов, а завершил ее в 1360-х гг. в период правления султана Шейх Увайса (1356–1374) из династии Джалаиридов (1340–1410) [см. подробнее: 1]. «Дастур ал-катиб» представляет собой руководство для делопроизводителя, в котором приведено огромное количество (сам автор пишет о 800) образцов типовых документов, исходящих из ханской канцелярии.

Ниже мы представляем переводы на русский язык документа из этого уникального сборника, в том числе повествующего о препоручении должностей в провинциях. Следует отметить, что первым ученым, привлечшим этот источник для характеристики государственного устройства Золотой Орды, был австрийский ученый Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) [11, s.512–513], что обусловило опубликование ниже его перевода параллельно с переводом оригинального текста. Авторы статьи солидаризируются с идеями австрийского востоковеда и полагают, что образцы

ханских указов из «Дастур ал-катиб» с определенными оговорками вполне могут быть привлечены для исторической реконструкции, в том числе и власти на местах не только в монгольском Иране, но и в Улусе Джучи – Золотой Орде и ее наследниках.

Перевод документа

<p>Перевод текста источника, переведенного Й. фон Хаммер- Пургшталем [Hammer, S.512–513]¹</p>	<p>Перевод оригинального текста [Нахчивани, 1976, с.164–165 араб. паг.]²</p>
<p>XXXIII. Грамота [ярлык] предводителю секретарей, только один [образец]</p> <p>Поскольку Нам было доложено, что Амадеддин Мохаммед, секретарь, надежный и заслуживающий доверия муж, с правдивым словом и прямым пером, во время недавнего пребывания в должности секретаря N.N. основательно встал на путь преданности и религиозности, завоевал полное доверие своих сотрудников благодаря прекрасным делам и действиям: посему, эта должность секретаря была ему вновь дарована, а врата другим к участию в ней были закрыты, дабы он мог председательствовать над сбором и использованием средств в соответствии с установленными правилами и выполнять условия преданности и религиозности при написании предложений и при составлении отчетов, чтобы он мог представлять их из года в год Великому Дивану и разъяснять их согласно своему опыту. По этим причинам настоящий указ и вступает в силу, дабы военачальники, судьи, наместники, председатели-</p>	<p>Раздел двадцать первый. О препоручении должности провинциального секретаря</p> <p>Поскольку ныне нам доложили, что секретарь Имад ад-Дин Мухаммед является мужем надежным, заслуживающим доверия, правдивым, аккуратным, в исполнении должности секретаря такой-то местности и вилайета следует путем правды и верности, все испытывают к нему полное доверие по причине его похвальных деяний и слов. Посему должность тамошнего секретаря по-прежнему³ поручается ему, а врата соучастия [в отправлении должности секретаря для других] закрываются с тем, чтобы он по установленному правилу был занят записью прихода и расхода средств, составлением бератов⁴, заполнением финансовых отчетов и исправлением счетоводческой документации в соответствии со своей богобоязненностью и надежностью, при распределении, назначении, извлечении и взимании средств [на содержание] эмиров и гонцов, при отпуске и приеме [средств] не сходил с пути справедливости, не уравнивал неимущих с зажиточными, вписывал сведения о доходах и расходах в реестр и ежегодно направлял и представлял его Великому дивану, дабы по ознакомлении с этим документом его содержание было</p>

¹ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

² Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

³ Букв. «В соответствии с прежним постановлением» (برقرار سابق).

⁴ Берат – царская грамота, предоставляющая освобождение от платежа податей и другие привилегии; патент, освобождающий от чего-либо; переводное письмо, перевод, чек [5, с.99].

<p>ствующие, вельможи, сановники, знатные люди и видные особы, как и прежде, признавали его писцом и распорядителем средств, обращались к нему по всем вопросам, касающимся этого дела, и повиновались его предписаниям и запретам, в той мере, в какой это касается их самих, поскольку они соответствуют справедливости и беспристрастности. Писцы должны получать свои гербовые сборы (Temghawat) только от него, каждый вечер представлять ему свои отчеты и сообщать ему обо всех доходах и расходах, ничего не скрывая и не утаивая; пусть они вносят ему установленные налоги и передают их из года в год, запрашивают у него подписи под своими отчетами и оказывают ему почет и уважение во всем. Хвала Господу, Единственному!</p>	<p>докладываемо [государю?]. По этой причине настоящий указ вступает в силу. Пусть тамошние хакиды, сеиды, кадии, мутасаррифы, садры, знатные, почтенные, уважаемые и известные люди в соответствии с прежним постановлением признают его битикчием и финансовым уполномоченным (امين اموال, <i>эмин-и эвал</i>), во всех вопросах, связанных с отправлением этой должности, пусть обращаются к нему. Пусть исполняют его решения, соответствующие справедливости и согласующиеся с непредвзятостью. Пусть писцы знают, что получают [в качестве жалования] свои таможенные сборы от него⁵. Пусть [писцы] ежевечерне представляют ему [свои] отчеты, уведомляют его обо всех приходах и расходах, ничего от него не укрывают и вносят ему установленные пошлины. Хакиды и мутасаррифы пусть ежегодно выплачивают ему плату за отправление должности секретаря в соответствии с тем, как это было оговорено. Пусть знают, что представляемые ими финансовые отчеты и совершаемые ими финансовые операции нуждаются в его утверждении, и прилагают усилия к оказанию ему почтения и уважения. Писано в ...</p>
--	---

Представленный выше документ был включен Мухаммедом б. Хиндушахом во второй раздел («О препоручении постов и должностей везирам и членам Великого Дивана, а также упоминание их обязанностей»), состоящий из 25 параграфов, второй части («Постановления дивана и поручение должности») своего сочинения. Автор трактата располагает образцы ярлыков о назначении на те или иные должности в соответствии с иерархией последних в административной структуре власти государства Ильханов и Джалаиридов. В рамках второго раздела первоначально характеризуются высшие должности центральной власти гражданского управления (например, везир, мустоуфи страны, улуг-битикчи страны и др.) [8, с.508–509; 2], ниже приводятся должности провинциальной власти (например, раис), к числу которых относится и провинциальный секретарь.

Следует отметить, что в государстве Ильханов существовала сложная и разветвленная система налогообложения, наличествовал соответствующий

⁵ Т.е. получатель ярлыка Имад ад-Дин Мухаммад был уполномочен устанавливать жалование подчиненным ему писцам.

ший административный аппарат, который большей частью являлся наследием прошлых эпох. Например, установлением налогов и сборов, организацией обложения, сбором и фиксацией прихода и расхода на разных уровнях администрирования занимались такие должностные лица, как великий везирь, его наиб, хакиды, мутасаррифы, улуг-битикчи, мустоуфи, мушриф, назир, амили, мухассили, аваны, раисы и др. [10, с.29–34]. Большинство из них упомянуто в «Дастур ал-катиб». При скудости информации весьма непросто разобраться не в их непосредственных функциях, а скорее в конкретной области их деятельности, в границах их полномочий в пространстве и по кругу лиц. Отчасти это объясняется тем, что посты, связанные с налогообложением, были подведомственны Великому дивану и его руководителю везиру. С подобной трудностью мы сталкиваемся и при рассмотрении должности провинциального секретаря. Поэтому авторы данной статьи, основываясь на анализируемом источнике, представляют по указанному вопросу некоторые предварительные выводы.

Некий Имад ад-Дин Мухаммед Катиб, в силу своих профессиональных (аккуратный в исполнении должности) и личных (надежный, заслуживающий доверия, правдивый) качеств, повторно назначается на должность секретаря провинции (вилайета). Как видим, в имени секретаря присутствует обозначение его основного вида деятельности (мансаб) – Катиб (عماد الدين محمد كاتب), при этом в самом тексте ярлыка занимаемый им пост называется «битикчи» (بتيكچي) и «финансовый уполномоченный» (امين اموال, эмин-и эмвал) [8, с.165]. Очевидно, не случайно в ярлыке уточняется, что назначаемый битикчи является именно финансовым уполномоченным улуг-битикчи государства – одной из значимых фигур Великого дивана. Следует отметить, что в государстве Ильханов были различные категории секретарей-битикчи, например, нам известны битикчи ариз, битикчи масас, битикчи-эюдачи [10, с.31]. В этой связи анализируемый документ имеет очень важное значение для более точного понимания функции тех писцов палат (ديوان بيتيکچي لری), которые указываются в инскрипции большинства сохранившихся джучидских [9, с.220–221] и, в целом, чингизидских актовых материалов.

Представленным ярлыком Имад ад-Дин Мухаммед Катиб повторно назначается на должность провинциального секретаря. В связи с этим возникает резонный вопрос о сроке его полномочий. Как известно, большинство должностей в эпоху Средневековья имело наследственный характер и передавалось от отца к сыну [например, 6, с.106–107], что можно наблюдать и в «Дастур ал-катиб» [3], но, как видно, были и исключения, – например, некоторые провинциальные должности, связанные с администрированием и финансами на местах. В этой сфере наследственный характер должности мог иметь некоторые неблагоприятные последствия для центральной власти, поэтому полномочия лиц, замещавших такого рода должности, могли ограничиваться определенным сроком. В то же время факт повторного назначения не отрицает наследственного характера долж-

ности. Для ответа на вопрос о сроке полномочий провинциального секретаря обратимся к данным того же источника. В 11 параграфе («О препоручении должности хакима и мутасаррифа», – с ними тесно взаимодействовал предводитель секретарей, деятельность которого также была связана с Великим диваном) говорится о трехлетнем сроке исполнения обязанностей [8, с.133, 134]. Поэтому можно предположить, что и провинциальный секретарь назначался на трехлетний срок, а в случае необходимости его полномочия пролонгировались, что выражалось в выдаче нового ярлыка. Именно такое явление можно наблюдать в нашем документе.

Попытаемся определить место провинциального секретаря в административной структуре. Он входил в число представителей гражданской власти, в ведении которой находились прежде всего финансово-фискальные вопросы. В соответствии со своими полномочиями представитель центральной власти, один из значимых членов Великого дивана (دیوان بزرگ) – улуг-битикчи государства (الغ بتيكچي ممالك), определявший размер налогов, относящихся к компетенции Великого дивана, а также руководивший их сбором в масштабах всей территории страны, – в каждой области (ولایات) мог назначать своего представителя – наиба [2, с.14], каковым, очевидно, являлся и наш провинциальный секретарь – битикчи. Хакимы и мутасаррифы вилайетов (حکومت و متصرفي ولایات) утверждались везирем [8, с.35] путем издания соответствующих ханских ярлыков. На местах они имели собственную администрацию (دیوان), состоящую из писцов, ведших фискально-учетную документацию (دفتر) [4, с.291]. На данном этапе исследования трудно однозначно сказать, каким образом взаимодействовали хакимы, мутасаррифы и провинциальный секретарь, при этом также сложно определить их иерархические отношения. Одновременно в регионах имела должность областного мушрифа, наиба главы диван-и ишрафа, осуществлявшего контроль учета доходов и расходов с земель и недвижимого имущества дивана и государя, отданного в аренду, а также налогов и объектов налогообложения. Мушрифам в областях записывали все доходы и расходы в специальный реестр. Если учет касался государева дохода и расхода, то сюда включались и суммы жалования для пополнения. Мушрифам вели учет уменьшения и увеличения налогов по налоговым ставкам и податной росписи, ведали состоянием всех доходов и расходов в области. Мушрифам должны были быть осведомлены о каждой разверстке, которая производилась через наиба двора и раиса области. Без ведома мушрифа мутасаррифы не имели права решать налоговые и финансовые вопросы. Мушрифам, проверяя списки доходов и расходов, подписывали реестры налогов. Подведя итоги налоговых доходов и расходов области, мушрифам отсылали смету в диван-и ишраф [8, с.33–34].

Среди чиновников, которым следовало взаимодействовать с битикчи, в ярлыке о назначении улуг-битикчи государства указаны хакимы и мутасаррифы, но при этом провинциальный секретарь отсутствует [2, с.14–15]. Очевидно, этот факт можно объяснить тем, что битикчи находился в непосред-

ственном подчинении самого улуг-битикчи, что не подразумевало его указания в адхортации ярлыка. Но в ярлыке везирю из того же трактата битикчи указаны: «Сей ярлык издан для того, чтобы с начала 59 ханского года все эмиры улуса, туманов, инаки, люди Большого дивана, столпы государства, аваны его величества, эмиры тысяч, сотен, баскаки, малики (государи), хакимы (правители), сайиды, шейхи, казии, наибы, мутасаррифы, *битикчи* [курсив наш. – Авт.], садры, акабары, знать, именитые и знаменитые люди, все жители, переселенцы вилайетов, богохранимых владений [...] прочие люди признавали маулану, величайшего сахиба, султана над визирями Джамал ал-Миллэ ва-д-Дина... своим визирем нашего величества» [8, с.108].

Провинциальный секретарь – битикчи руководил процессом учета и фиксации налогов, собираемых писцами, находящимися под его началом. Именно битикчи занимался подготовкой общей сметы, ежегодно направлявшейся в Великий диван. Писцы-катибы дивана вилайета должны были отчитываться перед битикчи обо всех проведенных за день финансово-фискальных операциях для их последующей фиксации в реестрах (дефтер): «Пусть [писцы] ежевечерне представляют ему [свои] отчеты, уведомляют его обо всех приходах и расходах, ничего от него не укрывают и вносят ему установленные пошлины».

Обратимся к следующей значимой функции провинциального секретаря – распределению средств Великого дивана, формировавшихся на местах путем сбора налогов в пользу высшего центрального органа государства. Как известно, часть этих средств распределялась между должностными лицами, которые таким образом получали жалованье и покрывали свои расходы по исполнению тех или иных обязанностей. Для получения этих средств составлялись бераты. Вполне естественно, что битикчи распределял жалованье своим непосредственным подчиненным – писцам-катибам.

В адхортации исследуемого документа указаны представители местной элиты, занимавшиеся осуществлением государственно значимых функций: «хакимы, сеиды, кадии, мутасаррифы, садры, знатные, почтенные, уважаемые и известные люди». В источнике особо подчеркивается: «в соответствии с прежним постановлением признают его битикчием и финансовым уполномоченным, во всех вопросах, связанных с отправлением этой должности, пусть обращаются к нему. Пусть исполняют его решения, соответствующие справедливости и согласующиеся с непредвзятостью».

Анализ ярлыка о назначении провинциального секретаря из «Дастур ал-катиб» Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани позволяет сделать следующие предварительные выводы:

- провинциальный секретарь – битикчи выполнял функции по сбору, учету и распределению собранных налоговых средств на региональном уровне;

- битикчи отвечал за распределение жалованья своим непосредственным подчиненным – писцам-катибам и за выплату жалованья должностным лицам за счет средств Великого дивана;

– битикчи возглавлял провинциальный секретариат, состоявший из писцов-катибов, занимавшихся сбором налогов и финансово-фискальным учетом;

– провинциальный секретарь находился в непосредственном подчинении улуг-битикчи;

– он назначался на должность ханским ярлыком на срок полномочий гражданского правителя вилайета, очевидно, на трехлетний срок;

– кандидат на этот пост должен был обладать определенными профессиональными компетенциями и личными качествами;

– предводитель секретарей вел реестры для ежегодного представления в Великий диван.

Таким образом, провинциальный секретарь – битикчи занимал достаточно высокую позицию в провинциальной иерархии власти, являясь одним из важных звеньев финансово-фискального управления, соединяющих центр с регионами государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10. 2022. №4. С.770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798

2. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Улуг битикчи – тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2023. Т.15, №1. С.8–28. DOI:10.22162/2500-1523-2023-1-8-28

3. Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А. К вопросу о тюрко-монгольских категориях военно-служилых людей в государствах Чингизидов (на примере «Дастур ал-катиб») // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации: сб. статей / под ред. Г.Х. Самигулова. Вып. 2. Челябинск: Южный Урал, 2024. С.5–25.

4. Али-Заде А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку: Изд-во АН АзССР, 1956. 420 с.

5. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Т.1. М.: Наука, 1976. 432 с.

6. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба) / пер. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1985. 160 с.

7. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С.31–47.

8. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / Критич. текст, предисл. и указатели А.А. Али-заде. Т.2. М.: Наука, 1976. 526 с.

9. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

10. Хатиби С.О. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад: Ылым, 1985. 134 с.

11. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

REFERENCES

1. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. "Dastur al-Katib" as a source on the history of the state, law and clerical culture of the Golden Horde (on the example of the label on the appointment of the emir of the ulus). *Golden Horde Review*. 2022, vol.10, no.4, pp.770–798. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-4.770-798. (In Russian)

2. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. Ulug bitikchi: the Turkic-Mongolian institute integrated into the system of the Muslim administration of the Genghisides States of 13th–14th centuries (basing on the materials of the "Dastur al-Katib"). *Mongolian studies*. 2023, vol.15, no.1, pp.8–28. (In Russian)

3. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. On the Issue of Turkic-Mongolian categories of military service people in the Genghisides States (on the example of "Dastur al-Katib"). *Service and yasak people in Russia of the 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations: collection of articles*. Ed. by G.Kh. Samigulova. Issue 2. Chelyabinsk: South Ural Publ., 2024. Pp.5–25. (In Russian)

4. Ali-Zade A. *Socio-economic and political history of Azerbaijan of 13th–14th centuries*. Baku: Azerbaijan SSR Academy of Sciences Publ., 1956. 420 p. (In Russian)

5. Gaffarov M.A. *Persian-Russian dictionary*. Vol.1. Moscow: Nauka Publ., 1976. 967 p. (In Russian)

6. Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Juwaini. *Stages of improvement of katibs (Atabat al-Kataba)*. Translated by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka Publ., 1965. 160 p. (In Russian)

7. Mustakimov I.A. Once again about the Kazan label of Khan Sahib-Girey. *Medieval Turkic-Tatar states: collection of articles*. Issue 5. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2013. Pp.31–47. (In Russian)

8. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi tayin al-maratib (Scribe's guide to determining degrees)*. Vol.2. Moscow: Nauka Publ., 1976. 526 p. (In Persian)

9. Usmanov M.A. *Granted acts of Dzhuchiev ulus of the 14th–16th centuries*. Kazan: Kazan University Publ., 1979. 318 p. (In Russian)

10. Khatibi S. *Persian documental sources on the socio-economic history of Khorasan of 13th–14th centuries*. Ashkhabad: Ylym Publ., 1985. 134 p. (In Russian)

11. Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s. (In German)

Информация об авторах:

Гатин Марат Салаватович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); доцент, Самаркандский государственный университет имени Ш.Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0002-7698-0450; e-mail: marat_gata@mail.ru

Абзалов Ленар Фиргатович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); доцент, Самаркандский государственный университет имени Ш.Рашидова (Самарканд, Республика Узбекистан); ORCID: 0000-0003-3952-6715; e-mail: len_afzal@mail.ru

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет; ведущий научный сотрудник, Национальная библиотека Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0052-5136; e-mail: imus2007@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015; e-mail: rpochekaev@hse.ru

About the authors:

Gatin Marat Salavatovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); Associate Professor of the Rashidov Samarkand State University (Samarkand, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0002-7698-0450; e-mail: marat_gata@mail.ru

Abzalov Lenar Firgatovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); Associate Professor of the Rashidov Samarkand State University (Samarkand, Republic of Uzbekistan); ORCID: 0000-0003-3952-6715; e-mail: len_afzal@mail.ru

Mustakimov Ilyas Alfredovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University; Leading Researcher of the National Library of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0052-5136; e-mail: imus2007@mail.ru

Pochekaev Roman Yulianovich – Dr. Sci. (history), Cand. Sci. (jurisprudence), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and the State, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528; Researcher ID: K-2921-2015; e-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 15.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025

УДК 94(512.145)"17/18"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.21-32>

К вопросу о формировании тептяро-бобыльского сословия в Восточном Закамье и Приуралье (1730–1780-е гг.)

Р.Р. Исхаков

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В статье рассмотрены особенности формирования сословной группы тептярей и бобылей на территории Уфимской провинции (1719–1744 гг.), Оренбургской губернии (1744–1781), Уфимского наместничества (1781–1796 гг.). Проанализированы факторы, повлиявшие на создание обособленной группы тяглого населения, имевшей особую форму фискального обложения, освобожденной от рекрутской повинности и владевшей земельными наделами на правах долгосрочной аренды. Автор приходит к выводу, что основой данной социальной страты стали переселенцы с территории Среднего Поволжья – ясачные татары и марийцы, заселявшие земли вотчинников-башкирцев.

Ключевые слова: тептяри, бобыли, ясачные татары, ясачные марийцы, Уфимская провинция, Оренбургская губерния

Для цитирования: Исхаков Р.Р. К вопросу о формировании тептяро-бобыльского сословия в Восточном Закамье и Приуралье (1730–1780-е гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.21–32. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.21-32>

Финансирование: Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 году Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан от 24.12.2024 №05/2024-ФИП.

On the formation of the Teptyar-Bobyl estate in the Eastern Trans-Kama and Cis-Urals regions (1730–1780s)

R.R. Iskhakov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article considers the peculiarities of the formation of the estate groups of the Teptyars and Bobyls in the Ufa province (1719–1744), Orenburg province (1744–1781), Ufa governorate (1781–1796). The factors that influenced the creation of a separate group of tax-paying population, which had a special form of fiscal taxation, exempted from recruitment and owned land plots on a long-term lease basis, were analyzed. The author comes to the conclusion that the basis of this social stratum was im-

migrants from the territory of the Middle Volga region – yasak Tatars and Mari, who settled the lands of the Bashkir patrimonial landowners.

Keywords: Teptyars, Bobyls, yasak Tatars, yasak Mari, Ufa province, Orenburg province

For citation: Iskhakov R.R. On the formation of the Teptyar-Bobyl estate in the Eastern Trans-Kama and Cis-Urals regions (1730–1780s). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.21–32. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.21-32> (In Russian)

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan (24.12.2024 №05/2024-FIP).

Значительное увеличение численности сельского населения Уфимского уезда в начале XVIII в. за счет роста миграции жителей Среднего Поволжья в Восточное Закамье и Приуралье привело к быстрому сокращению в регионе площади неиспользуемых земель, а также к уменьшению возможности интеграции переселенцев в состав сословия вотчинников-башкирцев. Чтобы получить земельные наделы, новые переселенцы все чаще были вынуждены соглашаться на временную аренду земель за выплату оброка (припуск), что не давало им вотчинных прав и возможности получить «башкирское имя». Именно эти группы припущенников становятся основой новой социальной страты, сформировавшейся в первой половине XVIII в., – тептярей и бобылей.

Понятие «тептярский/дефтерский ясак», под которым подразумевался облегченный окладной ясак, платившийся ясачными людьми, входит в употребление и начинает повсеместно фиксироваться в документах писцового делопроизводства Уфимского уезда в последней четверти XVII в. Так, в 1689/1690 г. в окладной тептярский ясак были записаны безьясачные татары Уразайка Тынбаев, Кулумбетко Уразаев «в помощь» башкирцу д. Кулюшли Дуванейской волости¹. 19 июня 1691 г. на ясачного татарина, бобыля д. Иняк Осинской дороги Яшпахтку Сейтякова был наложен окладной ясак в размере 13 куниц и батман меду, который он должен был выплачивать с башкирцем той же волости Рыскеем Бокаевым. Его бобыльский ясак был переложен на жителя д. Иштугановы Ижболдку Акутанова. В связи с тем, что такой большой ясак Яшпахтке Сейтякову было платить «невмочь», ему в помощь 9 декабря 1693 г. в тептярский окладной ясак был записан его брат Исенбай Сейтяков, а его бобыльский ясак был переложен

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.1363. Л.3.

на жителя д. Шигамаловы безъясачного бобыля Василейку Азманова². В 1694/1695 г. на тептярский окладной ясак были переведены безъясачные татары д. Янтудины Шамшадинской волости Апелейко и Токайко Илмурзины. Им было велено платить в казну 4 куницы вместе с их родным братом Иликейко Илмурзиным, который к тому времени уже был записан в окладной ясак³. В указной грамоте из Приказа Казанского дворца от 14 сентября 1695 г. уфимскому воеводе Д.Н. Головину предписывалось переписать «девтерской» (тептярский) ясак башкирца д. Якшебаново Байчерки Илинбетева сына Минина, который «стал стар и увечен», на Салтанбайку Доскаева, принятого им «вместо сына». Наряду с Салтанбайкой Доскаевым в тептярский ясак был записан и его брат⁴. 4 октября 1700 г. указной грамотой из Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе Б.Ф. Аничкову было предписано переписать «казанский медвеной ясак» в размере 4 гривен, платившийся ясачными татарами д. Салагуш Байлярской волости Казанской дороги Мряской Сабаевым «с товарищи» со своих промысловых угодий на р. Азев (Азяк), в окладной тептярский ясак «и о том дать им на Уфу и в Каз[ань] послушные наши, великого государя, грамоты»⁵.

По мнению ряда исследователей [11; 12, с.160–162], бобыли, платившие этот ясак, в дальнейшем стали называться тептярями и сформировали новую сословную группу региона. В данном случае эта гипотеза строится на том основании, что оба слова имеют общую лексическую основу и восходят к персидскому слову «*дэфтер*» – тетрадь (для записи ясака). Однако при внимательном изучении исторических источников обнаруживается несколько существенных нюансов, позволяющих усомниться в состоятельности данной точки зрения: 1) в документах четко прописано, что тептярский ясак является окладным и платят его башкирцы; 2) наряду с бобылями, переводившимися на окладной ясак, тептярский ясак платили «природные» башкирцы, в силу разных жизненных причин не имевшие возможности выплачивать полный оклад; 3) как синоним выражения «тептярский ясак» в источниках встречается словосочетание «девтерский ясак»; 4) и, наконец, наиболее существенный аргумент – лица, записанные в тептярский ясак в конце XVII в., и их потомки отсутствуют в данных первых трех государственных переписей (ревизий) Уфимского уезда первой половины XVIII в. [14]. В указах о проведении этих ревизий специально было оговорено, что перепись в Приуралье не распространяется на башкирцев и уфимских татар [6, с.618]. В то же время ясачные татары-бобыли, обложенные подушным окладом, были переписаны. В материалах III Государственной ревизии (1761–1764 гг.) многие из этих татар уже фиксируются как тептяри, а бывшие бобыли, ранее платившие тептярский

² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.44 об.–45.

³ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1167. Л.7–10.

⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1198. Л.1.

⁵ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1297. Л.1.

ясак, как представители башкирского сословия в ревизских сказках не значатся. Исходя из этих данных можно сделать вывод, что тептярский ясак являлся облегченным окладным ясаком, позволявшим его плательщику получить статус башкирца.

Таким образом, в документах конца XVII – начала XVIII в. начинает фиксироваться понятие «тептярский окладной ясак», в то же время отсутствует обозначение «тептяр» в отношении какой-либо социальной группы. Лишь в документах, относящихся к началу XVIII в., начинают фиксироваться единичные примеры наименования «тептер/тептяр». В частности, в «Книге записной при сиденье стряпчего и воеводы Федора Федоровича Люткина кабалам и записям и всяким крепостям 1704 году» записан «ясашной тептер» д. Янурсова Байлярской волости Казанской дороги Уфимского уезда Янурска Баглеев, получивший у мензелинского конного казака Василия Васильева сына Худякова оброк за аренду бортного ухажья в размере 11 алтын 4 деньги⁶. При этом в подавляющем большинстве случаев в источниках данного времени припущенники продолжали записываться как ясачные или безьясачные люди (ясачные татары, черемисы, вотяки и проч.). Все это может свидетельствовать о том, что в начале XVIII в. сословной группы тептярей еще не существовало.

Показательны в этом отношении данные Первой государственной ревизии (переписи), проведенной в Приуралье в 1722–1723 гг. Согласно ревизским сказкам, в начале 1720-х гг. в Осинской дороге насчитывалось 100 татарских поселений, в 49 из них проживали ясачные татары, 10 населенных пунктов были смешанными (заселены ясачными и служилыми татарами). В Казанской дороге было отмечено 87 татарских селений, из них 7 были смешанными, в 59 проживали исключительно ясачные татары. В Сибирской дороге записано 64 татарских населенных пункта, из них в 25 зафиксированы ясачные татары, 5 деревень являлись смешанными. Наименьшее число татарских деревень зафиксировано в Ногайской дороге – 31. По этой дороге деревень ясачных татар было 26, еще в двух селениях совместно проживали ясачные татары и служилые татары [1, с.16–17]. Таким образом, по 4 дорогам насчитывалось более 100 татарских аулов, плативших подушную подать. При этом в ревизских сказках о жителях этих деревень ни разу не говорится как о «тептярях» [14, с.20–46].

Быстрое увеличение «сходцев» в Приуралье к 1720-м гг., приобретшее характер неконтролируемого массового явления, привело к тому, что как местная, так и центральная администрация озаботилась этим вопросом, решив если не остановить миграционный процесс, то хотя бы замедлить его. Важной задачей становится фискальный учет новоприбылых «гулящих людей» для обложения их ясаком (подушным окладом). Для поиска и выдворения «беглецов» из пределов Уфимского уезда туда был направлен военный отряд во главе с графом Г.И. Головкиным. С 1 июня

⁶ РГАДА. Ф.615. Оп.1. Д.6173. Л.3 об.

1720 по 1 марта 1722 г. отряд Головкина выслал из Уфимского уезда в места их прежнего жительства 19815 чел. обоего пола [13, с.82].

Несмотря на эти жесткие действия переселенческое движение в Приуралье, спровоцированное усилением фискального бремени и административного контроля, а также политикой христианизации, расширяется. В ответ на это указом от 27 июля 1728 г. башкирцам и иноверцам Уфимской провинции было велено: «беглых русских, мордвы, чуваш и черемис и никаких народов людей, подданных наших, не принимать и не держать, а которые их, вышеобъявленных, беглецы ныне есть, тех приводить на Уфу и отдавать означенному нашему бригадиру и воеводе [П.И. Бутурлину. – Р.И.] немедленно» [7, с.70]. Но попытки нового массового выселения припущенников не привели к положительным результатам, главным образом в связи с нежеланием вотчинников выдавать их властям. Это было вполне объяснимо. Многие переселенцы-татары, длительное время проживавшие на землях поземельных волостей, успели породниться с вотчинниками, так как между ними не существовало никаких препятствий этнокультурного и конфессионального характера, а сословные «перегородки» между башкирцами и припущенниками еще только начинали формироваться. Немаловажное значение имели и хозяйственно-экономические резоны – припущенники вносили в пользу вотчинников существенные арендные платежи (оброк) и несли натуральные повинности, налагавшиеся на поземельные волости.

Указом Сената от 18 марта 1731 г. была вновь подтверждена необходимость выселения пришлого населения, правда – с существенными оговорками: «о которых иноверцах башкирцы объявляют, что они сходцы из других уездов, а кто откуда сошел, доказательств не показывают, а те иноверцы допросами показывают, что деды и отцы их и сами они родиною Уфимского уезда ясачные татары и в справке в ясачных книгах записаны и ясак платят в Уфу: таким жить в тех местах, где кто ныне живет по-прежнему. А которых иноверцев в ясачных окладных книгах не написано и ясак в Уфу не платят: таких о высылке на прежние жилища чинить по прежним указам и данной из Сената инструкции непременно» [8, с.399]. Но и это предписание фактически не было выполнено. Местные власти без должной поддержки и помощи жителей поземельных волостей не имели возможности решить такую сложную задачу.

Понимая невозможность выслать за пределы Уфимской провинции всех переселенцев, власти пошли на дальнейшее смягчение своей политики по отношению к припущенникам. В 1734 г. было велено всех «сходцев», живущих на территории поземельных волостей «из найма» по записям и без записей (т.е. на правах припуска за плату оброка), переписать в течение 6 месяцев, «кто они, откуда, какой веры, на чьих землях и когда поселились»⁷. Переписывали припущенников в «тептярские» (от персид-

⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.30.

ского *дэфтэр* – запись, тетрадь для записи) книги для дальнейшего обложения их особым подушным окладом, получившим название «тептярский ясак». Другой важной задачей данной переписи стало установление правильного государственного учета припущенников. По всей видимости, уфимская администрация стремилась, переписав и установив контроль над ними, не допускать впредь интеграции в их состав новых переселенцев.

Итак, главным критерием при записи в «тептярскую книгу», т.е. определении в тептяри, был факт проживания лица на землях вотчинников на правах припуска. Впрочем, были и исключения. В частности, в тептяри не были записаны припущенники из числа служилых татар, продолжавшие считаться представителями служилого сословия. В то же время в число тептярей вошла относительно небольшая группа ясачных людей, проживавших на казенных и частных землях.

С переписи 1734 г. можно вести отсчет формирования тептярского сословия. Здесь следует заметить, что наряду с «тептярской книгой» переписчики вели и «бобыльскую книгу». В чем же были различия между тептярями и бобылями? Пожалуй, единственным критерием, который выделял представителей этих групп, были форма и размер налагавшегося на них ясака. До 1747 г. тептяри и бобыли платили тептярский и бобыльский ясак. Разница между тептярским и бобыльским ясаком заключалась как в сумме оклада, так и в том, что бобыли платили, кроме того, подымные, ямские и полоняничные деньги, тептяри же платили только подымные [5, с.685]. В XVII в. уфимскими ясачными и безьясачными бобылями считались группы тяглого населения Уфимского уезда, не входившие в состав сословия вотчинников. К началу XVIII в. общая сумма собиравшегося бобыльского ясака превышала размер башкирского окладного ясака. Можно предположить, что во время переписи 1734 г. в число бобылей попали лица, ранее платившие бобыльский ясак, в то время как более облегченным тептярским ясаком были обложены безьясачные припущенники. Это подтверждается тем фактом, что все выявленные в ходе переписи 3847 дворов припущенников, ранее не плативших ясак, были вновь записаны в «единственно тептярский ясак» [4, с.430]. Косвенно это подтверждают и данные, выявленные У.Х. Рахматуллиным: «К обложению безьясачных припущенников Башкирской волости правительство подошло весьма осторожно. На этот раз власти отступили от своих традиций накладывать на безьясачных жителей волости бобыльские платежи. Направляя на ревизию [речь идет о переписи 1734 г. – *Р.И.*], администрация наказывала своим чиновникам, чтобы они включали людей в тот или иной ясак (бобыльский или тептярский) “по объявлению от себя”, т.е. по выбору самих плательщиков» [12, с.174–175].

Другим значимым событием, которое привело к окончательному оформлению тептярско-бобыльского сословия, стал указ Сената от 13 октября 1747 г., налагавший на тептярей и бобылей вместо обычного подушного оклада (70 коп.) восьмигривенный сбор (80 коп.) на содержание

двух полков, расквартированных в Оренбурге [9]. Кроме того, по предложению первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева, было решено не налагать на тептярей и бобылей рекрутскую повинность, «потому что из них к построению города Оренбурга и прочих крепостей каждый год на лето до 700 человек наряжается, каковые наряды им, тептярям и бобылям, в рассуждении рекрут почти не легче становиться»⁸. Эти законодательные акты четко отделили тептярей и бобылей от представителей другого тяглого населения Уфимского уезда и новых переселенцев.

С 1740-х гг. тептяро-бобыльские отряды использовались Оренбургской экспедицией в походах, при восстановлении Табынска и закладке Оренбурга, а также при переносе Оренбурга на новое место. Кроме того, они участвовали и в других строительных работах – при постройке Стерлитамакской пристани и т.д. Регулярное использование их для перевоза соли от Илецкой защиты началось с 1766 г., когда к этой работе специально было приписано 1200 чел.

Результаты сословной стратификации и фискальной политики государства в отношении припущенников проявились в данных Второй государственной ревизии, проведенной в Приуралье в 1747 г. В материалах этой переписи впервые появляется обозначение «тептяри и бобыли». В частности, в «Книге переписной 1747 г. ... ясачных татар, служилых мещеряков и татар Осинской и Сибирской дорог Уфимского уезда...» часть жителей татарских селений Осинской дороги Уфимского уезда обозначены как «ясашные иноверцы, называемые тептяри и бобыли»⁹. Всего перепись выявила 12202 двора, в которых проживало 29 тыс. тептярей и бобылей, плативших восьмигривенный сбор [12, с.177].

Перепись оформила разделение ясачных людей Уфимского наместничества на представителей тептяро-бобыльского сословия и государственных крестьян. Неслучайно в многочисленных прошениях представители разных социальных групп по поводу «неправильной» записи их в состав тептярей или ясачных татар (государственных крестьян) оспаривали данные именно этой переписи. Так, ясачные татары д. Тавлы Дрюш Мензелинского уезда в прошении, поданном в 1805 г. министру юстиции князю П.В. Лопухину, писали, что предки их «носили звание тептярей, платящих ясак, что ныне на Оренбургской линии из среды себя собственным коштом содержат два иррегулярных тептярских полка; но назад тому лет 60 [т.е. во время проведения второй государственной ревизии. – Р.И.], неизвестно почему, бывшим при переписи полковником Толстовым переименованы из тептярского в род ясашных татар»¹⁰. Поэтому они настаивали на причислении их в тептярское сословие. Другой проситель, тептярь Аннувар Кутушев, напротив, требовал исключить его из тептярского со-

⁸ ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.31.

⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3791. Л.302.

¹⁰ ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.31–32.

словия, так как его родной отец, «природный башкирец» д. Парат Асты Кутуш Сюлюков «в прошедшую 1747 года генеральную перепись, неведомо с чего, Кыр-Иланской волости старшиною Московом Девлеткуловым записан в число ясашных татар [имеется в виду тептяр. – Р.И.] и был обложен восьмигривенным окладом»¹¹.

Вторая государственная ревизия стала определенным рубежом и в нивелировании социально-правовых и фискальных различий между тептярями и бобылями. С этого времени перестали вестись отдельные тептярские и бобыльские книги, их заменили ревизские сказки, вместо бобыльского и тептярского ясака был введен восьмигривенный сбор. Обе группы в равной степени отбывали общие повинности. Это привело к тому, что различия между этими социальными номинациями быстро размывались. По всей видимости, большую разницу между этими категориями уже не видели и сами тептяри-бобыли. Например, Расуль Резяпов, подававший ревизские сказки тептярей и бобылей команды старшины Исламгула Шарыпова, указал себя как «тептяр и бобыль»¹².

Дальнейшую институционализацию тептярского сословия можно наблюдать в материалах III государственной ревизии, проведенной в Оренбургской губернии в 1762 г. Согласно ревизским сказкам переписи, к этому времени в Приуралье сложилась разветвленная сеть поселений татар-тептярей и бобылей (в материалах I ревизии жители этих деревень обозначены как ясачные и безьясачные татары). Наряду с населенными пунктами четырех дорог Уфимского уезда (Казанская, Осинская, Ногайская, Сибирская) селения тептярей фиксируются на Новомосковской дороге. Данная административно-территориальная единица Оренбургской губернии возникла после строительства г. Оренбурга в начале 1740-х гг. и охватывала область, прилегающую к Большой Московской дороге, шедшей из Оренбурга в Казань. На всем протяжении тракта были созданы ямские слободы, которые заселяли преимущественно татары из разных уездов Казанской губернии. По данным II государственной ревизии, к 1747 г. в Новомосковской дороге насчитывался 51 татарский аул, где проживали «татары иноверцы» и «безьясачные татары» [1, с.17].

Первоначально в новообразованной административной единице не существовало социальной структуры, характерной для других дорог Уфимского уезда – здесь отсутствовали ясачные вотчины и вотчинники, соответственно не было припущенников, а подавляющее большинство жителей относились к категории государственных крестьян. В предложениях Оренбургского губернатора князя А.А. Путятина для проекта Нового уложения 1767 г. отмечалось: «Все земли и селения, лежащие, ехав из Оренбурга новою Московскою дорогою к Казани... також и всю Надыровскую волость, башкирскими не числятся» [2]. Не было здесь и поземельных волостей. Иск-

¹¹ ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.32.

¹² ОР РГБ. Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.32.

лючение составляла Надыровская волость, основанная в 1720-х гг. ясачным татаринцом д. Адаево Арской дороги Казанского уезда Надыром Уразметовым. Эта волость включала в себя значительную часть Новомосковской дороги. Ее западная граница совпадала с Новой Закамской засечной линией. Расстояния между крайними точками волости составляли: с севера на юг – 160 км, с востока на запад – 115 км. Периметр волости равнялся 566 км [2]. Первоначально она была заселена служилыми и ясачными татарами, но к 1760-м гг. ее жители интегрировались в общую социальную структуру Уфимской провинции. Потомки Надыра Уразметова, а также лица, приобретшие в волости земли, стали вотчинниками, здесь поселялись башкирцы и из других поземельных волостей. Соответственно, появились и тептяри-припущенники. В сказках III ревизии в Надыровской волости записано 49 деревень татар – тептярей и бобылей, «положенных в восьмигривенный оклад», по Новомосковской дороге (отмечены отдельно) – 27 деревень [14, с.79–81, 104–106]. Всего же численность тептярей и бобылей по данным III ревизии составляла 33656 душ м.п. [12, с.177].

В ревизских сказках нашла отражение новая форма общественной организации тептярского сословия. Тептяри и бобыли вошли в состав отдельных команд во главе со старшинами. Можно констатировать, что ко времени проведения III государственной ревизии, т.е. к началу 1760-х гг., произошло окончательное оформление данной социальной группы. В последующем новые переселенцы, в том числе лица, жившие на вотчинных землях и платившие башкирцам оброк, уже не могли пополнять сословие тептярей (хотя исключения были), – они записывались в число сельских обывателей (государственных крестьян).

Таким образом, формирование сословия тептярей происходило в первой трети XVIII в. в рамках фискальной реформы, направленной на обложение особым сбором припущенников. Тептяро-бобыльское сословие являлось сложной этносоциальной группой, в которую вошли разные этнокультурные сообщества Приуралья – преимущественно татары и марийцы, объединенные общей формой землевладения и налогообложения. Можно признать беспочвенной и не выдерживающей научной критики гипотезу А.З. Асфандиярова [3, с.59–82] и его последователей [11], согласно которой тептяри сформировались в XVII в. из числа башкир, «вытесненных» из общин вотчинников. На чем же основывается эта точка зрения? В основном, на данных многочисленных «спорных дел» XVIII–XIX вв., содержащих прошения тептярей с требованием перевести их в сословие башкирцев. Желание тептярей причислиться к вотчинникам вполне понятно. Приобретая «башкирское имя», тептяри повышали свой социальный статус и получали возможность увеличить земельный надел. Свои просьбы припущенники аргументировали тем, что их предки были «из природных» башкирцев, по недоразумению или злему умыслу записанных в тептяри. Действительно, в документах конца XVII – первой половины XVIII в. можно встретить примеры того, как представители одного татар-

ского рода оказывались в составе разных сословий. Но это не было связано с каким-то «вытеснением» лиц, не имевших достатка, из общин башкирцев. Изучение источников данной эпохи показывает, что причина заключается в обратном – в интеграции бобылей в состав ясачных башкирцев. В результате сложилась такая картина: часть представителей одного рода, записавшись в окладной ясак, становились башкирцами, а другая его часть, остававшаяся в числе ясачных и безьясачных бобылей, в дальнейшем пополняла тептяро-бобыльское сословие. Весьма важные данные, опровергающие точку зрения А.З. Асфандиярова, содержатся в материалах первых ревизий Уфимского уезда. Так, многие деревни, указанные в III ревизии (1767 г.) как «тептяро-бобыльские», в материалах I ревизии фигурируют как «новопоселенные деревни ясачных татар». Они были основаны переселенцами с территории Предкамья и Горной стороны в конце XVII – начале XVIII в. То есть их жители первоначально не входили в состав башкирцев Уфимского уезда [14].

Со времени своего возникновения тептяро-бобыльское сословие занимало промежуточное положение между тяглым (государственными крестьянами) и служилым населением. Как и другое податное население, тептяри и бобыли платили особый подушный оклад. В то же время они, наряду со служилыми мещеряками, участвовали в строительстве крепостей и подавлении восстаний 1735–1736, 1755–1756 гг., имели военизированную общественную организацию (делились на команды). Такое двойственное положение вызывало определенные вопросы у органов власти. В 1789 г. Сенат предпринял попытку перевода тептярей и бобылей в состав государственных крестьян. Указом от 13 декабря 1789 г. это решение было утверждено, но вскоре, 18 февраля 1790 г., решением императрицы Екатерины II тептяри и бобыли были оставлены в прежнем окладе, т.е. в прежнем состоянии [10]. 18 апреля 1790 г. последовал новый именной указ Екатерины II – о формировании из числа тептярей и бобылей пятисотенного казачьего полка [10]. Так тептяри и бобыли окончательно стали военно-служилым сословием и начался новый этап их истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминов Р.Р. Введение // Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. С.6–19.
2. Амирханов Р., Габдуллин И. Надыровская волость. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7> (дата обращения: 30.07.2025).
3. Асфандияров А.З. Тептяри (социально-экономическое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия. Уфа: БФАН ССР, 1987. С.59–82.
4. Материалы по истории Башкирской АССР (МИБ). Т.IV. Ч.1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 494 с.
5. МИБ. Т.V. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 783 с.

6. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. (ПСЗ РИ). СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1830. Собр. 1-е. Т.V. №3287.
7. ПСЗ РИ-1. Т.VIII. №5318.
8. ПСЗ РИ-1. Т.VIII. №5719.
9. ПСЗ РИ-1. Т.XXIII. №16836.
10. ПСЗ РИ-1. Т.XXIII. №16856.
11. *Рахимов Р.И.* История тептярских конных полков. Уфа: Китап, 2022. 168 с.
12. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
13. Списки населенных мест Российской империи. Вып. 45: Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. ред. В.Зверинским. СПб: Тип. Карла Вульфа, 1877. 188 с.
14. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исхаков. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. 192 с.

REFERENCES

1. Aminov R.R. Introduction. *Tatars of Ufa district (materials of population censuses of 1722–1782): reference publication*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. Pp.6–19. (In Russian)
2. Amirkhanov R., Gabdullin I. *Nadyrovskaya volost*. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/7> (accessed: 07.30.2025). (In Russian)
3. Asfandiyarov A.Z. Teptyars (socio-economic and linguistic content of the term). *Bashkir ethnonymy*. Ufa, 1987. Pp.59–82. (In Russian)
4. Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol.4. Part 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 494 p. (In Russian)
5. Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol.5. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 783 p. (In Russian)
6. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ RI-1)*. Vol.5, no.3287. (In Russian)
7. *PSZ RI-1*. Vol.8, no.5318. (In Russian)
8. *PSZ RI-1*. Vol.8, no.5719. (In Russian)
9. *PSZ RI-1*. Vol.23, no.16836. (In Russian)
10. *PSZ RI-1*. Vol.23, no.16856. (In Russian)
11. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments*. Ufa: Kitap Publ., 2022. 168 p. (In Russian)
12. Rakhmatullin U.Kh. *Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. Issues of formation of the non-Bashkir population*. Moscow: Nauka Publ., 1898. 188 p. (In Russian)
13. *Lists of populated areas of the Russian Empire*. Vol.45. Ufa province. List of populated areas according to 1870. St. Petersburg: Karl Wulff printing house Publ., 1877. 195 p. (In Russian)
14. *Tatars of Ufa district (materials of censuses of 1722–1782): reference publication*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 192 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

About the author:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 26.10.2025

Принята к публикации / Accepted 21.11.2025

УДК 94(470.4)512.14

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.33-50>

**Демографическая характеристика татарского населения
деревни Малые Кокузы 1716–1858 гг.
(по материалам переписи и ревизий)**

О.О. Владимиров

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье на основании материалов переписи и ревизий, отложившихся в фондах ландратских книг и ревизских сказок Российского государственного архива древних актов и Казанской губернской казенной палаты Государственного архива Республики Татарстан, представлена демографическая характеристика населения д. Малые Кокузы в период с 1716 по 1858 г. Изучены различные ранние упоминания данной деревни, на основании которых выдвинута гипотеза о времени ее возникновения. Также в статье приводятся результаты анализа брачно-семейных связей жителей д. Малые Кокузы с жителями иных населенных пунктов.

Ключевые слова: демографическая характеристика, ревизский учет, Малые (Старые, Другие) Кокузы, Большие Кокузы, Третьи Кокузы, Свияжский уезд, ясачные татары

Для цитирования: Владимиров О.О. Демографическая характеристика татарского населения деревни Малые Кокузы 1716–1858 гг. (по материалам переписи и ревизий) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.33–50. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.33-50>

**Demographic characteristics of the Tatar population
of the Malye Kokuzy village in 1716–1858
(based on the census records)**

O.O. Vladimirov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article presents the demographic characteristics of the population of the Malye Kokuzy village from 1716 to 1858, based on census records stored in the funds of the landrat books and the census records of the Russian State Archive of Ancient Acts and the Kazan Provincial Treasury Chamber of the State Archives of the Republic of Tatarstan. Various early references to this village are examined, leading to a hypothesis regarding its origin. The article also presents the results of an analysis of marital and family ties between residents of Malye Kokuzy and those of other settlements.

Keywords: demographic characteristics, census accounting, Malye (Starye, Drugiye) Kokuzy, Bolshiye Kokuzy, Tretiye Kokuzy, Sviyazhsk district, yasak tatars

Fot citation: Vladimirov O.O. Demographic characteristics of the Tatar population of the Malye Kokuzy village in 1716–1858 (based on the census records). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.33–50. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.33-50> (In Russian)

Деревня Малые Кокузы, ныне входящая в состав Апастовского района РТ, выбрана для исследования не случайно. Ее напрямую затронули многие демографические процессы, характерные для большинства татарских поселений Горной стороны. В данной статье на основании неопубликованных материалов переписи и ревизий 1716–1858 гг. предпринята попытка охарактеризовать демографические процессы в д. Малые Кокузы, раскрыть брачно-семейные связи жителей данной деревни, а также дать ответ на вопрос о времени возникновения населенного пункта.

Ранние упоминания о Кокузах в XVI – начале XVIII в. В различных энциклопедических изданиях по истории населенных пунктов Татарстана отмечено, что д. Малые Кокузы основана в XVII в. [9, с.52]. Источник же этих данных нигде не указан. Автор настоящей работы предпринял попытку выявить наиболее ранние упоминания о данном населенном пункте (далее – н.п.) с целью уточнения времени его возникновения.

Деревня Малые Кокузы ранее входила в состав князь Темеевой сотни Свияжского уезда. Свое название данная сотня получила от имени князя Темея Кочакова, получившего «княженье» в 1580/81 г. [1, с.161]. Самая ранняя сохранившаяся перепись по данному н.п. датирована 1716 г. В этой переписи деревня фигурирует под названием Другие Кокузы¹. Более ранние материалы переписей 1646-го, 1678-го и 1710-го гг. по всему ясачному населению Свияжского уезда не сохранились. Но в отдельных фондах РГАДА можно обнаружить различные спорные дела, окладные книги, приходные книги о сборе пошлин и другие архивные материалы, в которых имеются сведения о жителях Свияжского уезда.

Так, в копии владенной выписи из межевых книг И.П. Обухова и подьячего В.Назарьева 1702 г. упомянуты участвовавшие в межевании жители деревень Старой и Третьей Кокузовы, а также Больших Кокуз [5, с.101]. По переписи 1716 г. известны следующие деревни: Большие, Другие и Третьи Кокузы. На основании этого можно предположить, что д. Малые Кокузы в 1702 г., вероятно, значится под названием Старое Кокузово. Для того, чтобы точно удостовериться в этом, нам необходимо было сопоставить данные по упоминаемым в 1702 г. жителям д. Старое Кокузово с жителями д. Другие (Малые) Кокузы, переписанными в 1716 г. Так, из жителей д. Старой Кокузовы в деле 1702 г. значатся: Бимяк Кин-

¹ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.783.

кин, Тюгей Мамнеев, Мамней Ишмекеев, Кудем Клякеев и Юла Акмашев [5, с.101]. В переписи 1716 г. по д. Другие Кокузы упомянуты указанные в 1702 г. Тюгей Мамнеев² и Юлай Акмашев³. А в ревизии 1719 г. упомянуты Кудей Клякеев⁴, а также племянники Утягана Килкина – Бихмет и Юлай Бимяковы⁵, вероятные дети учтенного в 1702 г. Бимяка Килкина (Кинкина). Не найдены сведения лишь о Мамнее Ишмекееве, но он, вероятно, умер к 1716 г. Тем не менее, очевидно, что д. Малые Кокузы ранее также носила название Старые Кокузы и, следовательно, была основана несколько ранее, чем соседние Большие и Третьи Кокузы.

Более ранние данные по д. Кокузы выявлены в материалах следственного дела 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы. В частности, в этом деле упомянут татарин Девлетсубка Дунаев, который «живет в Свияжском уезде в Князь-Темееве сотне Кочакова в деревне Кокузове» [8, с.150]. Также упомянуты живущие там же татарский пристав Камаика [9, с.170] и Исенбахта Исенеев [8, с.193]. При этом не указано, о жителях каких именно Кокузов идет речь. Из этого можно было бы заключить, что в то время топоним «Кокузы» относился лишь к одной деревне. Однако в копии выписи из отдельных книг 1620/1621 г. С. Бестужева и подьячего С.Свистунова упомянуты Новые Кокузы [5, с.82], следовательно, обе деревни были основаны ранее 1620/1621 г.

Имеются основания полагать, что Кокузы существовали еще во времена Ивана Грозного. Так, в посольской книге по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. есть сведения 1568 г. о том, что к крымскому хану Девлет-Гирею приехали из Казани два черемисина Агиш и Мустафа, о которых сказано, что «живут деи на Горней стороне в селе в Коткозе, да с ним новокрещен казанец же Иванча» [6, с.166]. В другом месте того же документа данный н.п. назван еще более схожим со словом «Кокузы» наименованием: «а живут деи те татарове все на Горней стороне в селе в Коккозе» [6, с.177]. Вероятно, это и есть Кокузы, поскольку иных похожих названий на Горной стороне не было. Из этого следует, что Кокузы уже существовали к 1568 г. Правда, в списке с писцовой и межевой книги Свияжского уезда 1565–1567 гг. нет упоминания о Кокузах [7]. Данное писцовое и межевое описание Горной стороны было проведено всего через 13 лет после присоединения этих земель к Русскому государству, и потому можно предположить, что в тот период были активные миграции населения на опустевшие земли. Возможно, именно такие миграции и привели к возникновению к 1568 г. села Коккозы, которое впоследствии стало татарской деревней Кокузы. По крайней мере, каких-либо до-

² РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.785.

³ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.784.

⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425.

⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425 об.

казательств существования данного н.п. во времена Казанского ханства на сегодня не выявлено, хотя это и не исключено.

Вернемся к материалам XVIII в. В записях приходной книги о сборе пошлин с «ездовых памятей» Свияжской приказной избы за сентябрь – ноябрь 1700 г. есть сведения о том, что житель д. Старые Кокузы Килмаметка Уразмамметев просил в качестве оговоренного калыма от татар Кадряковых из д. Чирки «Янаев починок тож»⁶ калымных денег в размере 6 руб. 10 алтын, серебряный «блязик» (20 алтын), на 6 руб. меда, быка, аршина ткани, да шубу [2, с.402]. По переписи 1716 г. такой человек не значится, но упомянуты его возможный сын Утяган Килкин⁷ или брат Тюмекей Уразметев⁸.

Малые Кокузы по переписям и ревизиям Свияжского уезда 1716–1762 гг. По данным ландратской переписи 1716 г., данный н.п., как сказано выше, значится под названием Другие Кокузы и в нем в 18 дворах описано 39 душ м.п. и 35 душ ж.п., в общей сложности 74 души обоих полов⁹. После переписи 1710 г. десять дворов значатся опустевшими, жители семи из них – умершими, жители трех – беглыми. Беглые татары более не упоминаются в родной деревне, не найдены их следы и в иных н.п. Свияжского уезда. Возможно, как и предки Ризы Фахретдина, часть татар Свияжского уезда поселились на территории Уфимского уезда [4, с.146].

По ревизии 1719 г. в д. Другие Кокузы описана 61 душа м.п.¹⁰. Старостой деревни к тому времени был Ахмет Аймяков¹¹. В отдельных дворах, помимо хозяев, проживали их дети, братья, племянники, пасынки и приемыши. Так, в семьях двух местных татар указаны их пасынки: в семье Нурки Килкина описан его пасынок Калмет Ижбулатов¹², а в семье Тохташки Каймурзина значатся два пасынка – Юнус Тоймурзин и Ибрай Янмурзин¹³. При этом по переписи 1716 г. Ибрай указан не пасынком, а родным сыном Тохташа, а Юнус и вовсе не указан. В семье Сеита Юлаева к 1719 г. проживал принятый в его семью приемыш Солтан Курманов¹⁴, не описанный в 1716-м. В семье Утягана Килкина описаны его племянники Бихмет ~1702 г.р. и Юлай ~1709 г.р. Бимяковы¹⁵, также не указанные в переписи 1716 г.¹⁶ Таким образом, материалы ревизии 1719 г. позволяют

⁶ Ныне с. Починок-Енаево Апастовского района РТ.

⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.784 об.

⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.783 об.

⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.783–787.

¹⁰ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425–426.

¹¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425.

¹² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425 об.

¹³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425.

¹⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425 об.

¹⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.425 об.

¹⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.783 об.

уточнить и конкретизировать отдельные данные. Отметим также, что, несмотря на отсутствие в этом источнике сведений о душах ж.п., можно охарактеризовать отдельные стороны брачно-семейных отношений некоторых местных жителей. Так, в семье Сапара Алексеева описан его зять Васка Калаев ~1699 г.р.¹⁷ Исходя из данных переписи 1716 г., можно предположить, что он был женат на старшей дочери Сапара Гулбостан ~1702 г.р.¹⁸ Также выдвинем предположение о причине, по которой зять поселился в семье своего тестя. По переписи 1716 г. Васка Калаев не указан среди жителей деревни (вероятно, как и ряд других, был утаен), а в семье его будущего тестя Сапара Алексеева не было сыновей, но был описан его 15-летний приемыш Ишмет Тюгеев, не упоминаемый более поздними источниками. Вероятно, Ишмет либо умер, либо стал солдатом. После этого Сапар Алексеев, не имея иного наследника своего двора и хозяйства, выдал свою старшую дочь за Васку Калаева, который, вероятно, был сиротой, так как, помимо зятя, Сапар принял в свою семью и его младшего брата Калмета Калаева ~1710 г.р.

По материалам окладной книги 1722 г., в д. Малые Кокузы описано 93 души м.п.¹⁹ Примечательно, что деревня названа современным названием – Малые Кокузы, а не Старые и Другие Кокузы, как было ранее. В более поздних источниках деревня также значится именно под этим, закрепившимся за ней, названием. В окладной книге 1722 г. указаны двое местных татар, имеющих «увечья»: так, 10-летний Ибрай Утяганов, также как и в 1719 г., значится дряхлым²⁰, а 16-летний Курман Биктемиров, не описанный в ревизии 1719 г., числится слепым²¹. Материалы книги 1722 г. содержат в сравнении с переписью 1716 и ревизией 1719 г. наиболее полные данные по всему мужскому населению деревни, поскольку описывают и души м.п., вероятно пропущенные или утаенные в 1716 и 1719 гг. В частности, именно материалы окладной книги 1722 г. содержат среди прочих наиболее ранние данные о местном абызе Сулеймане Нурмекееве (~1692–1738)²², к которому восходит ряд местных родов. Окладная книга позволяет выяснить и некоторые детали жизни жителей деревни. Так, у Тимекея Уразметева упомянут 3-летний сын²³, хотя по переписи 1716 г. Тимекей значится вдовым²⁴, что позволяет предположить его новый брак.

Согласно материалам списка выбывших за 1719–1745 гг., в д. Малые Кокузы было 39 душ м.п., из них 36 чел. умерли (92,31% от общего

¹⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2951. Л.425 об.

¹⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.784 об.

¹⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.442 об.–444.

²⁰ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.443.

²¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.443 об.

²² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.443 об.

²³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.444.

²⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.359. Л.783 об.

числа выбывших), 3 чел. отданы в рекруты²⁵ (7,69% от общего числа выбывших). Отбывать рекрутскую повинность были призваны: Явгоста Тимиров в 1733, Ибрай Янмурзин в 1734 и Ибрай Калметев в 1736 г.²⁶ Самую большую убыль за этот период понесло семейство Тимекея Уразметева. Так, в 1724 г. умер он сам, в 1728 – его младший сын Саит, в 1731 – его старший сын Смаилка, а в 1735 г. – его средний сын Сеинка²⁷. Переселения жителей д. Малые Кокузы в какие-либо иные н.п. в период с 1719 по 1745 г. не отмечено.

По материалам ревизии 1745 г., в д. Малые Кокузы описано 98 душ м.п.²⁸ Все они были уроженцами данной деревни, каких-либо переселений отдельных душ из иных н.п. не было. Один из местных жителей, Абдрезак Маметкулов, в материалах ревизии указан абызом²⁹. О двух местных жителях – Кадырке Карикееве³⁰ и Токташе Каммурзине³¹ – сказано, что «при нынешней ревизии изначально они показаны в утайку умершими». Вероятно, их собирались скрыть.

По данным ревизии 1762 г. в д. Малые Кокузы проживало 98 душ м.п. и 91 душа ж.п.³² Старостой деревни к тому времени был Ислан Калметев, а выборными при составлении документов данной ревизии – Юнус Юлаев и крещеный татарин Алексей Андреев³³. В ходе ревизии 1762 г. описывались и души женского пола, при этом указывались места рождения жен местных жителей, а также дочери местных жителей, выданные в замужество в иные н.п. (с указанием конкретных н.п.). Это отчасти позволяет раскрыть брачно-семейные связи жителей д. Малые Кокузы с жителями иных н.п. Жены местных жителей происходили из следующих н.п.: Азимово, Альмендерово (9), Апастово, Атабаево (2), Багишево, Большие Кокузы (5), Большие Черемшаны, Большое (Новое) Барышево (2), Верхний Балтай, Деушево, Елань, Ишимово, Казыево-Караталга, Кармасары, Молвино, Нижние Индырчи, Сатламышево, Старое Барышево, Танай-Тураево, Утямышево (2), Чирки Кильдуразы, Шигаево (3), а 11 жен являлись уроженками д. Малые Кокузы. Своих же дочерей и сестер местные выдавали замуж в следующие н.п.: Азимово-Курлебаши, Альмендерово (3), Балчиклы, Елань, Идряс-Тенишево, Ишимово, Картапа, Макулово, Нижние Индырчи, Сатламышево, Утямышево, Чуллы, Шигаево, а в семи случаях местные крестьянки были выданы замуж за жителей своей же деревни. В нескольких случаях не указано, откуда конкретно были местные

²⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2990. Л.836 об.– 837 об.

²⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.837 об.

²⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.836 об.

²⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2985. Л.2424 об.–2429 об.

²⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2985. Л.2428.

³⁰ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2985. Л.2428.

³¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2985. Л.2428 об.

³² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.125 об.–135.

³³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.125 об.

жены и куда были выданы замуж дочери. Однако можно констатировать, что, хотя д. Малые Кокузы была небольшой, местные жители имели брачно-семейные связи с жителями 28 н.п. Отметим, что все эти 28 н.п. входили в состав Свияжского уезда. Таким образом, жители д. Малые Кокузы роднились с уроженцами различных н.п., входивших в тот же уезд и находившихся поблизости от их деревни. Большая часть указанных выше н.п. ныне входит в состав Апастовского района РТ, как и сами Малые Кокузы. Роднились жители данного н.п. в основном с такими же, как и они, ясачными людьми, но в некоторых случаях – и со служилыми татарами (из деревень Атабаево, Багишево, Верхние Балтаи, Старое Барышево и др.). Отметим также, что в семье Алмекея Манаева значится его вдовствующая 50-летняя сестра Тойбика Ишметева³⁴, а в семье Даира Елдашева – его вдовствующая 60-летняя двоюродная сестра Урка Калметева³⁵. Дочь же умершего в 1756 г. Усмана Утяганова, Аминя, после смерти отца была отдана «для воспитания» в г. Казань в Татарскую слободу³⁶.

К ревизии 1762 г. в д. Малые Кокузы впервые появляются три души м.п. – уроженцы иных н.п., в малолетстве переселившиеся в Малые Кокузы. Все они были из семейств крещеных татар. Так, в семье крещеного татарина Ивана Фёдорова описан его 14-летний пасынок Ермола Яковлев, который родился в д. Альмендерово в семье Ярмета Байметева, но после смерти отца переселился с матерью к отчиму³⁷. В семье отставного солдата Ивана Дмитриева сына Ахметева описаны пасынки Алексей и Андрей Марковы, родившиеся в д. Третьи Кокузы в семье новокрещена Марка Ильина³⁸. Отметим при этом, что опустевшая д. Третьи Кокузы, по материалам ревизии 1745 г., была заново заселена переселенными новокрещеными [3, с.64]. Правда, новокрещена Марка Ильина в этой деревне не значится, но описан Марк Иванов, переселившийся туда из д. Картапы. Вероятно, в материалах ревизии 1762 г. по Малым Кокузам имела место описка. Это единственные выявленные за рассматриваемый в статье период переселения в Малые Кокузы.

После ревизии 1745 г. к 1762 г. из д. Малые Кокузы выбыло 54 души м.п. Из них 49 душ умерло (90,74% от общего числа выбывших), 5 душ были отданы в рекруты (9,26% от общего числа выбывших).

³⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.126.

³⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.133 об.

³⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.130.

³⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.138.

³⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.139.

Население д. Малые Кокузы по ревизиям Тетюшского уезда 1834–1858 гг. После административных преобразований 1781 г. из части земель Свияжского уезда был выделен новообразованный Тетюшский уезд, в состав которого в числе иных н.п. вошли и Малые Кокузы. К сожалению, материалы ревизии 1782, 1795, 1811 и 1816 гг. не сохранились по всему данному уезду.

К ревизии 1834 г. д. Малые Кокузы входила в состав Шонгутской волости Тетюшского уезда. В Малых Кокузах, по материалам VIII ревизии 1834 г., описано 39 дворов ясачных крестьян, 6 дворов крещеных татар и 2 двора отставных солдат. Всего в д. Малые Кокузы проживало 119 душ м.п. и 116 душ ж.п.³⁹ Отметим, что крещеный татарин Спиридон Иванов ~1787 г.р. проживал в семье своего тестя Дмитрия Алексеева⁴⁰. Причиной тому, вероятно, было отсутствие у Дмитрия Алексеева сыновей, и, как следствие, кроме зятя, ему некому было оставить свой двор и хозяйство. После ревизии 1816 г. были отданы в рекруты: Мукмин Мукаев в 1819 г.⁴¹, крещеный татарин Филипп Петров в 1828 г.⁴², Тимир Байтемиров⁴³ и Усман Биккенин в 1829 г.⁴⁴, Велиулла Шарыпов в 1830 г.⁴⁵, Губайдулла Иманкулов в 1831 г.⁴⁶, Габидулла Сагитов в 1832 г.⁴⁷

Двор 60-летнего Уразая Абдреминова являлся, по данным ревизии, самым крупным в деревне. В нем, считая самого домохозяина, описаны 8 душ м.п. и 8 душ ж.п.⁴⁸ Еще в 3 дворах проживало по 6 душ м.п. и 6 душ ж.п., среди них двор Шарыпа Биккулова⁴⁹. Из этого рода вышел ряд мулл.

Местные жители в тот период подвергались и уголовному преследованию. Так, за какие-то преступления (возможно, совершенные совместно) в 1824 г. были сосланы на поселение местные жители Мухамет Исланов ~1767 г.р.⁵⁰ и Утяш Утяганов ~1777 г.р.⁵¹ В 1818 г. был сослан в Сибирь крещеный татарин Михаил Макаров ~1788 г.р.⁵² Кроме того, один из местных жителей, Байзегит Сеитов ~1806 г.р., пропал без вести в 1828 г.⁵³

³⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.59–73.

⁴⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.70 об.

⁴¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.69 об.

⁴² ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.70 об.

⁴³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.66 об.

⁴⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.61 об.

⁴⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.63 об.

⁴⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.65 об.

⁴⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.64 об.

⁴⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.67 об.–68.

⁴⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.63 об.–64.

⁵⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.62 об.

⁵¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.66 об.

⁵² ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.69 об.

⁵³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.65 об.

Отметим, что при сопоставлении данных ревизских сказок и метрических книг этого же периода были выявлены некоторые неточности. Так, согласно ревизии 1834 г., Мязит Абдулов умер в 1830 г.⁵⁴, а запись о его смерти была выявлена в метрике 1829 г.⁵⁵ Метрика 1888 г. позволила установить, что отчество «Абдулов» у Мязита не совсем верно. В этой метрике есть запись о смерти его сына Губайдуллы, а его отцом указан Габделмазит Габделвагапов, а не Абдулов⁵⁶. Интересно, что его отца в окладной книге 1722 г.⁵⁷, и в ревизиях 1745⁵⁸, 1762⁵⁹ гг. также называли Абдулом по начальной части его имени.

По материалам ревизии 1850 г., в д. Малые Кокузы описано 33 двора татар-мусульман, в которых проживало 100 душ м.п. и 93 души ж.п., а также 7 дворов крещеных татар, в которых проживали 19 душ м.п. и 22 души ж.п. В общей сложности на 1850 г. в д. Малые Кокузы проживали 119 душ м.п. и 115 душ ж.п.⁶⁰ Хабибулла Шарипов, по данным этой ревизии, назван указным муллой в соседней д. Больших Кокузах⁶¹. Муллой же в самих Малых Кокузах к тому времени, согласно метрикам, стал Габделбасыр Халитов. После ревизии 1834 г. были отданы в рекруты: крещеный татарин Андрей Тимофеев в 1835 г.⁶², Ахтарий Уразаев в 1836 г.⁶³, Мухаметрахим Муртеев в 1838 г.⁶⁴, Хусаин Шарипов в 1840 г.⁶⁵, Назметдин Шамсутдинов в 1842 г.⁶⁶, Тимиргалей Хисамутдинов в 1845 г.⁶⁷

Данная ревизия позволяет затронуть вопросы состояния медицины. Одним из самых опасных и распространенных инфекционных заболеваний, унесших жизни многих жителей Поволжья, была оспа. Для того, чтобы борьба с оспой была более действенной, во второй четверти XIX в. жители некоторых н.п., получив соответствующую подготовку, становились оспопрививателями. К 1850 г. таковым стал и житель д. Малые Кокузы 31-летний Муфтей Мухаметов⁶⁸. Отметим, что впоследствии оспопрививанием стали заниматься исключительно фельдшеры и врачи.

⁵⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.67 об.

⁵⁵ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.229.

⁵⁶ ГА РТ. Ф.204. Оп.6 доп. Д.1051. Л.14 об.

⁵⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2980. Л.443 об.

⁵⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.2985. Л.2428 об.

⁵⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.134 об.

⁶⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.476–494.

⁶¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.481 об.

⁶² ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.491 об.

⁶³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.486 об.

⁶⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.478 об.

⁶⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.478 об.

⁶⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.481 об.

⁶⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.482 об.

⁶⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.479 об.

Остановимся и на судьбах отдельных жителей данного н.п. На долю Гулейхан Юнусовой (~1814 – 1893) выпало немало испытаний за 16 лет, прошедших с момента предшествующей ревизии. Так, в 1842 г. от высокой температуры умер ее первый супруг Сабит Сагитов⁶⁹, от которого она родила с 1833 по 1841 г. как минимум пятерых детей (одна из них, дочь Васфижамал, вероятно, умерла во младенчестве). После этого в 1843 г. Гулейхан вышла замуж за троюродного дядю своего покойного мужа Гумера Исмагилова⁷⁰, который был старше ее примерно на 22 года. В феврале 1847 г. она родила ему долгожданного сына Гимрана⁷¹ (у Гумера к тому времени не было сыновей), но уже в декабре того же года ее супруг скончался от опухоли⁷². В третий раз Гулейхан вышла замуж также за жителя той же деревни. Ее супругом стал Альмухамет Муратов, во дворе которого она и описана в ревизии 1850 г. (правда, из-за описки указана не как Юнусова, а как Юсупова)⁷³. Вполне вероятно, имело место в том числе и ее личное желание остаться жить в этой деревне, чтобы помогать своим детям, поскольку они после смерти своих отцов могли остаться жить не с ней, а с родственниками ее покойных супругов. Крещеный татарин Спиридон Иванов, который по ревизии 1834 г. жил в семье своего тестя и был вдовцом, к 1850 г. женился вновь. Его новая супруга, крещеная татарка Варвара Иванова, была примерно на 34 года моложе, а их 3-летняя дочь была младше некоторых внуков и внучек Спиридона⁷⁴.

По ревизии 1858 г. в д. Малые Кокузы описано 108 душ м.п. и 108 душ ж.п. татар-мусульман, 22 души м.п. и 21 душа ж.п. крещеных татар⁷⁵, а также отставной солдат Биккения Амукаев⁷⁶. Таким образом, в Малых Кокузах на 1858 г. проживала 131 душа м.п., 129 душ ж.п., в общей сложности – 260 душ. После ревизии 1850 г. отбывать рекрутскую повинность были отправлены: Газетулла Миннибаев в 1851 г.⁷⁷ и Мухаметзариф Уразаев⁷⁸ в 1854 г.⁷⁹ Мухаметзарифа Уразаева призвали в период Крымской войны, и, возможно, он был ее участником. Другой местный житель, Тохватулла Нигматуллин, с 1851 г. находился в безвестной отлучке⁸⁰.

Рассмотрим динамику численности населения д. Малые Кокузы в период с 1716 по 1858 г. (см. таблицу 1).

⁶⁹ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.200.

⁷⁰ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.201.

⁷¹ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.204.

⁷² НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.204.

⁷³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.485.

⁷⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.492.

⁷⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л. 1027–1056.

⁷⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.361. Л.653 об.

⁷⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1036 об.

⁷⁸ Из-за описи указан в источнике как Махамадеев.

⁷⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1044 об.

⁸⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1033 об.

Таблица 1

**Динамика численности населения д. Малые Кокузы по данным
переписи и ревизий 1716, 1762, 1834, 1850, 1858 гг.**

1716 г.		1762 г.		1834 г.		1850 г.		1858 г.	
м.п. / ж.п.	об. пола	м.п. / ж.п.	об. пола	м.п. / ж.п.	об. пола	м.п. / ж.п.	об. пола	м.п. / ж.п.	об. пола
39 / 35	74	83 / 91	174	119 / 116	235	119 / 115	234	131 / 129	260

Как видим, численность местного населения возросла с 74 в 1716 до 260 душ обоего пола в 1858 г., или на 242%. Но, так как у нас есть веские основания считать, что в 1716 г. описали не всех, следует исходить из данных ревизии 1762 г. Как видим, численность населения данного н.п. возросла за без малого сто лет, с 1762 по 1858 г., со 174 до 260 душ обоего пола, или на 49%. Отметим также, что количество душ мужского и женского пола по переписи и ревизиям 1716–1858 гг., за исключением ревизии 1762 г., было примерно равным. Связано это, на наш взгляд, могло быть отчасти и с тем, что некоторые татары имели нескольких жен одновременно. Так, в 1762 г. десять местных жителей (Рахман Альмекеев⁸¹, Илики Бихчурин⁸², Ислан Калметев⁸³, Утяган Уразаев⁸⁴, Аит Сулейманов⁸⁵, Абдул Сулейманов⁸⁶, Исчура Смаилкин⁸⁷, Мустюк Сеинкин⁸⁸, Бикай Бихметев⁸⁹, Касам Елдашев⁹⁰) имели одновременно двух жен. При этом в 1834 г. одновременно двух жен имели лишь Биккенья Биктемиров⁹¹ и Уразай Абдремин⁹². Уразай Абдремин к тому времени был женат как минимум четыре раза (указаны его вторая и третья супруги, но при описании его детей отмечено, что часть его младших детей рождены от четвертой супруги). Иногда, правда, прямо не указывалось, что брак был вторым, но это можно предположить на основании ряда фактов. Так, к примеру, супруга Мязита Абдулова, Капица, была примерно на 25 лет моложе своего мужа⁹³. Самой же молодой описанной в этой ревизии супругой была 16-

⁸¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.126–126 об.

⁸² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.127.

⁸³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.128 об.

⁸⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.133.

⁸⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.134.

⁸⁶ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.134 об.

⁸⁷ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.135.

⁸⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.135 об.

⁸⁹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.136.

⁹⁰ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.136 об.

⁹¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.62.

⁹² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.68.

⁹³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.68.

летняя Райма, невестка Мязита и жена его 18-летнего сына Губайдуллы Мязитова⁹⁴. По ревизии 1850 г. двух жен имели 5 человек: Хабибулла Шарипов⁹⁵, Негометулла Иманкулов⁹⁶, Баязит Байрамов⁹⁷, Мифтахутдин Баязитов⁹⁸ и Негамет Сагитов⁹⁹. По ревизии 1858 г. двух жен имели также 5 душ м.п., среди них все те же Хабибулла Шарипов¹⁰⁰, Негометулла Иманкулов¹⁰¹, Баязит Баярамов¹⁰², Негамет Сагитов¹⁰³, а также Рахметулла Сагитов¹⁰⁴. Мифтахутдин же Баязитов описан в 1858 г. с одной женой, а не с двумя. Разводы также не были редким явлением для жителей д. Малые Кокузы. Так, уроженка этой деревни Бадигулжамал Сабитова (1833–1896) в 1853 г. вышла замуж за жителя соседней д. Танай-Тураево Тахаутдина Ахмадиева¹⁰⁵, но в 1856 г. они развелись¹⁰⁶. И в 1857 г. в родной деревне она вышла замуж за Губайдуллу Габделмазитова, который незадолго до этого также развелся со своей первой супругой¹⁰⁷. Второй брак для обоих оказался более счастливым, они стали родителями как минимум семи совместных детей, их супружеская жизнь длилась 31 год, вплоть до смерти Губайдуллы.

По отсылочным данным на несохранившуюся ревизскую сказку 1816 г. можно отдельно рассмотреть динамику численности мужского населения с 1816 по 1834 г. Исходя из данных ревизии 1834 г., по ревизии 1816 г. в д. Малые Кокузы были описаны 102 души м.п. ясачных татар, 17 душ м.п. крещеных татар, 2 души м.п. отставных солдат, всего 121 душа м.п. Таким образом, несмотря на убыль местного населения, за период с 1816 по 1834 г., вследствие естественного прироста, численность мужской части населения осталась практически неизменной, сократившись лишь на 2 души м.п., со 121 до 119 душ (за исключением душ ж.п. и выбывших душ м.п. в период с 1811 по 1816 г., по которым недостаточно данных для восстановления сведений).

Рассмотрим динамику численности крещеного населения д. Малые Кокузы (см. таблицу 2).

⁹⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3000. Л.69.

⁹⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.482.

⁹⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.484.

⁹⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.486.

⁹⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.486.

⁹⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.488.

¹⁰⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1034.

¹⁰¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1038.

¹⁰² ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1043.

¹⁰³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1046.

¹⁰⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1036.

¹⁰⁵ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.210.

¹⁰⁶ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.213.

¹⁰⁷ НА РБ. Ф.И-295. Оп.9. Д.214.

Таблица 2

**Динамика численности крещеных татар в д. Малые Кокузы
в 1762, 1834, 1850, 1858 гг.**

Год	Число душ крещеных татар м.п. и ж.п.	Общее количество всех душ м.п. и ж.п.	Доля крещеного населения
1762	27	174	15,52%
1834	33	235	14,04%
1850	41	234	17,52%
1858	43	260	16,54%

Как видим, доля крещеных татар в численности населения данной деревни с 1762 по 1858 г. увеличилась незначительно, с 15,52% до 16,54%. Связано это было, вероятно, с тем, что, в отличие от татар-мусульман, которые могли иметь и имели нескольких жен одновременно, крещеные татары могли повторно жениться лишь в том случае, если становились вдовцами. Поэтому линии отдельных родов пресекались. Отметим, что во время волны массового возвращения крещеных татар в магометанство в 1865–1867 гг. все крещеные татары д. Малые Кокузы фигурируют в посемейном списке лиц, изъявивших желание вернуться в ислам¹⁰⁸. По сути, и до этого они считали себя мусульманами и, несмотря на крещение, давали попутно своим детям татарские имена. И в указанном списке они значатся не только под русскими именами, но и под своими татарскими именами, что позволяет узнать, какие имена они носили в повседневности.

Приведем данные по половозрастной структуре населения. В демографической литературе принято различать три типа половозрастной структуры населения: прогрессивную, стационарную и регрессивную. Каждый из них, исходя из классификации Зундберга, характеризуется следующими показателями:

Таблица Зундберга

Возрастная группа, лет	Возрастная структура (в %)		
	прогрессивная	стационарная	регрессивная
0–14	40	27	20
15–49	50	50	50
50 и старше	10	23	30
Итого	100	100	100

¹⁰⁸ ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.220. Л.33–34.

Таблица 3

**Половозрастная структура населения д. Малые Кокузы
в 1716, 1762, 1834, 1850, 1858 гг.**

Год	от 0 до 14 лет		от 15 до 49 лет		от 50 лет и старше	
	м.п. / %	ж.п. / %	м.п. / %	ж.п. / %	м.п. / %	ж.п. / %
1716	12 / 30,77	8 / 22,86	21 / 53,85	21 / 60	6 / 15,38	6 / 17,14
1762	38 / 45,78	28 / 30,77	41 / 49,4	54 / 59,34	4 / 4,82	9 / 9,89
1834	40 / 33,61	42 / 36,21	57 / 47,9	63 / 54,31	22 / 18,49	11 / 9,48
1850	45 / 37,82	30 / 26,09	62 / 52,1	76 / 66,09	12 / 10,08	9 / 7,83
1858	55 / 41,98	41 / 31,78	59 / 45,04	75 / 58,14	17 / 12,98	13 / 10,08

Как видим, тип половозрастной структуры населения д. Малые Кокузы в исследуемый период в основном прогрессивный, что свидетельствует о положительной демографической картине. При этом доля мужского населения в возрастной группе от 0 до 14 лет всегда была выше, чем женского. В свою очередь, доля женского населения всегда превалировала в возрастной группе от 15 до 49 лет. Основными факторами, влияющими на это, были следующие:

1. Часть мужского населения отправлялась на воинскую службу;
2. Часть мужчин имела одновременно нескольких жен;
3. Были случаи, когда вдовы жили в семьях своих родственников.

Также обратим внимание, что как для мужского, так и для женского населения д. Малые Кокузы была характерна не очень продолжительная жизнь. Доля населения в возрасте от 50 лет и более была небольшой, своего пика у женщин (17,14%) она достигает по переписи 1716 г., где многие возраста, вероятно, были завышены. У мужчин же наибольшего значения эта доля достигает по ревизии 1834 г. (18,49%). При этом из 22 душ м.п. лишь 8 чел. были в возрасте от 70 лет и более (6,72% от мужского населения): Амин Абсаямов – 70 лет¹⁰⁹, Шарып Биккулов – 72 лет¹¹⁰, Сайпулла Максютлов – 70 лет, Иманкул Иванов – 70 лет¹¹¹, Исай Ищуров – 71 года¹¹², крещеный татарин Дмитрий Алексеев – 72 лет¹¹³. Интересно, что лишь трем женщинам по этой же ревизии было более 60 лет (2,59% от женского населения): Гульзыфе – 63 года¹¹⁴, Рейхан – 63 года¹¹⁵, Хабибе – 63 года¹¹⁶.

¹⁰⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.63 об.

¹¹⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.63 об.

¹¹¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.65 об.

¹¹² ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.68 об.

¹¹³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.71 об.

¹¹⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.67.

¹¹⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.68.

¹¹⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.69.

По данным ревизии 1850 г. от 60 лет было всего трем мужчинам: Хисамутдину Шарипову – 61 год¹¹⁷, Ишмухамету Муратову – 60 лет¹¹⁸, крещеному татарину Спиридону Иванову – 62 года¹¹⁹. А из женщин более 60 лет по этой же ревизии было лишь 80-летней вдове Зюльхии¹²⁰ Аминовой¹²¹. По данным ревизии 1858 г. из мужчин в возрасте от 60 лет находилось восемь местных жителей: Шамсутдин Бикметев – 67 лет¹²², Хабибулла Шарипов – 60 лет¹²³, Миннибай Иманкулов – 60 лет¹²⁴, Ишмухамет Муратов – 68 лет¹²⁵, Баязит Бяйрямов – 67 лет¹²⁶, Негамет Сагитов – 60 лет¹²⁷, крещеный татарин Михаил Ермолаев – 62 лет¹²⁸ и отставной солдат Биккения Амукаев – 60 лет¹²⁹. Из женщин в возрасте от 60 лет в 1858 г. были лишь Зюльхия Ярмиева – 88 лет¹³⁰ и Хубейба Саликова – 70 лет¹³¹. Таким образом, до 60 лет доживали немногие, а до 70 – считанное число жителей деревни. Но за счет естественного прироста численность населения данного н.п. постепенно увеличивалась.

В заключение отметим, что Малые Кокузы являются одним из самых старых населенных пунктов на территории современного Апастовского района РТ. Исходя из анализа изученных документов, можно считать, что Малые Кокузы были основаны к 1568 г. Деревня упоминалась в источниках под тремя разными названиями, прежде чем за ней закрепилось ее современное наименование. Установлено, что современное название д. Малые Кокузы документально прослеживается с окладной книги 1722 г. Можно также полагать, что выходцами из д. Малые Кокузы впоследствии были основаны Большие Кокузы (ранее 1621 г.) и Третьи Кокузы (ранее 1702 г.). Численность населения данного н.п. с 1762 по 1858 г. возросла на 49%, причем этот рост в основном касался татар-магометан. Доля же крещеных татар за этот период увеличилась незначительно – с 15,52% до 16,54%. Численность населения росла в основном вследствие естественного прироста. Часть татар-мусульман д. Малые Кокузы имела одновременно двух жен,

¹¹⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.482 об.

¹¹⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.484 об.

¹¹⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.117. Л.491 об.

¹²⁰ В ревизии 1834 г. указана как Зулейха, в ревизии 1858 г. указана не как Аминова, а как Ярмиева.

¹²¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.240а. Л.485.

¹²² ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1032 об.

¹²³ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1033 об.

¹²⁴ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1037 об.

¹²⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1038 об.

¹²⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1042 об.

¹²⁷ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1045 об.

¹²⁸ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1052 об.

¹²⁹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.361. Л.653 об.

¹³⁰ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1040.

¹³¹ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.365а. Л.1043.

что также влияло на рост численности населения. По исследованным архивным материалам, за рассматриваемый в статье период известны лишь два случая переселения татар из иных деревень в Малые Кокузы, причем эти переселения были связаны лишь с тем, что два местных жителя взяли себе в жены женщин с детьми от первых браков и приняли пасынков в свои семьи. Наибольшей численности население д. Малые Кокузы достигло к 1858 г., когда в деревне проживало 260 душ обоего пола. Для населения данного н.п. была характерна небольшая продолжительность жизни, мало-значительная часть местных жителей доживала до 70 лет. Жители д. Малые Кокузы имели тесные брачно-семейные связи с жителями многих татарских поселений Горной стороны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина М.М., Владимиров О.О. О месте татарской аристократии в структуре управления Горной стороны (Свияжского уезда). Вторая половина XVI – начало XVII века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т.10, №1. С.154–183. <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183>
2. Басманцев Д.В. Приходная книга о сборе пошлин с «ездовых памятей» Свияжской приказной избы как источник повседневной жизни уездного населения начала XVIII века // Историко-культурное наследие Российской деревни: сохранение и развитие. Сборник статей IX Всероссийской (XVII средневолжской) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов Евразии. Казань, 2023. С.398–405.
3. Владимиров О.О. Возвращение крещеных татар в магометанство на примере деревень Мамадыш-Салтыганово и Татарское Азелево Свияжского уезда // Клио. 2024. №11(215). С.63–69.
4. Владимиров О.О. Общие корни Ризы Фахретдина и служилых татар Баишевых в контексте генетической генеалогии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.146–153. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.146-153>
5. Мустафина Д. А. Дело о размежевании владений служилых мурз князей Ишеевых и Тимеевых и подполковника И.П. Осокина от ясачных земель // Тюркологические исследования. 2024. Т.7, №1. С.7–132.
6. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. / А.В. Виноградов, А.В. Малов, М.В. Моисеев, О.С. Смирнова; Институт Российской истории РАН. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.
7. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.) / [С предисл. прот. Андрея Яблокова]. Казань: Церк. ист. археол. о-во Казан. епархии, 1909. XIII, 143 с.
8. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т.2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.

9. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Т.4: М–П. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. 768 с.

REFERENCES

1. Akchurin M.M., Vladimirov O.O. About the Place of the Tatar Aristocracy in the Structure of Government of the Mountain Side (Sviyazhsk Uyezd) from the second half of the sixteenth to the early seventeenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 154–183. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.154-183 (In Russian)
2. Basmantsev D.V. The receipt book on the collection of duties from the "riding memories" of the Sviyazhsk prikaznaya izba as a source of everyday life for the district population of the early 18th century. *Historical and cultural heritage of the Russian village: preservation and development. Collection of articles from the 9th All-Russian (17th Middle Volga) Conference of Historians, Agrarians, Archaeologists, and Ethnographers of Eurasia*. Kazan, 2023. Pp.398–405. (In Russian)
3. Vladimirov O.O. The Return of Baptized Tatars to Mohammedanism on the Example of the Villages of Mamadysh-Saltyganovo and Tatarskoye Azelevo in Sviyazhsky District. *Klio*. 2024, no.11(215), pp.63–69 (In Russian)
4. Vladimirov O.O. Common roots of Riza Fakhretudin and the Service Tatars Baishevs in the context of Genetic Genealogy. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.146–153. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.146-153> (In Russian)
5. Mustafina D.A. The case of the demarcation of the possessions of the Service Murzas Princes Isheevs and Timeevs and lieutenant colonel I.P. Osokin from yasak lands. *Tyurkologicheskie issledovaniya=Turkological Studies*. 2024, vol.7, no.1, pp.7–132.
6. Vinogradov A.V., Malov A.V., Moiseev M.V., Smirnova O.S. *Ambassadorial book on relations of the Moscow state with Crimea. 1567–1572*. Moscow: Russian Knights Foundation, 2016. 400 p. (In Russian)
7. *A copy of the land register and survey book of the town and district of Sviyazhsk, letters and land surveying of Nikita Vasilyevich Borisov and Dmitry Andreevich Kikin (1565–1567)*. Kazan: Church Historical and Archaeological Society of the Kazan Diocese, 1909. 143 p. (In Russian)
8. *Collection of monuments of the history of Chuvashia and the Chuvash people. Vol.2. Local government and estates of the city of Sviyazhsk and the district in the first half of the 17th century (investigative case of 1638 about the abuses of the Sviyazhsk governor)*. Compiled by A.A. Chibis. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities, 2020. 268 p. (In Russian)
9. *Tatar Encyclopedia: in 6 volumes*. Ed. by M.H. Khasanov, G.S. Sabirzyanov. Vol.4: М–П. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2008. 768 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Владимиров Олег Олегович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

About the author:

Vladimirov Oleg Olegovich – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Поступила в редакцию / Received 27.10.2025

Принята к публикации / Accepted 26.11.2025

УДК 94(470.5)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.51-70>

Полковой командир 1-го Тептярского казачьего полка князь Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов: биографический очерк

Э.И. Шарафиев

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Р.К. Шакиров

Независимый исследователь

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена одному из представителей татарского рода каринских князей Касимовых – князю Абдулмазиту Абдулзалилову сыну Касимову, служившему в конце XVIII – начале XIX в. в 1-м Тептярском казачьем полку, в частности, в качестве походного полковника (позднее эта должность стала называться «полковой командир») и принимавшему участие в составе действующей российской армии в военных действиях против французских войск в начале XIX в. Предпринимается попытка воссоздать его семейную, служебную историю, а также родословную.

Ключевые слова: татары, тептяри, 1-й Тептярский казачий полк, послужные (формулярные) списки, деревня Салауш, каринские арские князья, Касимовы, князь Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов

Для цитирования: Шарафиев Э.И., Шакиров Р.К. Полковой командир 1-го Тептярского казачьего полка князь Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов: биографический очерк // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.51–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.51-70>

Regimental commander of the 1st Teptyar Cossack Regiment
Prince Abdulmazit Kasimov, son of Abdulzalil: biographical sketch

E.I. Sharafiev

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

R.K. Shakirov

Independent researcher

Kazan, Russian Federation

This article is dedicated to one of the representatives of the Tatar family of the Karino princes Kasimovs – Prince Abdulmazit son of Abdulzalil Kasimov, who served in the 1st Teptyar Cossack Regiment at the end of the 18th – beginning of the 19th cen-

turies, in particular, as a field colonel (later this position became known as "regimental commander") and who took part in the Russian army in hostilities against French troops in the early 19th century. An attempt is being made to reconstruct his family and service history, as well as his genealogy.

Keywords: Tatars, Teptyars, 1st Teptyar Cossack Regiment, service (formulary) records, Salaush village, Karino Arsk princes, Kasimovs, Prince Abdulmazit son of Abdulzalil Kasimov

For citation: Sharafiev E.I., Shakirov R.K. Regimental commander of the 1st Teptyar Cossack Regiment Prince Abdulmazit Kasimov, son of Abdulzalil: biographical sketch. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.51–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.51-70> (In Russian)

Введение. Представитель рода каринских арских князей¹ Касимовых Абдулмзит Абдулзалилов сын Касимов ранее практически не упоминался в исторической и справочной литературе и не фигурировал в истории тептярских казачьих полков.

Значимость этой персоны еще и в том, что он, вероятно, является наиболее выдающейся среди потомков каринских князей из рода Касимовых, а возможно, и среди всех потомков каринских князей фигурой, по крайней мере, с точки зрения заслуг перед российской монархией.

В ходатайствах потомков каринских арских князей в адрес российских властей о подтверждении их благородного (княжеского) происхождения и об утверждении их в дворянском достоинстве только А.А. Касимов персонально выделен из их числа, что говорит о его особых заслугах перед монархией. Кроме того, в прошении жителя д. Салауш Елабужского уезда Вятской губернии Абубакира Мухаметсадыкова сына Янчурина от 14 ноября 1910 г., адресованном в Департамент герольдии Правительствующего Сената, говорится о сословной принадлежности А.А. Касимова: «...Затем звание дворянства подтверждено свидетельством, выданным Оренбургским депутатским дворянским собранием 24 декабря 1802 года за №169 полковому командиру 1-го Тептярского полка князю Абдулмедиту Абземлилову Касимову»².

Имя А.А. Касимова в числе представителей рода Касимовых, живших в д. Салауш, упоминается в историческом очерке И.С. Нафикова, Р.К. Ша-

¹ В исторических источниках и литературе каринские князья одновременно именуются еще и арскими. По мнению В.С. Чуракова, отличающегося от ряда других версий [10], одновременное именование арскими не означало их генеалогической связи с князьями г. Арска – центра Арской провинции Казанского ханства (Арской земли) [9, с.76], а указывает на подвластное им в социально-политическом отношении население [10].

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.1343. Оп.57. Д.586. Л.1–1 об.

кирова, Л.Х. Нафиковой «Арские (каринские) князья и д. Салауш (Салагыш) Агрызского района Республики Татарстан» [4, с.28]. Краткие сведения о его служебном пути – чинах, в которые он производился в период с 1790 по 1800 г., – приводятся в монографии Р.Н. Рахимова «История тептярских конных полков». Однако в этой работе А.А. Касимов значится под именем Абдулмурата Абзелилкоитхаимова [8, с.35, 133]. Стоит обратить внимание на утверждение Р.Н. Рахимова, что «созданные в 1798 г. два полка уже имели своих полковых командиров из числа тептярей» и что «Абдулмурат Абзелилкоитхаимов» в том же, 1798, году стал командиром 1-го Тептярского казачьего полка [8, с.133]. Дело в том, что в известных нам послужных списках 1-го Тептярского казачьего полка (за 1798 и 1804 гг.) нет сведений о том, кто являлся походным полковником в 1798 г.

К сожалению, в своих статьях «Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник» [14, с.53] и «Офицерский состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX в. (по послужным спискам)» [13, с.59, 67] один из авторов настоящей работы (Э.И. Шарафиев), сославшись на монографию Р.Н. Рахимова «История тептярских конных полков, 1790–1845», ошибочно предположил, что до А.А. Касимова на должности походного полковника (полкового командира) в 1-м Тептярском казачьем полку с момента его создания в 1798 г. был Абдулмурат Абзелкоитхамитов [14, с.53; 13, с.59, 67] и что он, вероятнее всего, был еще одним обер-офицером этого полка [13, с.67]. Однако это предположение не нашло документального подтверждения. Теперь нами установлено, что никакого «Абдулмурата Абзелилкоитхаимова» в истории тептярских полков не было, а это лицо появилось в монографии Р.Н. Рахимова вследствие неправильного прочтения текста документа. В источнике, на который ссылается Р.Н. Рахимов («Список Первого тептярского казачьего полка о состоящих в оном штаб и обер офицерах с указанием их службы за март месяц 1804 года») ³, имя А.А. Касимова было неправильно воспроизведено. В указанном послужном списке о А.А. Касимове говорится как об одном из обер-офицеров 1-го Тептярского казачьего полка: «Полковой командир хорунжей Абдулмязит Абзелилев князь Касимов» ⁴. Р.Н. Рахимов же, ссылаясь на данный документ, называет его «Абдулмуратом Абзелилкоитхаимовым».

Утверждение Р.Н. Рахимова о том, что А.А. Касимов был полковым командиром (походным полковником) 1-го Тептярского казачьего полка с момента его формирования, хотя и может соответствовать действительности, но указанный выше источник, на который он при этом ссылается, не содержит соответствующих сведений.

³ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-2. Оп.1. Д.161. Л.20.

⁴ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.161. Л.20.

Сформированный в настоящем исследовании комплекс источников также не дает сведений о том, кто на момент формирования 1-го Тептярского казачьего полка занимал в нем должность походного полковника. Мы можем лишь утверждать, что должность зауряд походного полковника А.А. Касимов занимал с 15 ноября 1799 г., а на момент официального создания, в соответствии с императорским указом «О разделении Тептярского полка на два и о наполнении оных вновь избираемыми из того же народа людьми» [15, с.88], полка (12 июля 1798 г.) он состоял в должности зауряд полкового квартирмейстера (с 18 мая), а с 10 августа того же года являлся зауряд-есаулом⁵.

Следует сказать, что в документах имя князя Габдулмазита Касимова пишется по-разному: Абдулмязит, Абдульмезит, Габдулмазит, Абдулмедит. Отчество князя А. Касимова в источниках также не имеет устойчивого (единственного) написания: Абзелилев, Абдульменев, Габдузалилов, Абземлилов. Основываясь на том, что с историко-филологической точки зрения более правильными из перечисленных форм являются «Абдулмазит» и «Абдузалилов», именно это именование князя мы и используем в настоящей работе.

Абдулмазит Касимов – один из трех лиц, принадлежавших к тептярскому сословию и имевших, по послужным спискам, офицерский (обер-офицерский) чин 1-го Тептярского казачьего полка. В работе реконструируется биография (происхождение, родственные связи, жизненный и служебный путь) этого представителя древнего татарского рода каринских князей Касимовых.

Архивные источники. В процессе исследования был сформирован комплекс неопубликованных (архивных) источников. Прежде всего, биографической информацией о князе А.А. Касимове обладают послужные списки 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 и 1804 гг. Послужных списков 1-го Тептярского казачьего полка за другие годы с информацией о князе А.А. Касимове не выявлено. Кроме того, в деле «О снабжении тептярских полков провиантом на общем основании» 1804 г., хранящемся в фонде оренбургского военного губернатора Национального архива Республики Башкортостан, отложился «Список Первого тептярского казачьего полка о состоящих в оном штаб и обер офицерах с указанием их службы за март месяц 1804 года»⁶, в котором числится и князь А.А. Касимов. Имя и отчество князя Касимова записаны в этом документе в той же форме (Абдулмязит Абзелилев), как и в послужных списках 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 г., но без слова «сын», а фамилию предваряет титул – «князь Касимов». Документы (послужной список и список марта 1804 г.) были составлены шефом полка П.Н. Пекарским.

⁵ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.4 об.–5.

⁶ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.161. Л.20.

В послужных списках за 1804 г. князь А.А. Касимов значится под именем Абдильмезита Абдильменева князя Касимова в должности походного полковника⁷ с обер-офицерским чином хорунжего. В то время ему было 33 года. Согласно источнику, он происходил из татарских князей, что подтверждалось свидетельством от 24 декабря 1802 г., выданным Оренбургским дворянским депутатским собранием [14, с.59].

Установить личность князя Абдулмазита Касимова в послужных списках за 1798 г. удалось не сразу, а после тщательного сравнительно-сопоставительного анализа данных двух послужных списков (1798 и 1804 гг.) и привлечения дополнительных источников. Дело в том, что в послужных списках его имя и отчество, социальное и территориальное происхождение различаются. В то же время иные характеристики (возраст, хронология выслуги чинов, языковая грамотность, домовые отлучки, штрафы, штатное состояние, «достоинство к повышению») полностью совпадают⁸.

Так, в послужных списках 1-го Тептярского казачьего полка за 1798 г. он значится как «Вятской губернии Елабужского уезда податного тептяря сын» «Абдулмязит Абзелилев сын»⁹, в то время как в списках за 1804 г. – «из татарских князей хорунжий Абдильмезит Абдильменев князь Касимов»¹⁰. Следовательно, разнятся личное имя, отчество, а родовая фамилия с титулом присутствует только в одном случае.

Иные источники, привлеченные в ходе проведения исследования (о них речь ниже), подтверждают, что офицер «Абдулмязит Абзелилев сын», учтенный в послужных списках за 1798 г., и «хорунжий Абдильмезит Абдильменев князь Касимов», присутствующий в послужных списках за 1804 г., – одно и то же лицо.

Другим важным источником являются ревизские сказки д. Салауш Елабужского уезда Вятской губернии. Были привлечены сведения ревизских сказок по этому населенному пункту по всем ревизиям с первой по десятую, за исключением четвертой. К сожалению, на данный момент материалы второй (ясачное население) и четвертой ревизий (ясачное и тептярское население) по д. Салауш не найдены.

Сведения ревизских сказок д. Салауш подтвердили, что в послужных списках за 1798 г. под именем Абдулмязита Абзелилева сына записан хорунжий Абдильмезит Абдильменев князь Касимов послужных списков за 1804 г.

⁷ Походный полковник (иначе – полковой командир) – второе лицо (после шефа) в тептярских казачьих полках и самая высокая должность в них, на которую мог быть назначен этнический татарин (шефом полка всегда назначался кто-либо из русских штаб-офицеров).

⁸ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.5 об.–6; Д.3174. Л.4 об.–5.

⁹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.5 об.–6.

¹⁰ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.4 об.–5.

Также к исследованию были привлечены материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по д. Салауш Елабужского уезда Вятской губернии.

Особенно важным в контексте нашего исследования является дело «Об отказе Янчурину в выдаче сведений о пожаловании земельных угодий князьям Давлетьяровым, Касимовым и Янчуриным»¹¹. Начатое 7 декабря 1910 г. и законченное 26 мая 1911 г., дело рассматривалось в Департаменте герольдии Правительствующего Сената. Оно посвящено попытке, к сожалению, безуспешной, потомков каринских князей из родов Касимовых, Давлетьяровых и Янчуриных получить официальное подтверждение своего благородного (княжеского) происхождения и на этом основании обрести дворянское достоинство.

Предки князя А.А. Касимова по роду каринских князей Касимовых.

Каринские арские князья – корпорация служилых татар, состоявших на службе у московских государей и владевших землями в Вятской земле.

По мнению исследователя В.С. Чуракова, родоначальником «династии каринских арских князей» является Кара-бек, сын Канбара, выходец из улуса Нукус Мангытского юрта, перешедший около 1462 г. на службу к Ивану III Васильевичу и пожалованный им на условиях несения воинской службы поместьем в пределах Вятской земли [9, с.74; 10]. Недалеко от р. Вятка и вблизи от вятского города Слободского Кара-бек основал село Карино (по-татарски – Нукрат) [9, с.74–75], ставшее центром его владений и давшее название этой корпорации служилых татар [9, с.75].

Следует учитывать, что Вятская земля в то время была под властью московских великих князей, в то время как Арская земля входила в состав Казанского ханства до падения Казани. В начале XVI в. каринские князья были пожалованы Иваном III огромной территорией вдоль всего течения р. Чепцы [9, с.75]. Вплоть до 1588 г. каринские князья по прежним пожалованиям великих князей обладали властью над подконтрольной им территорией, в своих владениях – правом суда над зависимым населением и сбора с них дани, после чего были лишены своего привилегированного положения и большей частью с течением времени обращены в податное состояние [9, с.74; 10].

Касимовы – один из родов каринских арских татарских князей. Основателем этого рода считается князь Касим Газиев, владевший в середине XVI в. по царскому пожалованию землями по р. Чепца (приток р. Вятка) [3, с.177]. Изначально представители рода проживали в районе села Карино (ныне находится в Слободском районе Кировской области на р. Чепца) [12, с.3], но затем, с конца XVI – начала XVII в. Касимовы, наряду с другими каринцами, начали переселяться на другие территории (основной поток их миграции был направлен на юго-восток к низовьям р. Иж и да-

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1343. Оп.57. Д.586. Л.1–1 об.

лее) [12, с.3], в результате чего обосновались в ряде населенных пунктов Поволжья и Приуралья. Некоторые представители этого рода еще в 1598 г. переселились из села Карино в д. Варзи, а оттуда уже в д. Атабаево (впоследствии – д. Салауш), что подтверждается документально [12, с.5].

Из государственной грамоты 1682 г. (7193 г. по старому летоисчислению) «по челобитью деревни Варзи каринских татар Юсупки Девлетьярова с товарищи о земле» известно, что представитель княжеского рода Касимовых Баймаметко Касимов с родичами и вместе с представителями других каринских княжеских родов переехал из района села Карино в д. Варзи Уфимского уезда, где и проживал к 1680-м гг.¹² В этой же грамоте указаны родичи Баймаметки («братья и племянники»): Ямейко Васильев, живший к тому времени в д. Мушуга, и Мамето Минасо Семенов, проживавший в д. Атабаево¹³. Деревня Атабаево была основана каринским татаринном Атабаем Зянчуриным (Янчуриным) и изначально была отдельным населенным пунктом [3, с.165–166], а затем, ко времени третьей ревизии, уже вошла в состав д. Салауш, и поэтому жителями д. Салауш стали те Касимовы, которые ранее проживали в Атабаево. Таким образом, предки князя Абдулмазита Касимова из рода Касимовых, по всей видимости, изначально переселились из села Карино, где проживали ранее, в д. Варзи, оттуда – в Атабаево, а с момента вхождения Атабаева в состав д. Салауш стали ее жителями. Исходя из этого, прямым предком Габдулзялила Аиткулова и его сына князя Абдулмазита Касимова и был, вероятно, «Мамето Минасо Семенов», указанный в названной выше грамоте.

В XIX в. Касимовы пытались добиться своего восстановления в дворянском достоинстве, но эти попытки так и не увенчались успехом [3, с.83, 177].

Касимовы в деревне Салауш. Абдулмазит родился в 1772 г. в д. Салауш Арской дороги Казанского уезда (после губернской реформы 1775 г. находилась в составе Байлярской волости Сарапульского (потом Елабужского) уезда Вятской губернии; ныне – с. Салауши Агрызского района Республики Татарстан) в семье тептярина. В исторической литературе встречается информация, что д. Салауш была основана каринскими татарами на рубеже XVI–XVII вв. [3, с.49]. Однако на данный момент нам известно, что эта деревня упоминается в исторических документах уже конца XVI – начала XVII в. (1598–1600 гг.). Это свидетельствует о том, что она уже существовала в XVI в. [11, с.331]. Известно также, что до прихода каринских татар в ней проживали «башкирцы» [4, с.2–3]. К концу XIX в. деревня представляла собой довольно крупное село, населенное преимущественно представителями тептярского и башкирского сословий – мусульманами.

¹² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.1–6.

¹³ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.1–6.

Отца князя Абдулмазита Касимова звали Габдулзялил (Габдулзалил) Аиткулов (прибл. 1730 г.р.)¹⁴ (в материалах 3-й ревизии по д. Салауш записан как Халил Айтулов)¹⁵. Он родился и жил также в д. Салауш, умер в 1792 г.¹⁶ Габдулзялил был женат на Зипай Гумеровой (1747 г.р.), родом из тептярей д. Малый Салауш Мензелинского уезда, которая была матерью Абдулмазита¹⁷. У Абдулмазита Касимова было двое родных братьев – Ягуда (1774 г.р.) и Сейфулла (1777 г.р.) – и две родные сестры – Халинзян (1770 г.р.) и Сарбировин (1780 г.р.)¹⁸. Самым старшим ребенком в семье Габдулзялила Аиткулова была Халинзян, после нее в порядке старшинства шли: Абдулмазит, Ягуда, Сейфулла и Сарбировин. Сейфулла умер в 1792 г. в возрасте 15 лет¹⁹. Халинзян была выдана замуж за татарина д. Тансар (ныне д. Татарский Тансар) того же уезда.

Ягуда женился на Салихе Ибраевой (1775 г.р.), родом из башкир д. Бизьяки Мензелинского уезда²⁰, и у него родилось трое детей – все сыновья: Мавлюш (1800 г.р.), Валит (1809 г.р.) и Валиша (1811 г.р.)²¹.

Во время проведения шестой ревизии тептяри д. Салауш, входившей в состав Байлярской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, относились к команде старшины Мусалима Ниязова²².

Согласно материалам шестой ревизии, проведенной в 1811 г., князь Абдулмазит Касимов до 1796 г., когда был отдан в казаки, все еще жил в д. Салауш и был хозяином своего двора (№28)²³. При этом, к 1811 г. он так и продолжал числиться в качестве хозяина своего двора, где проживал до ухода на военную службу. Вместе с ним во дворе проживали его брат Ягуда с тремя своими детьми – сыновьями Мавлюшем (в последующих материалах – Мавлют), Валитом и Валишой²⁴. Все члены хозяйства князя А.А. Касимова по шестой ревизии, жившие в д. Салауш, числились в сословии казенных тептярей. После отбытия на военную службу князь Абдулмазит Касимов уже не возвращался в д. Салауш на жительство, а в последующем там не жили и его потомки.

Однако стоит сказать и о тех родственниках князя А.А. Касимова, которые остались жить в Салаушах. Там продолжило жить семейство и по-

¹⁴ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.112 об.

¹⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.3801. Л.693–705.

¹⁶ ГА РТ. Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.112 об.

¹⁷ ГА РТ. Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.112 об.

¹⁸ ГА РТ. Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.112 об.

¹⁹ ГА РТ. Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.112 об.

²⁰ ГА РТ. Ф.1364. Оп.1. Д.3. Л.112 об.

²¹ Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф.176. Оп.2. Д.340. Л.40 об.

²² ЦГАКО. Ф.176. Оп.2. Д.340. Л.37.

²³ ЦГАКО. Ф.176. Оп.2. Д.340. Л.39 об.

²⁴ ЦГАКО. Ф.176. Оп.2. Д.340. Л.40 об.

томки родного младшего брата князя Абдулмазита – Ягуды. Согласно материалам седьмой ревизии, проведенной в д. Салауш в 1816 г., Ягуда «Габдузелилов», которому к тому времени было уже 42 года, являлся хозяином двора (№34), где проживал сам вместе с женой Салихой и тремя детьми (теми же, что были учтены в материалах шестой ревизии)²⁵. Умер Ягуда в возрасте 45 лет в 1820 г.²⁶

Мавлют был женат дважды. 1-ю его жену звали Гульюзюм (1804 г.р.), и от нее у Мавлюта родилось пятеро детей: трое сыновей – Абдулмазит (1826 г.р.), Абдульзамиль (1837 г.р.), Габдульепар (1841 г.р.) – и две дочери – Саудида (1829 г.р.) и Шарифа (1833 г.р.). 2-ю жену Мавлюта звали Сахиба Мухамедрахимова (1828 г.р.), и от нее у него родился один ребенок – сын Мухаметсадык (1846 г.р.).

Валит и Валиша также обзавелись женами, но по поводу их жен в источниках содержится неоднозначная информация. Так, согласно материалам восьмой ревизии, жену Валита звали Балхия и ей на тот момент было 20 лет²⁷. Однако в материалах девятой и десятой ревизий его женой названа Мульхия Токтагулова (1814 г.р.)²⁸. При этом ни в одном источнике не указано, что у Валита было несколько жен. Что же касается Валиши, то, исходя из того, что в источниках у него числятся две жены, вполне допустимо предположить, что первой его женой была Гайша (1816 г.р.), каковая указана в качестве его жены в материалах восьмой ревизии и которой было на момент проведения последней 18 лет²⁹. В материалах девятой ревизии зафиксировано только имя второй жены Валиши – Хабибьямаль Фейзуллина³⁰. Судя по всему, она же указана и в материалах десятой ревизии, однако там у нее значится другое отчество – Аслукулова³¹. Помимо этого, разнится и возраст второй жены Валиши по материалам девятой и десятой ревизий. Из материалов девятой ревизии следует, что она родилась в 1820 г.³², а судя по материалам десятой ревизии – в 1810 г.³³

Всего у Валита родилось трое сыновей – Мухамедьян (1839 г.р.), Халит (1853 г.р.), Ахметьян (1857 г.р.) – и одна дочь – Хабибьемала (1844 г.р.). Халит умер в годовалом возрасте в 1854 г.³⁴

²⁵ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.4. Л.83 об.

²⁶ ГА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.4. Л.83 об.

²⁷ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.580. Л.153 об.–154.

²⁸ ГА РТ. Ф.1305. Оп.1. Д.22. Л.22 об.–23; НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.465 об.–466.

²⁹ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.580. Л.153 об.–154.

³⁰ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.466 об.–467.

³¹ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.466 об.–467.

³² ГА РТ. Ф.1305. Оп.1. Д.22. Л.22 об.–23.

³³ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.466 об.–467.

³⁴ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.465 об.–466.

У Валиши родилось пятеро сыновей – Сейфулла (1835 г.р.), Хабибулла (1835 г.р.), Хамидулла (1848 г.р.), Шагидулла (1851 г.р.), Гайнулла (1855 г.р.). Шагидулла умер в возрасте 1 недели в 1851 г.³⁵

Ко времени проведения девятой ревизии (1850 г.) все потомки Ягуды Габдузелилова вместе со своими семьями жили в одном дворе (№32), хозяином которого числился Мавлют Ягудин³⁶.

Ко времени проведения десятой ревизии (1859 г.) Мавлют, Валит и Валиша жили отдельными дворами, в которых являлись хозяевами (дворы №121, 123, 124), а в их семьях имелись дети. Также отдельным двором, будучи его хозяином, жил и старший сын Мавлюта Абдулмазит (№122)³⁷.

Абдулмазит женился на Шамсинисе Зюльфукаровой (1832 г.р.), от которой у него родилось двое детей – сыновья Халит (1856 г.р.) и Абдулвахит (1858 г.р.).³⁸ Абдульзамиль Мавлютов женился на Фархинисе Юсуповой (1838 г.р.), и у него родился один ребенок – сын Тазитдин (1858 г.р.).³⁹

Теперь покажем, кто из прямых потомков Габдулзялила Аиткулова по мужской линии проживал в д. Салауш, выявим состав их семей и сословную принадлежность по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Деревня Салауш (Салауши) во время проведения этой переписи относилась к Салаушскому сельскому обществу Салаушской волости Елабужского уезда Вятской губернии. В переписных листах этой переписи населения хозяйства (дворы) прямых потомков Габдулзялила Аиткулова по мужской линии относятся к одному учетному участку (№2), поэтому номерной порядок хозяйств соответствует их физическому (территориальному) расположению.

Сын Мавлюта Касимова Мухаметсадык Мавлютов по переписи населения 1897 г. числился тептярином, был хозяином двора (№98)⁴⁰, состоял в браке с башкиркой Фархинисой Галятдиновой Касимовой (1852 г.р.). У него было три дочери, все записаны тептярками: Варгиниса Мухаметсадыкова (1872 г.р.), Гизиниса Мухаметсадыкова Касимова (1879 г.р.), Мыгыфур Мухаметсадыкова Касимова (1892 г.р.). Варгиниса была замужем за тептярином Ибрагимом Бимамухамедовым (1869 г.р.) и вместе с мужем жила во дворе своего отца. У нее было двое детей, все дочери – тептярки:

³⁵ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.466 об.–467.

³⁶ ГА РТ. Ф.1305. Оп.1. Д.22. Л.22 об.–23.

³⁷ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.465 об.–466.

³⁸ ГА РТ. Ф.1305. Оп.1. Д.22. Л.22 об.–23; НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.465 об.–466.

³⁹ НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.789. Л.465 об.–466.

⁴⁰ Здесь и далее в скобках указаны номера переписных листов в рамках одного учетного участка д. Салауш. Всего д. Салауш в ходе Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. была разделена на 3 учетных участка и в каждом из них нумерация переписных листов велась с начала (с №1).

Бибиэсма Ибрагимова (1894 г.р.) и Минсалу Ибрагимова, которой по переписи было 3 месяца⁴¹.

Своими отдельными соседними дворами (№130 и 131) в качестве их хозяев жили сыновья Валита Ягудина Мухамедьян (Мухамедзян) Валитов Касимов и Ахметьян (Ахмедьян) Валитов Касимов с домочадцами. Мухамедзян числился башкиром, был женат на башкирке Гильзинисе Сагидеевой (1867 г.р.), и у него было двое сыновей – Ахметзакир (1867 г.р.) и Хикматулла (1891 г.р.) – и одна дочь – Миннихаят (1880 г.р.). Ахметзакир Мухамедзянов был женат на Минниямаль Гимадетдиновой, и у него было двое детей – сын Миннимухамет Ахметзакиров (1895 г.р.) и дочь Миннифатиха Ахметзакирова (1892 г.р.)⁴². Ахмедьян, в отличие от родного брата, так же, как и все его домочадцы, за исключением жены, числился в тептярях. Ахметьян был женат на башкирке Бадыгульямал Шагимардановой (1862 г.р.), и у него было пятеро детей – сыновья Ахметша (1884 г.р.), Мухаметша (1894 г.р.), Мавлют (1896 г.р.) – и дочери Бибигарифа (1883 г.р.) и Бибигайша (1891 г.р.). Все они носили фамилию Касимовых. У Ахметьяна имелся работник – тептярин Бахтыгарей Зиганшин (1875 г.р.), который также жил в его дворе⁴³.

Хозяином другого двора (№91) был сын Валиши Гайнулла Валишин Касимов. Он был женат на Минсулу Шарафутдиновой (1867 г.р.), и у него было трое детей – сыновья Калимулла (1884 г.р.), Губайдулла (1893 г.р.) и Ягулда (1896 г.р.). Все домочадцы Гайнуллы Валишина числились тептярями и носили фамилию Касимовых⁴⁴.

В отдельном дворе (№105) жил Габдулвахит Габдулмазитов Касимов (1867 г.р.), женатый на Гайзисарур Ишмурзиновой (1867 г.р.), и у него было двое детей – сын Габдульнур Габдулвахитов (меньше 1 мес.) и дочь Магифур Габдулвахитова (1894 г.р.). Все они были в сословии тептярей. С ними же жила и мать Габдулвахита – башкирка Шамсиниса Зюльфукарова (Шамшениса Дульфукарова)⁴⁵.

Также в отдельном дворе (№99) проживал, будучи его хозяином, старший сын Габдульепара (1841 г.р.) тептярин Асильмардан Габдуляпаров Касимов (1870 г.р.). Он был женат на башкирке Минныгайше Файруллиной Касимовой (1877 г.р.). В том же дворе жили младшие братья Асильмардана – тептяри Габдулсаттар Габдуляпаров Касимов (1875 г.р.) и Гаптулла Габдуляпаров Касимов (1880 г.р.) и сестра – тептярка Хоснызиган Габдуляпарова Касимова (1879 г.р.)⁴⁶.

⁴¹ ЦГАКО. Ф.574. Оп.9. Д.150. Переписной лист №98.

⁴² ЦГАКО. Ф.574. Оп.9. Д.150. Переписной лист №130.

⁴³ ЦГАКО. Ф.574. Оп.9. Д.150. Переписной лист №131.

⁴⁴ ЦГАКО. Ф.574. Оп.9. Д.150. Переписной лист №91.

⁴⁵ ЦГАКО. Ф.574. Оп.9. Д.150. Переписной лист №105.

⁴⁶ ЦГАКО. Ф.574. Оп.9. Д.150. Переписной лист №99.

Зачастую дворы потомков Габдулзялила Аиткулова Касимова по мужской линии располагались по соседству. Так, рядом находились дворы Мухаметсадыка Мавлютова Касимова (№98) и Асильмардана Габдуляпарова Касимова (№99). Недалеко от них располагался двор (№105) Габдулвахита Габдулмазитова Касимова. Все они были потомками Мавлюта Япарова – родного племянника князя Абдулмазита Касимова. Один подле другого располагались дворы сыновей Валита Ягудина – Мухамедьяна Касимова (№130) и Ахметьяна Касимова (№131). Недалеко от родственников располагался и двор Гайнуллы Валишина Касимова (№91).

Князь А.А. Касимов в период военной службы. Свою военную карьеру князь Абдулмазит Касимов начал либо в 1790, либо в 1796 г. (данные в разных источниках разнятся) – с момента зачисления в пятисотенный казачий полк, набираемый из тептярей и бобылей⁴⁷. Этот полк в 1798 г. был разделен на два – 1-й и 2-й Тептярские казачьи полки. Всю свою военную службу он провел лишь в одном военном подразделении – в тептярском казачьем полку (со времени разделения единого тептярского полка на два – в 1-м Тептярском казачьем полку). Согласно послужным спискам, карьерный путь князя А.А. Касимова представляется следующим. 29 августа 1790 г. он начал службу в должности казака в пятисотенном казачьем полку, набиравшемся из представителей сословия тептярей и бобылей. С 6 июля 1794 г. занимал в этом полку, который к тому времени назывался «Уфимским казачим» [15, с.87], должность пятидесятника, с 18 мая 1798 г. – зауряд полкового квартирмейстера, с 10 августа 1798 г. – зауряд-есаула. При разделении единого тептярского полка на два был зачислен в 1-й Тептярский казачий полк и с 15 ноября 1799 г. занимал в нем должность зауряд походного полковника⁴⁸ [14, с.59–60].

30 июня 1800 г. князь А.А. Касимов был произведен в первый обер-офицерский чин – хорунжего⁴⁹ (иначе говоря, с того времени он уже занимал должность походного полковника не в зауряд чине, а в чине по Табели о рангах) [14, с.59–60] – и, тем самым, приобрел личное дворянство [8, с.134–135; 2]. Из источников известно, что 24 декабря 1802 г. князю А.А. Касимову Оренбургским депутатским дворянским собранием было выдано свидетельство №169 (не известно, сохранилось ли оно до настоя-

⁴⁷ Этот полк был сформирован в апреле 1790 г., а с 1791 г. по 1798 г. назывался Уфимским казачьим полком. По указу от 11 октября 1798 г. этот полк был разделен на два, названные 1-м и 2-м тептярскими казачьими полками. Рядовые и офицерские чины по этому указу набирались в полк из числа тептярей, а шефом полка, осуществлявшим общее командование полком, назначался кто-либо из русских штаб-офицеров.

⁴⁸ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3171. Л.5 об.–6; Д.3174. Л.4 об.–5.

⁴⁹ Чин хорунжего в категории военных чинов входил в то время в 14-й – самый низший класс по «Табели о рангах» и относился к группе обер-офицерских (иначе – младших офицерских) чинов.

щего времени), которое, по одним сведениям, подтверждало его дворянское звание (в источнике – «звание дворянства»)⁵⁰, по другим – подтверждало его происхождение из «татарских князей»⁵¹. Вопрос о том, получил ли князь А.А. Касимов статус потомственного дворянина, на данный момент остается открытым.

До конца своей службы он числился в должности полкового командира (ранее эта должность называлась «походный полковник»). Князь Абдулмазит Касимов умел читать и писать по-татарски и по-русски. До 1805 г. не был в домовых отлучках и в штрафах, входил в комплект штатного состава полка, признавался достойным к повышению в чине⁵², не участвовал в военных походах за границами империи. К концу своей службы князь А.А. Касимов имел обер-офицерский чин подпоручика⁵³ (по другим сведениям, поручика)⁵⁴.

Согласно «Штату одного Тептярского полка, состоящего из 500 нижних чинов и казаков» от 1798 г., офицер Тептярского казачьего полка в полковом чине походного полковника получал жалованье в размере 100 руб. в год, в то время как казак в чине полкового квартирмейстера – 50, есаула – 60, сотника – 50, хорунжего – 40, пятидесятника – 12, десятника – 12, рядового казака – 12 [6, с.49–50]. И это было гораздо меньше жалованья офицеров армейских чинов и чиновников военного ведомства. Так, жалованье канцелярского писаря по Штату провиантского департамента Военной коллегии за 1798 г. составляло 123 руб.70 коп. в год [5, с.34], в то время как писаря в тептярских полках – всего лишь 12 руб. [6, с.50]; жалованье прапорщика Сенатского батальона при Правительствующем Сенате в 1799 г. составляло 191 руб. 90 коп. [7, с.69].

Во время своей военной службы князь Абдулмазит Касимов женился. Его жену звали Анна (девичья фамилия и отчество не известны). В документах она именуется княгиней Касимовой. После смерти мужа княгиня А. Касимова осталась одна, без средств к существованию и близких родственников. Следует полагать, что смерть князя А.А. Касимова лишила его семью существенного дохода в виде жалованья и, ввиду полного отсутствия или недостаточности материальной помощи, обрекла на бедность. По собственному свидетельству княгини А. Касимовой, к 60 годам она дошла до «совершенно бедственного положения», часто болела, испытывала не-

⁵⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.57. Д.586. Л.1–1 об.

⁵¹ РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.4 об.–5.

⁵² РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3174. Л.4 об.–5.

⁵³ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.19, 20; Чин подпоручика в категории военных чинов входил в то время в 13-й класс по «Табели о рангах» и относился к группе обер-офицерских чинов.

⁵⁴ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.10, 11, 12; Чин поручика в категории военных чинов входил в то время в 12-й класс по «Табели о рангах» и относился к группе обер-офицерских чинов.

хватку средств к пропитанию⁵⁵. На ее иждивении был малолетний внук – сирота князь Чанышев⁵⁶ (прибл. 1824 г.р.; имя и отчество в источнике не указано). Она проживала в городе Оренбурге, первоначально – в собственном доме, но, когда жилище обветшало, стала жить вместе с внуком на съемных квартирах. Жили в бедности⁵⁷.

О детях князя А.А. Касимова, к сожалению, ничего не известно. Поэтому, были ли у него потомки по прямой мужской линии и чьим сыном являлся «князь Чанышев», к настоящему времени не установлено.

Дело «О пособии вдове княгине Касимовой и о принятии для обучения в учебное заведение внука ее князя Чанышева. 1837–1838 гг.» раскрывает некоторые подробности жизни семьи князя Абдулмазита Касимова. Это дело отложилось в фонде Канцелярии оренбургского генерал-губернатора Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО). Оно длилось около одного года: было заведено 8 сентября 1837 и завершено 12 ноября 1838 г., производилось первым столом пограничной части Канцелярии Оренбургского военного губернатора⁵⁸.

14 июня 1837 г. отдел прошений Канцелярии оренбургского военного губернатора направил в Канцелярию «по принадлежности» поступившее к ним от княгини Анны Касимовой, жены покойного князя Абдулмазита Касимова, прошение. В Канцелярии прошение было направлено в «часть пограничную», в которой получено 8 сентября 1837 г. По поступившему прошению, датированному 3 июня 1837 г. и зарегистрированному под № 60⁵⁹, было заведено отдельное дело № 95⁶⁰, породившее канцелярский документооборот с присущей ему бумажной волокитой.

На момент подачи прошения княгине А. Касимовой было 60 лет, и, как говорилось выше, по ее собственному признанию, к тому времени она дошла до «совершенно бедственного положения», часто болела и «не имела более никаких средств к пропитанию»⁶¹. Она сетовала на то, что ее внук князь Чанышев, по слабости ее здоровья, «скитается безо всякого воспитания» «по чужим углам»⁶². В прошении она также упоминает заслуги мужа перед Государем и Отечеством⁶³.

⁵⁵ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3.

⁵⁶ Упоминаемый в деле князь Чанышев (в прошении вдовы княгини Касимовой указан как «князь Ченышев»), по всей видимости, принадлежал к татарскому княжескому роду Чанышевых, которые вернули себе дворянство в 1796 г. по указу Сената и были внесены в 6-ю часть дворянской родословной книги Оренбургской губернии [3, с.270].

⁵⁷ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3.

⁵⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Титул. лист.

⁵⁹ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3.

⁶⁰ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.1.

⁶¹ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3–3 об.

⁶² ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3–3 об.

⁶³ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3–3 об.

По существу, в прошении содержались три просьбы: 1) вернуть ей ее документы о покойном муже (аттестат о службе князя А.А. Касимова и копию свидетельства о его княжеском происхождении), прикрепленные к ее предыдущему прошению, поданному в адрес прежнего оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена, и не возвращенные ей до того времени; 2) оказать ей содействие в получении материальной помощи или «пенсiona» за «безпорочно и немалое время» службу ее мужа; 3) определить ее внука 13-летнего князя Ченышева, «куда заблагорассудит» оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, для обучения.

Военный губернатор лично обратил внимание и отреагировал на прошение вдовы княгини Касимовой, отнесясь с сочувствием к ее бедственному положению. Было произведено расследование по всем трем просьбам вдовы, содержащимся в ее прошении.

Рассмотрим действия и решения оренбургского военного губернатора в отношении просьб княгини А. Касимовой. Об утерянных княгиней А. Касимовой документах Канцелярией оренбургского военного губернатора было проведено расследование. Поначалу, ведя переписку с различными инстанциями, Канцелярия получала неутешительные сигналы. Инстанции и ответственные лица отчитывались, что запрашиваемые документы им нигде не удалось найти. Однако в итоге Канцелярии оренбургского военного губернатора все же удалось отыскать запрашиваемые документы в своем архиве в числе решенных дел: они были приложены к прошению А. Касимовой «об исходатайствовании ей пенсiona, поданному Графу Сухтелену в 1830 году»⁶⁴. Документы были возвращены княгине А. Касимовой, о чем свидетельствуют справка, составленная в Канцелярии оренбургского военного губернатора⁶⁵, отпуск обращения оренбургского военного губернатора В.А. Перовского к оренбургскому полицмейстеру от 26 октября 1838 г.⁶⁶ и ответ на это обращение, данный оренбургским полицмейстером 2 ноября 1838 г., в котором он рапортовал, что «присланные при предписании ... от 26 октября за №1807 документы о службе и княжеском происхождении бывшего командира тептярского полка, подпоручика князя Касимова, жене его княгине Касимовой по принадлежности»⁶⁷.

Что касается прошения княгини А. Касимовой об оказании ей материальной помощи, то сама княгиня признавалась, что с подобной просьбой, ввиду своего бедственного и беспомощного положения, она впервые обратилась в адрес прежнего оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена в 1830 г., однако, по ее же словам, никакого ответа на свое обращение она не получила и ей не было известно, какое распоряжение

⁶⁴ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.17–17 об.

⁶⁵ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.16–17 об.

⁶⁶ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.19–19 об.

⁶⁷ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.20.

было дано в отношении ее просьбы⁶⁸. Наведя справки, Канцелярия выяснила, что после первого прошения княгини, поданного в 1830 г., ей, по свидетельству Уфимского попечительного о бедных комитета, уже было назначено и выплачивалось ежегодное пособие в размере 30 руб. Однако после последнего ее обращения в адрес оренбургского военного губернатора и ходатайства со стороны последнего к Уфимскому попечительному о бедных комитету о возможности оказания ей материальной помощи комитет, согласно отчету, приняв во внимание то, что она уже не имела собственного дома, прислуги и родственников, и ввиду ее преклонного возраста, назначил ей с 1 сентября 1838 г. ежегодное денежное пособие в размере 60 руб. и, сверх того, определил единовременное выделение ей 10 руб. «из суммы, назначенной неизвестным благотворителем на вспоможение бедным»⁶⁹. Данное решение было объявлено вдове поручице княгине А.Касимовой Оренбургской градской полицией в августе 1838 г.⁷⁰

Решение же по просьбе княгини А. Касимовой об оказании помощи в устройстве ее внука князя Чанышева в какое-либо учебное заведение было для просительницы неутешительным. По какой-то причине В.А. Перовский решил, что просьба княгини А. Касимовой состоит в том, чтобы определить ее внука на обучение именно в Оренбургское Неплюевское военное училище (что было не верно, поскольку она просила В.А. Перовского об определении ее внука на обучение в какое-либо учебное заведение на его усмотрение). В связи с этим Канцелярией были наведены справки и, основываясь на том, что, согласно постановлению об Оренбургском Неплюевском военном училище, приниматься в него должны дети не старше 12 лет, был вынесен вердикт, согласно которому князь Чанышев, которому на момент подачи прошения было уже 13 лет, поступить в данное училище не может⁷¹, о чем и было предписано 12 сентября 1837 г. земской полиции объявить просительнице⁷².

Следует также отметить, что в Канцелярии возник вопрос, почему княгиня Анна Касимова назвала своего внука фамилией Чанышев (в оригинале – Ченышев)⁷³.

Князь А.А. Касимов на военной службе в период Наполеоновских войн. В нашем распоряжении имеются также сведения о действиях 1-го Тептярского казачьего полка в период Наполеоновских войн. До 1807 г. этот полк состоял на пограничной (линейной) службе в Оренбургской губернии. В 1807 г. в связи с войной с Францией этот полк был направлен из Оренбургской губернии в состав российской армии. В том же году полк

⁶⁸ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3 об.

⁶⁹ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.10.

⁷⁰ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.12.

⁷¹ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.6.

⁷² ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.6.

⁷³ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.5.

был оставлен для содержания кордонов по р. Неман против французов. В 1810 г. 1-й Тептярский казачий полк нес патрульную службу по берегам Балтийского моря для предупреждения возможной высадки английского десанта. Зимой 1810–1811 гг. полк квартировался в городе Аренсбурге (Эзельский уезд, Лифляндская губерния) [8, с.51].

В 1811 г. командование российской армии решило вернуть тептярей обратно на Оренбургскую линию. Полк получил указание совершить марш в Уральск. Но 4 февраля по указанию военного министра М.Б. Барклая де Толли он был остановлен и расквартирован в д. Васково Псковской губернии (у города Великие Луки), где находился до февраля-марта 1812 г. [8, с.51].

Одна сотня полка в 1811–1812 гг. была откомандирована для ночных разъездов⁷⁴ в город Динабург (Двинск, современный Даугавпилс) с зауряд-есаулом, подпоручиком Булгаиром Мухаметгалиным⁷⁵ [8, с.52].

В 1811 г., во время постоя полка у Великих Лук, князь А.А. Касимов умер⁷⁶. Таким образом, он не принимал участия в Отечественной войне 1812 г.

Заключение. Князь Абдулмазит Абдулзалилов сын Касимов – представитель древнего татарского рода каринских князей Касимовых, история которого до недавнего времени практически не была отражена в исторической литературе.

Биография князя Абдулмазита Касимова, которую нам частично удалось восстановить благодаря комплексу исторических источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот, проливает свет на перипетии судьбы потомков старой татарской аристократии, на вклад представителей рода каринских князей Касимовых в защиту Отечества в конце XVIII – начале XIX в.

Покинувшему родную деревню Салауш в конце XVIII в. в связи с началом военной службы князю Абдулмазиту Касимову не было суждено вернуться обратно. Однако в этой деревне продолжали жить его родной брат Ягуда и его потомки. На основании рассмотренных материалов установлено, что у потомков Габдулзялила Аиткулова Касимова (отца князя А.А. Касимова), оставшихся жить в д. Салауш, имели место сословные трансформации – переходы из тептярей в башкиры. Прямые потомки Габдулзялила Аиткулова по мужской линии, принадлежа к сословию тептярей, в основном женились на тептярях. Однако были случаи женитьбы и на башкирках. Почти все прямые потомки Габдулзялила Аиткулова Касимова по мужской линии, жившие в д. Салауш, состояли в сословии тептярей по крайней мере до конца XIX в., и лишь некоторые из них, согласно переписи 1897 г., состояли в сословии башкир.

⁷⁴ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.3195. Л.12.

⁷⁵ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.3195. Л.11.

⁷⁶ ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.4607/1. Л.3.

В то же время судьба князя А.А. Касимова – это лишь один пример того, как представители этого рода защищали Родину и служили Отечеству в вооруженных силах. Помимо него, в российской армии служили и другие представители княжеского рода каринских татар Касимовых, в том числе принимавшие участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Среди них были трое жителей Сеитова посада (Каргалинская слобода, ныне – Татарская Каргала), которые проходили службу в 3-м Оренбургском казачьем полку и Молдавской армии (1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки) [1, с.71–80].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аминов Р.Р.* Участие татар Сеитова посада в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.71–83. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.71-83>
2. *Волков С.В.* русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. URL: https://militera.lib.ru/h/volkov_sv1/07.html (дата обращения: 09.09.2025).
3. *Габдуллин И.Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М.: Изд. Р.Ш Кудашев, 2006. 320 с.
4. *Нафиков И.С., Шакиров Р.К., Нафикова Л.Х.* Арские (каринские) князья и деревня Салауш (Салагыш) Агрызского района Республики Татарстан: исторический очерк. Сарапул: Сарапульская тип., 2012. 40 с.
5. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. (ПСЗ РИ-1). СПб.: Тип. П отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1830. Собр. 1-е. Т.XLIII. Книга штатов: Часть 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800). К №18308. С.28–46.
6. ПСЗ РИ-1. Т.XLIII. К №18701. С.49–52.
7. ПСЗ РИ-1. Т.XLIII. К №18893. С.69–73.
8. *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков, 1790–1845: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. 242 с.
9. *Чураков В.С.* Влияние политики великих князей московских в отношении каринских арских князей на формирование этнической территории удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. Вып. 2: Сб. статей. Ижевск, Изд-во НОУ «КИТ», 2007. С.74–78.
10. *Чураков В.С.* Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // Материалы Всероссийской научной конференции «Урал-Алтай: через века в будущее». Уфа: Гилем, 2005. С.216–219. URL: <http://www.udmurt.info/library/churakov/obstoyat.htm> (дата обращения: 04.11.2025).
11. *Шакиров Р.К.* Спорные земли в низовьях Ижа: краеведческий очерк. Казань: РЦМИП, 2009. 96 с.
12. *Шакиров Р.К., Акчуринов М.М.* Переселение каринских татар в Восточное Предкамье: трансформация социального статуса // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С.330–342.
13. *Шарафиев Э.И.* Офицерский состав тептярских казачьих полков в конце XVIII – начале XIX века (по послужным спискам) // Из истории и культуры наро-

дов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №2. С.57–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70>

14. Шарафиев Э.И. Послужные списки тептярских казачьих полков как исторический источник // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №4. С.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63>

15. Шарафиев Э.И. Тептяри в законодательстве Российской империи 1790-х гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №3. С.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95>

REFERENCES

1. Aminov R.R. Participation of the Tatars of Seitov Posad in the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaigns of the Russian Army of 1813–1814. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.71–83. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.71-83> (In Russian)

2. Volkov S.V. *Russian officer corps*. Moscow: Voenizdat Publ., 1993. URL: https://militera.lib.ru/h/volkov_sv1/07.html (accessed: 09.09.2025). (In Russian)

3. Gabdullin I.R. *From service Tatars to the Tatar nobility*. Moscow: Kudashev Publ., 2006. 320 p. (In Russian)

4. Nafikov I.S., Shakirov R.K., Nafikova L.Kh. *Arsk (Karino) princes and the village of Salaush (Salagish) of the Agryz region of the Republic of Tatarstan: historical sketch*. Sarapul: Sarapul typography Publ., 2012. 40 p. (In Russian)

5. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire: in 45 volumes. Collection 1 (PSZ RI-I)*. Vol.43. Book of States: Part 1: States of the military land (1711–1800). To no.18308. Pp.28–46. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancery Publ., 1830. (In Russian)

6. *PSZ RI-I*. Vol.43. To no.18701. Pp.49–52. (In Russian)

7. *PSZ RI-I*. Vol.43. To no.18893. Pp.69–73. (In Russian)

8. Rakhimov R.N. *History of the Teptyar cavalry regiments, 1790–1845: monograph*. Ufa: Editorial and Publishing Center of Bashkir State University Publ., 2008. 242 p. (In Russian)

9. Churakov V.S. The influence of the policies of the Grand Dukes of Moscow in relation to the Karino Arsk princes on the formation of the ethnic territory of the Udmurts. *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction*. Issue 2: Collection of articles. Izhevsk: NOU KIT Publ., 2007. Pp.74–78. (In Russian)

10. Churakov V.S. On the circumstances of the appearance of the Karino Arsk princes on Vyatka. *Materials of the All-Russian scientific conference "Ural-Altai: through centuries to the future"*. Ufa: Gilem Publ., 2005. Pp.216–219. URL: <http://www.udmurt.info/library/churakov/obstoyat.htm> (accessed: 04.11.2025). (In Russian)

11. Shakirov R.K. Disputed lands in the lower reaches of the Izh: a local history essay. Kazan: RCMIPP Publ., 2009. 96 p. (In Russian)

12. Shakirov R.K., Akchurin M.M. Resettlement of the Karino Tatars in the Cis-Kama region: transformation of social status. *Land tenure system and social categories of the population of the Volga-Ural region and Western Siberia in the 16th – 19th centuries*. Issue 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2021. Pp.330–342. (In Russian)

13. Sharafiev E.I. Officers of the Teptyar Cossack Regiments in the late 18th – early 19th centuries (according to service records). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.57–70. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.57-70> (In Russian)

14. Sharafiev E.I. Service records of the Teptyar Cossack regiments as a historical source. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.4, pp.50–63. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-4.50-63> (In Russian)

15. Sharafiev E.I. Teptyars in the legislation of the Russian Empire in the 1790s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.3, pp.86–95. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-3.86-95> (In Russian)

Информация об авторах:

Шарафиев Эмиль Илхамутдинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Шакиров Руслан Камилевич – независимый исследователь (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-6266-5313; e-mail: 2595579@mail.ru

About the authors:

Sharafiev Emil Ilhamutdinovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1969-8933; e-mail: magdiev.emil@gmail.com

Shakirov Ruslan Kamilevich – Independent researcher (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-6266-5313; e-mail: 2595579@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 03.11.2025

Принята к публикации / Accepted 20.11.2025

УДК 94(47)512.145"1827/1864"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.71-84>

Татары в составе Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона (1827–1864 гг.)

Р.Р. Аминов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию службы татар в составе Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона (1827–1864 гг.): установлен размер жалованья офицеров и нижних чинов, по материалам формулярных списков на 1856 г. составлен среднестатистический портрет офицера, приводятся сведения о вооружении и обмундировании чинов изучаемого военного формирования, рассмотрен боевой путь татар в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Крымской войны 1853–1856 гг. Особое внимание уделено биографиям представителей рода Муфтий-заде – Батыра Челеби и его сына Измаила, являвшихся наиболее яркими и значимыми фигурами в составе Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона.

Ключевые слова: Крымско-татарский эскадрон, Батыр Челеби Муфтий-заде, татары, Санкт-Петербург, Крымская война (1853–1856 гг.), Крым, формулярные списки, жалованье, смотр эскадрона

Для цитирования: Аминов Р.Р. Татары в составе Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона (1827–1864 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.71–84. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.71-84>

Tatars as part of the Life Guards of the Crimean Tatar squadron (1827–1864)

R.R. Aminov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

This article is devoted to the study of the service of Tatars as a part of the Life Guards of the Crimean Tatar squadron (1827–1864): the size of the salary of officers and lower ranks was established, based on the materials of the formulary lists for 1856, an average portrait of an officer was compiled, provides information on the armament and uniforms of the ranks of the military formation under study, the combat path of the Tatars during the Russo-Turkish War of 1828–1829 and the Crimean War of 1853–1856. Special attention is paid to the biographies of representatives of the Mufti-zade

clan – Batyr Celebi and his son Ishmael, who were the most striking and significant figures in the Life Guards of the Crimean Tatar squadron.

Keywords: Crimean Tatar squadron, Batyr Chelebi Mufti-zade, Tatars, St. Petersburg, Crimean War (1853–1856), Crimea, formulary lists, salary, squadron review

For citation: Aminov R.R. Tatars as part of the Life Guards of the Crimean Tatar squadron (1827–1864). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.71–84. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.71-84> (In Russian)

Согласно манифесту императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. Крымский полуостров объявлялся частью Российской империи, определялся и статус местных жителей, им предоставлялись те же права, что и «природным» подданным Российской империи, было дано обещание охранять и защищать их лица, имущество и храмы. Указом от 28 июля 1783 г. «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в российское подданство» было предписано соблюдать обещанные права и свободы, в частности, гарантировалась и свобода вероисповедания. Уточнялся социально-правовой статус: перечислялись доходы таможенные, с продаваемой соли, с озер, с земли. Часть доходов шла на содержание мечетей и служащих в медресе, население освобождалось от воинской повинности. Параллельно в состав российского общества была инкорпорирована крымско-татарская родовая аристократия и служилая знать, которая получала практически те же права, что и российское дворянство, им не разрешалось только приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания [12, с.279–280].

Таким образом, власти продемонстрировали лояльное отношение к населению вновь присоединенной территории, а Екатерина II подтвердила статус «просвещенного» монарха [14, с.118].

Свое начало крымско-татарские кавалерийские полки ведут с 1 марта 1784 г., когда президент Военной коллегии князь Г.А. Потемкин получил указ «о составлении войска из новых наших подданных в Таврической области обитающих». В результате было объявлено о создании пяти дивизионов, но на первых порах основали только три дивизиона, из которых два состояли на действительной службе, третий находился в запасе [5, с.25].

Как видно из штата этих дивизионов, в них должно было состоять 1035 чел., на которых было определено 41450 руб. жалованья [9, с.210] (табл. 1).

Большинство офицеров и нижних чинов дивизионов относились к знатнейшим татарским родам. Каждый из татарских всадников был вооружен пикой, саблей и луком с колчаном, наполненным стрелами. До 1790 г. крымские татары несли сторожевую службу в Крыму, где сопровождали почту, начальников в их служебных поездках, охраняли различные государственные учреждения, склады и частные предприятия. В 1806 г. через муфтия крымские татары подали ходатайство на имя импера-

тора Александра I о разрешении защищать Родину от врагов и готовности выставить необходимое число полков на полном их содержании за свой счет. В итоге было образовано четыре полка: Симферопольский, Перекопский, Евпаторийский и Феодосийский. Первые два полка были вооружены наилучшим образом¹, именно поэтому они и представляли собой как бы полки первой очереди. Образованные полки формировались по образцу казачьих, форма отличалась от казачьей лишь татарскими шапками. После успешного участия в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. конные крымско-татарские полки вернулись в Крым и вплоть до 1817 г. состояли в полной боевой готовности; тогда они и были расформированы [6, с.16, 17, 21].

Таблица 1

Штат дивизионов крымских татар. 1784 г.

Примерный штат о числе людей и жалованье составляемого из жителей Таврической области дивизиона		
Звание чинов	число людей	жалованья
		рубли
Майоров	1	300
Ротмистров	2	200
Поручиков	2	150
Прапорщиков	2	120
Наказных	10	40
Рядовых	190	35
Итого	207	8290
А в пяти дивизионах	1035	4150

Таблица составлена по: [9, с.210].

После этого в течение 10 лет крымско-татарских воинских частей в составе русской армии не было. Очередным воинским формированием крымских татар стал Лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон (1827–1864 гг.), основанный 18 апреля 1827 г. и получивший официальное название 20 июля того же года [4, с.214–215; 10, с.627].

Для положительного решения вопроса о создании Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона² татарский князь генерал Кая-бей Балату-

¹ Весь состав полков был вооружен пиками, у многих были острые татарские ножи. В небольшом количестве были представлены луки со стрелами, появились и пистолеты [6, с.17].

² В первоначальный состав эскадрона вошли следующие офицеры: командир 5-й сотни Симферопольского крымско-татарского полка Адиль-бей Балатуков, корнет Мурат-мурза Аргинский, губернский секретарь Ислям-мурза Кучук-бей, Кемаль-мурза Нагаев, Мамут-бей князь Хункалов, Адил-бей Дедакский, Сефора-мурза Ширинский [13, с.93].

ков приложил громадные усилия, подключив все свои связи и влияние, в том числе и личную дружбу с императором Александром I [6, с.14].

Лейб-гвардейские полки Российской империи являлись привилегированными отборными частями армии. В число их основных обязанностей входили охрана императора и участие в боевых действиях. Несомненно, в сравнении с обычными армейскими частями они имели лучшее обмундирование, вооружение, жалование и т.д.

По утвержденному штату Лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон состоял из 268 чел.: 1-го штаб-офицера (полковника – командира эскадрона), 9-ти обер-офицеров, 30-ти унтер-офицеров, 4-х трубачей и 224-х рядовых [4, с.214–215]. 22 августа 1827 г. эскадрон был представлен на смотр великому князю Михаилу Павловичу, а на четвертый день после этого – императору Николаю I [8, с.15]. 8 марта 1832 г. Лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон был причислен к Лейб-гвардии Казачьему полку.

Крымско-татарский эскадрон делился на три части, две из которых постоянно находились на службе в Санкт-Петербурге при Лейб-гвардии Казачьем полку. Таким образом, в Санкт-Петербурге постоянно несли службу полковник (командир эскадрона), 1 ротмистр, 1 штабс-ротмистр, 2 поручика, 3 корнета, 16 конных и 2 пеших унтер-офицера, 128 конных и 16 пеших рядовых, 3 трубача (всего 173 чел.). Оставшиеся 95 чел. располагались в Крыму: 2 сверхкомплектных офицера (штабс-ротмистр и поручик), 8 конных и 4 пеших унтер-офицера, 64 конных и 16 пеших рядовых, 1 трубач. Каждые четыре года один взвод (половина оставшихся в Крыму унтер-офицеров и рядовых) обязан был идти на смену в Санкт-Петербург, из которого, в свою очередь, такое же количество нижних чинов направлялось в Крым. Нижние чины служили 15 лет, которые распределялись следующим образом: один год в Крыму, четыре года в Санкт-Петербурге, затем возвращение в Крым, где пять лет гвардейцы-татары проживали у себя дома, после этого на один год отправлялись на службу в Крым, и, наконец, отслужив заключительные четыре года в Санкт-Петербурге, подлежали увольнению³.

Изначально Лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон размещался в обывательских квартирах. Лишь в 1846 г. в Санкт-Петербурге завершили постройку трехэтажного здания, в которое и переселились чины эскадрона. Конюшни и казарма располагались на Обводном канале. В верхнем этаже казармы находилась большая светлая комната, предназначенная для выполнения религиозных служб [6, с.22–23; 13, с.109].

Состав эскадрона содержался за счет средств, получаемых с крымско-татарского населения, которое было обложено специальным налогом в размере 17 коп. с души в год. Из казны выдавалось жалование военнотатарскому населению, которое было обложено специальным налогом в размере 17 коп. с души в год. Из казны выдавалось жалование военнотатарскому населению, которое было обложено специальным налогом в размере 17 коп. с души в год.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1287. Оп.25. Д.498. Л.12 об.–14.

жащим: 54 руб. серебром в год – унтер-офицерам и 37 руб. – рядовым, офицерам же – по общегвардейскому кавалерийскому окладу [1, с.50]. На ежегодный «ремонт» каждой лошади отпускалось от 150 до 200 руб. Данная сумма включалась в общую раскладку повинностей, платимых ежегодно крымскими татарами, нижние чины освобождались от всех повинностей денежных и личных как во время службы, так и после выслуги⁴.

Нижние чины эскадрона летом были одеты в куртку алого сукна, зимой в синий чекмень, шаровары синего цвета с белыми басонами по наружным швам, кушак белый, эполеты шерстяные, белые с такой же бахромой, шапка круглая, красная, похожая на татарскую. У офицеров Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона обмундирование во многом было схожим, но с обшивкой вместо басона серебряными галунами с черной шелковой прошивкой: на куртке, чекмене, шароварах и шапке, петлицы на воротнике были вышиты серебром. Нижним чинам предполагалось иметь пикку, саблю, пистолет, лядунку, вальтрап их был красным с синей подушкой [3, с.167–169].

У офицеров были серебряные эполеты, лядунка (на серебряном ремне), сабли и шарфы (казацьи офицерские), вальтрап был почти такой же, как у нижних чинов, но обшитый серебряными галунами, шнурами и бахромой. Вплоть до 1851 г. обмундирование и вооружение татар Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона подвергалось несущественным изменениям, среди которых наиболее важными, на наш взгляд, являлись замена сабель шашками в 1832 г. как для офицеров, так и для нижних чинов, и замена летних курток парадными чекменями (их надевали только в праздничные дни) в 1845 г. [3, с.167–177].

Повседневная жизнь нижних чинов эскадрона сводилась к несению караульной службы, участию в смотрах, маневрах, парадах. Трубачей часто придавали к свите императора или командира Гвардейского корпуса. Суровые будни действительной военной службы оказались для некоторых гвардейцев-татар непривычными и тяжелыми. В частности, из льготной части эскадрона совершались побеги. К примеру, 18 декабря 1829 г. сбежал рядовой Менги Али Абдуллаев, правда, уже 21 декабря полиция взяла его под стражу и возвратила в эскадрон. К 30 декабря 1829 г. состав эскадрона не досчитался пяти нижних чинов, которые числились в бегах [13, с.104].

Первым боевым крещением Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона стала Русско-турецкая война 1828–1829 гг., во время которой эскадрон под руководством ротмистра Максюты-бея Байарсланова в составе Лейб-гвардии сводно-казацкого полка выступил из Санкт-Петербурга к границе Турции, перешел Дунай и в конвое гвардейского штаба, через крепость Исакчи, прошел берегом Черного моря к крепости Кюстенджи-Мангалия, далее к крепости Варна, участвуя при ее осаде и взятии и получив за это серебряные трубы (несколько нижних чинов были удостоены

⁴ РГИА. Ф.1287. Оп.25. Д.498. Л.9 об.

знаков отличия военного ордена). 7 октября 1829 г. эскадрон вернулся в Санкт-Петербург, где продолжал свою службу [8, с.16].

9 августа 1830 г. произошли изменения в штатной структуре Крымско-татарского эскадрона. Теперь он делился не на три, а на две части. Каждая часть, в свою очередь, делилась на четыре взвода. Одна половина эскадрона (четыре взвода) должна была постоянно располагаться в Санкт-Петербурге, вторая на жительство (на льготе) в Крыму. Ежегодно один взвод (смена) льготной части полуэскадрона должен был идти на службу в Санкт-Петербург. С 1848 г. дата отправки смены определялась 1 мая⁵. Отметим, что в штат полка вносились небольшие изменения. 11 ноября 1845 г. вместо 24 унтер-офицеров было определено иметь 23 унтер-офицера и одного старшего вахмистра. С 1851 г. в штате унтер-офицеров должны были быть два юнкера. Примечательно, что в статистических данных по эскадрону за июнь 1857 г. из числа пеших нижних чинов отмечены два хлебопекаря, два кашевара, один артельщик и один закройщик [13, с.105]. Важным представляется тот факт, что списочный состав находящегося на службе полуэскадрона заметно отличался от штатного расписания. В частности, в 1845 г. в нем фактически числилось 7 офицеров и 122 нижних чина, в 1846 г. – соответственно 7 и 134, в 1847 г. – 6 и 154, в 1848 г. – 9 и 154, в 1849 г. – 9 и 145 [13, с.107].

6 ноября 1841 г. утвердили Табель усиленных окладов жалованья для всех войск и чинов. Согласно данному документу, полковник Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона получал 1082 руб. серебром в год, ротмистр – 809 руб., штабс-ротмистр – 640 руб., поручик 593 руб., подпоручик – 546 руб., корнет – 461 руб., старший вахмистр – 52 руб., 95 коп., вахмистр и унтер-офицер – по 33 руб. 30 коп., рядовой – 13 руб., денщик – 4 руб., и, наконец, состоящий в эскадроне младший фельдшер – 19 руб. 65 коп. Тем не менее, по меркам Санкт-Петербурга этой суммы было недостаточно для комфортного проживания. Поэтому Николай I дал добро на дополнительную выплату: полковнику – 411 руб., ротмистру – 342 руб., штабс-ротмистру – 274 руб. 28 коп., поручику – 222 руб. 85 коп., корнету – 197 руб. 14 коп. серебром в год. Встречались случаи, когда гвардейцы-татары, находившиеся в льготной части эскадрона в Крыму с 1 сентября 1829 г. по 1831 г., обеспечивали себя сами и фуражом, и продовольствием. Поэтому Николай I распорядился выделить 10 тыс. руб. ассигнациями, на которые командир Ахмет-бей Хункалов купил в Санкт-Петербурге гвардейцам-татарам обмундирование и отправил его в Крым. Пики, сабли, пистолеты для чинов третьей части эскадрона были взяты из Киевского арсенала [13, с.103, 111–112].

Еще в 1827 г. к части эскадрона, отправляемого в Санкт-Петербург, был причислен мулла Абдул Алим Эфенди Эмир Асанов из Керчи. В 1830 г. он официально стал эскадронным муллой с жалованьем 700 руб.

⁵ РГИА. Ф.1341. Оп.73. Д.40. Л.2.

(судя по всему, ассигнациями) в год. С 1 июля 1839 г. к основному жалованью добавлялось 42 руб. 90 коп. серебром в год⁶. По данным Табеля усиленных окладов жалованья видно, что с 1841 г. для эскадронного мулы Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона устанавливалось жалование в размере 82 руб. 80 коп. серебром в год [13, с.113].

В 1851 г. за «отличную усердную службу» Абдул Алим Асанову пожаловали добавочное жалование – 285 руб. 71 коп. серебром в год (из сумм, собираемых с крымских татар на содержание эскадрона). 28 июня 1853 г. Абдул Алим Асанов скончался в Санкт-Петербурге от холеры, его должность занял Малоджан Мавлюталиев⁷.

Несмотря на то что состав эскадрона состоял из мусульман, имели место случаи перехода некоторых лиц в православие. В 1840 г. двое рядовых, поступившие на службу в 1829 г., приняли православие и, получив имена Павел Григорьевич Григорьев и Кузьма Иванович Иванов, были переведены в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк [2, с.92]. В 1831 г. восемь нижних чинов сменили вероисповедание и причислены к Лейб-гвардии Уральской сотне [13 с.114]. В 1840 г. еще 15 крымских татар перешли в православие и поступили в состав Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Отдельные лица, например Трофим Яковлевич Яковлев (имя дано при крещении), подлежали зачислению в Уральское казачье войско [2, с.92]. Нужно подчеркнуть, что переход в православную веру властями поощрялся, нижним чинам после увольнения со службы выдавалось 50 руб. серебром и предоставлялась льгота в виде освобождения от платежа личной подати [13, с.114].

Несомненно, одной из значимых страниц истории эскадрона можно считать участие гвардейцев-татар в Крымской войне 1853–1856 гг.

Так, находившаяся в Севастополе льготная часть Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона под командованием ротмистра Омер-бея Балатукова принимала участие в защите города. В ночь с 24 на 25 сентября 1854 г. во время рекогносцировки, предпринятой русской кавалерией, гвардейцы-татары захватили врасплох пикет из английских драгун, в итоге в плену оказались один офицер и пять нижних чинов. За этот подвиг унтер-офицер Сеитша Балов и рядовые Селим Абульхаиров и Молладжан Аметов были награждены Георгиевскими крестами [1, с.50].

Формулярные списки офицеров Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона, обнаруженные нами в фонде 330 (Главное управление казачьих войск) Российского государственного военно-исторического архива, позволили установить, что участие в Крымской войне части эскадрона, находившейся в Санкт-Петербурге, сводилось к нахождению их в составе

⁶ РГИА. Ф.383. Оп.18. Д.23623. Л.1 об.

⁷ РГИА. Ф.383. Оп.18. Д.23623. Л.4, 5, 14.

войск крепости Кронштадта (с 9 марта по 15 ноября 1854 г.) и охране «прибережья» Санкт-Петербурга (с 17 апреля по 15 ноября 1855 г.)⁸.

В общей сложности в нашем распоряжении имеются 8 формулярных списков офицеров за 1856 г.

Полковник Батыр Челеби Муфтий-заде (1817–1886) являлся командиром Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона. Он поступил на службу 18 августа 1835 г. В декабре 1841 г. произведен в корнеты. В августе 1843 г. дослужился до поручика, спустя три года, в 1846 г., – до штабс-ротмистра, в апреле 1851 г. в возрасте 34-х лет он числился ротмистром, в том же году 3 сентября был назначен командиром Крымско-татарского эскадрона, а 6 декабря стал полковником⁹. Здесь необходимо сказать, что в русской императорской гвардии промежуточных чинов между капитаном (в кавалерии ротмистром) и полковником не было, что способствовало быстрому продвижению гвардейцев до чина полковника. Таким образом, путь Батыра Челеби от ротмистра до полковника занял восемь месяцев [7, с.114–115].

Венцом карьеры Батыра Челеби Муфтий-заде стало награждение его 30 августа 1858 г. орденом Св. Станислава «с Императорской Коронай» [7, с.115]. Также отметим наличие ордена Св. Станислава 2-й степени и бронзовую медаль в память о Крымской войне 1853–1856 гг., которую получили все офицеры Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона, участвовавшие в войне¹⁰.

Из формулярного списка Батыра Челеби Муфтий-заде становится известно, что эскадрон участвовал в парадах 30 апреля 1853 г., 8 марта 1855 г., 6 января и 19 марта 1856 г. Кроме того, 8 января и 16 апреля 1852 г., 19 марта 1855 г., 30 апреля и 13 декабря 1856 г. прошел смотр эскадрона¹¹, в 1857 г. смотр состоялся 18 марта, парады прошли 4 мая и 13 декабря. Батыр Челеби встречал великую княгиню Ольгу Федоровну при ее торжественном въезде в Санкт-Петербург. За все проведенные мероприятия Батыр Челеби получил «монаршее благоволение» [7, с.115].

Что касается образования и уровня грамотности командира эскадрона, то Батыр Челеби обучался на дому, умел читать и писать на русском и родном татарском. Был женат на вдове унтер-офицера Такмаева – Халил Мекдиевой, с которой воспитывал 16-летнего сына Измагила (Измаил, Исмаил)¹². 7 ноября 1858 г. Батыр Челеби Муфтий-заде был направлен в Крым для командования льготной частью казаков Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона. 25 июня 1864 г. его перевели в 14-й Гусарский Ми-

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.1–26.

⁹ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.2–4.

¹⁰ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л. 2 об., 3, 5 об., 8 об., 12 об., 15 об., 18 об., 21 об., 24 об.

¹¹ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.3.

¹² РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.4.

тавский полк, 6 июля того же года зачислили в «списочное состояние» полка. 4 февраля 1865 г. он был уволен по болезни со службы с чином генерал-майора, мундиром и «пенсионом двух третей оклада жалованья по 343 руб. и 33 коп. в год» [7, с.115].

Сын Батыра Челеби – Измаил-мурза Муфтий-заде (1841–1917) – также начинал свою службу в Лейб-гвардии Крымско-татарском эскадроне, до поступления в который получил образование в Первой Санкт-Петербургской гимназии. В 1863 г. он, участвуя в состязаниях по стрельбе среди офицеров гвардии в присутствии императора, был удостоен 2-го приза – двустольного оружия №3262 с императорским вензелем, а в следующем, 1863, году он уже принимал участие в соревнованиях по фехтованию на эскадронах и награжден 2-м призом – кавказской шашкой «конвойного Его Величества образца в серебряной оправе». Также он являлся кавалером орденов Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й и 3-й степеней («для нехристиан установленные») [7, с.117–118]¹³.

Говоря о семейном положении офицеров по формулярным спискам, отметим, что из восьми человек пятеро были холостыми. Кроме командира эскадрона (Батыра Челеби Муфтий-заде), наличие жены усматривается у штабс-ротмистра Селямета-бея Булгакова (детей не было) и состоявшего к 1 января 1857 г. в той же должности Сеитисляма-мурзы Сулейманова, у которого было две дочери¹⁴.

Средний возраст офицеров на 1856 г. составлял 32,2 года. Самым старшим являлся командир эскадрона – 38-летний Батыр Челеби Муфтий-заде, самыми молодыми – 26-летние корнеты – князь Сеитаскер Девлеткильдеев из Рязанской губернии и Амерхан Менглибаев из дворян Казанской губернии. Как видим, по происхождению они были не крымскими татарами¹⁵. Также в составе эскадрона службу несли корнеты Михаил Матвеевич Базаревич и Иван Степанович Домбровский (из литовских татар), Хасан Танкачеев (из дворян Рязанской губернии) [13, с.115].

Общей особенностью для всех офицеров являлось их благородное происхождение – они были из мурз и дворян. Лишь один из них, Амерхан Менглибаев, обучался в Штурманском кадетском корпусе, остальные получили домашнее образование; у троих не указано, какое именно образование они имели, в формуляре записано: «российской грамоте читать и

¹³ Дальнейшая его судьба не была связана с военной службой. В 1894 г. он стал почетным попечителем Симферопольской татарской учительской школы, на личные средства приобрел соседний двор и передал его в пользование школе с рассрочкой платежа без всяких процентов. В 1907 году он был избран депутатом Государственной думы III созыва [7, с.120].

¹⁴ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.4, 7, 11, 14, 17, 20, 23, 26.

¹⁵ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.2 об., 5 об., 8 об., 12 об., 15 об., 18 об., 21 об., 24 об.

писать знает»¹⁶. Возможно, они получили знания в школе гвардейских юнкеров в Санкт-Петербурге, так как есть сведения, что будущие офицеры Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона обучались в данном учебном заведении¹⁷.

За исключением Селямета-бея Булгакова, который был переведен в 1845 г. из Почетной команды мусульман при Отдельном Кавказском корпусе, все офицеры начинали службу и числились только в Лейб-гвардии Крымско-татарском эскадроне¹⁸. Судя по всему, для среднестатистического офицера эскадрона не было присуще девиантное поведение; как правило, они исполняли службу сугубо в рамках правового поля. Лишь один из офицеров, по данным формулярных списков за 1856 г., находился под судом – это Али-мурза Крымтаев, который оказался виновным по военно-судному делу юнкеров Челбашева, Черкеева и Смаилова, поскольку во время их «буйства» он не предпринял действий к их задержанию¹⁹.

За все время существования Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона его командирами были 8 человек. Если Адиль-бей князь Балатуков командовал лишь год, то Ахмет-бей князь Хункалов стоял во главе эскадрона в период с 1828 по 1831 г. Его сменил Максют-бей Байарсланов (1831–1836 гг.), далее командирами являлись Махмут-бей князь Хункалов (1836–1838 гг.), ротмистр Матвей Улан из литовских татар (с 1838-го по 1840-й г.), Сеит Гирей Тевкелев не из крымских татар (с 1840-го по 1850-й г.). Его в 1850 г. сменил вышеупомянутый Батыр Челеби Муфтий-заде, состоявший в должности дольше всех – до 1862 г., когда эскадрон возглавил последний командир в его истории – Омер-бей Балатуков (1862–1864 гг.) [8, с.17].

Еще в 1860–1861 гг. в Крыму появились слухи, что крымских татар планируют переселить в центральные губернии России и собираются распространить на них рекрутскую повинность. Поэтому немалая часть крымских татар эмигрировала в Турцию, после чего содержать и комплектовать Лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон стало довольно проблематично [6, с.24]. Вскоре, 26 мая 1863 г., был издан именной указ об упразднении Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона [11, с.501–502]. 23 мая 1864 г. чины Лейб-гвардии эскадрона выстроились в последний раз в повседневной форме на прощальный смотр, его провел командующий 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией. 25 мая состав эскадрона погрузили в железнодорожные вагоны и транзитом через Москву отправили в Крым [13, с.120].

¹⁶ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.3 об., 6 об., 10 об., 13 об., 16 об., 19 об., 22 об., 25 об.

¹⁷ РГИА. Ф.1287. Оп.25. Д.498. Л.10.

¹⁸ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.2 об., 5 об., 8 об., 12 об., 15 об., 18 об., 21 об., 24 об.

¹⁹ РГВИА. Ф.330. Оп.55. Д.590. Л.3 об., 6 об., 10 об., 13 об., 16 об., 19 об., 22 об., 25 об., 26.

К моменту расформирования Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона накопился капитал от расходов на его обмундирование, вооружение и содержание в размере 40 тыс. руб. серебром. Из этой суммы было решено перевести 201 руб. 25 коп. в инвалидный капитал за пособие, выданное офицерам эскадрона при его упразднении²⁰. В период Крымской войны (1853–1856 гг.) на содержание Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона с 94096 душ крымских татар было собрано 39506 руб. 46 коп. (13168 руб. 82 коп. в год)²¹.

С упразднением Крымско-татарского эскадрона история крымских татар в военных формированиях Российской империи не закончилась. Вместо Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона создавалась команда из трех офицеров и двадцати одного нижнего чина, всех их причислили к Собственному Его Императорского Величества Конвою с названием «Команда Лейб-гвардии Крымских татар Собственного Его Императорского Величества Конвоя» [6, с.24]. Казарма эскадрона была передана Донскому войску и занята Лейб-гвардии Донской легкой конноартиллерийской батареей. Из офицеров эскадрона в команду переводились штабс-ротмистр Селямет-бей Балатуков, корнеты Измаил-мурза Муфтий-заде, Темерша-мурза Булгаков [13, с.120]. Команда вошла в состав Лейб-гвардии Кавказского эскадрона²² и пополнялась льготной частью, дислоцировавшейся в Крыму²³.

В заключение необходимо указать, что, хотя личный состав эскадрона должен был состоять исключительно из этнических крымских татар, в составе эскадрона несли службу не только крымские татары. Среди командиров и офицеров исследуемого военного формирования нами выявлены представители известных родов из числа других территориальных и этнографических групп татарского народа (казанские татары, татары-мишари, литовские татары). Малочисленность состава Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона в сравнении с другими военными подразделениями, участвовавшими в военных кампаниях Российской империи, отразилась на характере участия его чинов в Русско-турецкой 1828–1829 гг. и Крымской войнах. Изначальное разделение состава эскадрона на две части не способствовало консолидации крымских татар в период указанных военных кампаний. Тем не менее, все гвардейцы-татары, участвовавшие в Русско-турецкой войне, были награждены серебряными медалями на георгиевской ленте, а чинам эскадрона, несшим службу в Санкт-Петербурге в период Крымской войны, вручены в память о ней бронзовые медали.

²⁰ РГИА. Ф.1287. Оп.25. Д.498. Л.27 об., 30 об., 31.

²¹ РГИА. Ф.383. Оп.18. Д.23623. Л.7 об.

²² В состав Лейб-гвардии Кавказского эскадрона кроме команды крымских татар входили также команды горцев, грузин, мусульман, армян, лезгин, все они несли службу наравне с казаками [6, с.24].

²³ Одна треть команды находилась на службе в Санкт-Петербурге, две трети на льготе в Крыму. Каждые три года происходила смена [6, с.24].

В период существования эскадрона власти учитывали нужды гвардейцев, по праву награждая их увеличением жалованья за усердную службу. Правда, отдельные нижние чины не справлялись с испытаниями, легшими на их плечи в ходе службы в эскадроне, и совершали побег. Кроме того, не всегда состав эскадрона соответствовал его штатному расписанию. Одной из причин этого являются переходы гвардейцев в другие воинские формирования в связи со сменой вероисповедания. Поступая на службу в возрасте не моложе 18–19 лет, некоторые гвардейцы-татары из числа командиров эскадрона служили около 30-ти лет (Батыр Челеби Муфтий-заде), тогда как срок службы нижних чинов определялся 15-ю годами. Изучение формулярных списков офицеров, служивших в годы Крымской войны не в составе льготных частей в Крыму, позволил воссоздать портрет типичного офицера: он был в возрасте 30–32 лет, благородного происхождения, в большинстве своем холост, у него не имелось крепостных крестьян, имений, за одним исключением никто из офицеров не состоял под судом.

Несмотря на кратковременность существования Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона, отдельные сюжеты, связанные со службой гвардейцев-татар, навсегда остались в военной летописи как эталон верности Отечеству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллин Х.М.* Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С.49–54.
2. *Ахметшин Ш.К., Насеров Ш.А.* Татары на службе Отечеству. Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в Российской армии и Императорской гвардии. СПб.: «Славия», 2012. 240 с.
3. *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Часть тридцатая. СПб.: Военная типография, 1862. 483 с.
4. *Висковатов А.В.* Хроника российской императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. Часть I. СПб.: Военная типография, 1852. 301 с.
5. *Возгрин В.Е.* Крымские татары в Отечественной войне 1812 г. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени / сост. Т.Н. Гончарова. СПб., 2013. №10. С.25–34.
6. *Кудашев Н.В., Азар В.* Крымский конный ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. 1784–1922. Сан-Франциско: Русское Национальное Издательство и Типография Владимира Азара «Глобус», 1978. 253 с.
7. *Масаев М.В.* Из истории рода Муфтизаде // Культура народов Причерноморья. 2001. №24. С.114–123.
8. *Муфтий-заде И.М.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным материалам). Симферополь: Таврич. губ. тип., 1899. 24 с.
9. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. (ПСЗ РИ-1). СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1830. Собр. 1-е. Т.XLVIII. Книга штатов: Часть 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800). К №15945.
10. ПСЗ РИ-2. Т.II. №1258.

11. ПСЗ РИ-2. СПб.: Тип. II отд. собст. Е. И. В. канцелярии, 1866. Т. XXVIII. №39667.

12. Прохоров Д.А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №1. С.278–295.

13. Сакович А.В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. 316 с.

14. Фахрутдинов Р.Р. Крымские татары и Российская империя в конце XVIII – середине XIX вв. // Крымское историческое обозрение. 2014. №1. С.117–125.

REFERENCES

1. Abdullin H.M. Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire. *Military History Journal*. 2007, no.1, pp.49–54. (In Russian)

2. Akhmetshin Sh.K., Naserov Sh.A. *Tatars in the service of the Fatherland. Debt. Courage. Honor. Pages of the history of Tatar military units in the Russian army and the Imperial Guard*. St. Petersburg: Slavia Publ., 2012. 240 p. (In Russian)

3. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothes and weapons of the Russian troops*. Part 30. St. Petersburg: Military Printing House Publ., 1862. 483 p. (In Russian)

4. Viskovatov A.V. *Chronicle of the Russian imperial army, compiled by the Highest command*. Part 1. St. Petersburg: Military Printing House Publ., 1852. 301 p. (In Russian)

5. Vozgrin V.E. Crimean Tatars in the Patriotic War of 1812. *Proceedings of the Department of History of New and Modern Times*. 2013, no.10, pp.25–34. (In Russian)

6. Kudashev N.V., Azar V. *Crimean equestrian of her Majesty Empress Alexandra Feodorovna regiment. 1784–1922*. San Francisco: Russian National Publishing House and Printing House Globus of Vladimir Azar Publ., 1978. 253 p. (In Russian)

7. Masaev M.V. From the history of the Muftizade clan. *Culture of the peoples of the Black Sea region*. 2001, no.24, pp.114–123. (In Russian)

8. Mufti-zade I.M. *Essay on the military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899 (based on archival materials)*. Simferopol: Tauride Provincial Printing House Publ., 1899. 24 p. (In Russian)

9. *Complete collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1 (PSZ RI-1)*. Vol.43, no.15945. (In Russian)

10. *Complete collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2 (PSZ RI-2)*. Vol.2, no.1258. (In Russian)

11. *PSZ RI-2*. Vol.38, no.39667. (In Russian)

12. Prokhorov D.A. Crimean Tatars in the governing bodies of the Tauride region after the annexation of Crimea to Russia (1783–1787). *Problems of history, philology, culture*. 2016, no.1, pp.278–295. (In Russian)

13. Sakovich A.V. *Crimean Tatars in the military service of the Russian Empire*. Moscow: Russian Knights Foundation Publ., 2016. 316 p. (In Russian)

14. Fakhrutdinov R.R. Crimean Tatars and the Russian Empire in the late 18th – mid 19th centuries. *Crimean historical review*. 2014, no.1, pp.117–125. (In Russian)

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

About the author:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 10.11.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

УДК 94(470.44):297.125

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.85-96>

Из истории старейших мечетей Саратовского Заволжья

А.А. Хабибуллин

Медресе «Шейх Саид»

Духовного управления мусульман Саратовской области

Саратов, Российская Федерация

В статье рассматривается история сохранившихся и функционирующих до настоящего времени старейших мечетей Заволжья Саратовской области, расположенных в татарских селах Осинов Гай и Верхазовка. История мечетей исследуется в контексте истории ислама и истории татарских сел края. На основе неопубликованных источников, а также исследовательской литературы раскрываются эпизоды из биографии имамов мечетей и учителей, в том числе тех, чье происхождение или образование связано с Казанью и Казанской губернией. На конкретных примерах показаны действия механизмов принятия решения, получения разрешения на строительство мечетей в досоветских татарских деревнях Саратовского края, а также роль и вклад отдельных состоятельных членов приходов – Тагиновых, Ямашевых, Хасяновых – в процесс строительства и содержания мечетей и действовавших при них мектебе.

Ключевые слова: старейшие мечети, мектебе, имам-хатыб, махалля, Мухаммадфатих Кармышев, Новоузенский уезд, Осинов Гай, Верхазовка

Для цитирования: Хабибуллин А.А. Из истории старейших мечетей Саратовского Заволжья // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.85–96. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.85-96>

From the history of the oldest mosques in the Saratov Volga region

A.A. Khabibullin

Sheikh Said Madrasah

of the Spiritual Administration of Muslims of the Saratov Region

Saratov, Russian Federation

The article examines the history of the surviving and still functioning oldest mosques of the Trans-Volga region of the Saratov region, located in the Tatar villages of Osinov Gai and Verkhazovka. The history of mosques is explored in the context of the history of Islam and the history of the Tatar villages of the region. Based on unpublished sources, as well as research literature, episodes from the biography of imams of mosques and teachers, including those whose origin or education is associated with

Kazan and the Kazan province, are revealed. Concrete examples show the actions of decision-making mechanisms, obtaining permission to build mosques in the pre-Soviet Tatar villages of the Saratov Territory, as well as the role and contribution of individual wealthy members of the parishes – Tagirovs, Yamashevs, Khasyanovs – to the process of building and maintaining mosques and the mektebe operating under them.

Keywords: oldest mosques, mektebe, imam-khatib, mahalla, Muhammadfatikh Karmyshev, Novouzensky district, Osinov Gai, Verkhazovka

For citation: Khabibullin A.A. From the history of the oldest mosques in the Saratov Volga region. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.85–96. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.85-96> (In Russian)

История ислама в Саратовском крае насчитывает более семи столетий. В Золотоордынский период, в XIII–XIV вв., здесь, на правом возвышенном берегу Волги у переправы, располагался процветающий некогда крупнейший город Укек, в комплексе с десятками больших и малых населенных пунктов составлявший средневековую агломерацию. О существовании в этих селениях мечетей и медресе свидетельствуют сохранившиеся до сегодняшнего времени топонимы и гидронимы местности. Так, протекающая в Заволжье Саратовской области р. Мечетка, приток р. Большой Караман, получила свое название вследствие расположения на ее берегах в прошлых веках остатков средневековых мечетей. Старинное название г. Николаевска (г. Пугачев) – слобода Мечетная, поскольку здесь находились развалины золотоордынского селения с мечетями. В отказных книгах конца XVII в. упоминаются каменные мечети, расположенные на берегах р. Ташкомьяк (Качатокомьяк) – притока р. Узы [2, с.14]. В письменных источниках начала XX в. были зафиксированы предания и свидетельства современников об остатках старинного татарского поселения «шести атаманов» с каменной мечетью в излучине р. Алтата («Алтата башы») – притока р. Большой Узень¹.

В конце XIV – начале XV в. мирная жизнь многих городов и сельских поселений народов края была прервана вследствие «Великой замятни» и распада Улуса Джучи. Вероятно, большинство из них пришли в упадок и исчезли.

Новое оседлое заселение территории Саратовского края («Дикого поля» или «Ковыльной степи») – служилыми татарами и мурзами, наряду с другими категориями служилого и ясачного населения и крепостными крестьянами – происходило поэтапно с последней трети XVII до середины XIX в. Оно было связано со строительством засечных черт и крепостей на окраинах Российского государства. С основанием татарских деревень на

¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРПРК НБЛ КФУ). №124 т. Л.3 а, 3 б.

территории Кузнецкого, Петровского, Хвалынского уездов Саратовской губернии появились новые мечети, строившиеся преимущественно из дерева. По нашим подсчетам, в Саратовском крае вплоть до 1920-х гг. насчитывалось более 200 сельских и городских мечетей [6, с.118]. В 1930-е гг. многие из них были закрыты и разрушены. На сегодняшний день на территории Саратовской области сохранились здания пяти мечетей, построенных до Октябрьской революции 1917 г. Из них 3 мечети расположены в городских татарских слободах, две – в татарских селах.

В контексте изучения прошлого татарского народа, его культуры и традиций тема, касающаяся истории старейших мечетей Саратовского края, приобретает чрезвычайную актуальность. В рамках данной статьи особую значимость имеет рассмотрение факта участия татарского и башкирского населения в оседлом хозяйственном освоении степной зоны Саратовского Заволжья и строительства около трех десятков мечетей здесь, на территории образованных в 1835 г. Новоузенского и Николаевского уездов Саратовской губернии (с 1851 г. – Самарской губернии). В последние десятилетия в связи с депопуляцией многих отдаленных от городских агломераций сел обращение к истории мечетей, осознание их роли в жизни мусульманского села и в целом общества приобретают особую ценность. Недостаточная изученность темы исследования обусловлена отсутствием интереса к истории ислама в советский период, с одной стороны, и скудостью выявленных в постсоветские годы источников, с другой. Вместе с тем, вопросы, касающиеся истории мечетей края, в последние десятилетия рассматривались в рамках изучения истории отдельных татарских сел. Особое место среди работ, посвященных истории и культуре татарских селений Правобережья Саратовского края, занимают книги доктора исторических наук, профессора, почетного члена Академии наук РТ Ф.А. Рашитова [5]. В 2020 г. под его редакцией группой саратовских ученых и краеведов был выпущен энциклопедический справочник «Татары Саратовского Поволжья» [6], в котором помещены специальные статьи по истории мечетей татарских сел и городских слобод Саратовской области. В последнее десятилетие автором данной статьи был издан ряд книг по истории татарских сел Саратовского края [7; 8], в которых при изучении прошлого мечетей и приходов, помимо данных НА РБ, использован ценный источник – манускрипт, посвященный истории мусульманских общин шести селений Новоузенского уезда и озаглавленный «Таварих-и-Алты-Ата» (истории Алтаты). Он был написан в 1909–1910 гг. в двух вариантах имамом мечети д. Верхазовка Мухаммадфатихом Аюбовичем Кармышевым (1843–1918)².

Одно из пяти сохранившихся с дореволюционных времен на территории Саратовской области зданий мечетей расположено в с. Осинов Гай (Узин, Иске Узин) нынешнего Ершовского района. Это здание в 2025 г. отметило свое 125-летие. Осинов Гай, наряду с соседним Алтата, является

² ОРРК НБЛ КФУ. №124 Т; №5854 Т.

одним из первых оседлых поселений Саратовского Заволжья. Оно было основано в середине XVIII в. татарами-мишарями – переселенцами из округи «алты авыл», шести деревень Завального стана Пензенского уезда, и позже заселено выходцами из татарских деревень Хвалынского и Кузнецкого уездов Саратовской губернии. Деревня возникла на берегу р. Большой Узень как вольное поселение и несколько раз меняла свое местоположение. Крестьян-мусульман привлекало в Левобережные районы Волги наличие свободных земель и слабость административного контроля. Одной из основных причин переселения стала активизация мероприятий по крещению поволжских народов.

Известно, что современное месторасположение села соответствует его историческому расположению с 1780 г. Здесь – по правому берегу р. Большой Узень – в 1787 г. были построены крепость Узень и укрепленная кордонная линия, просуществовавшие до 1836 г. До 1910 г. д. Осинов Гай являлась центром одноименной волости Новоузенского уезда. Здесь функционировало пять мечетей, насчитывалось 539 дворов, проживало более 3 тыс. жителей³. Сохранившееся до настоящего времени здание 5-й мечети было построено на средства прихожанина 2-й мечети Гиладетдина хаджи, сына Мефтяхетдина хаджи, Тагирова (1836–1918). Ее официальное открытие относится к июлю 1900 г. История деревянных мечетей деревни берет начало в 1814 г.⁴ Первая из них строилась на средства Шайб бая Юмакаева (1778 г.р.). Его семейство в 1840 г. было причислено к третьей купеческой гильдии г. Николаевска⁵. К первым имамам мечети данного прихода относился Гомяр хазрат (конец XVIII в. – 1848 г.), который носил звание ахуна и возглавлял духовенство мусульманских приходов Осиново-Гайской волости. Он обладал глубокими религиозными знаниями, в его медресе (мектебе) обучались местные и приезжие из других татарских деревень шакирды⁶. Среди преемников Гомяр хазрата – имамов 2-й мечети – значатся Рахматулла Измайлович Адикаев (1824 г.р.)⁷, башкир Газизулла Ахмедшин (1841–1916), получивший образование в медресе г. Казани, Мутыгулла Нигматуллин Тимербулатов (1856–1923), обучавшийся в Казани у ахуна Шарафетдина⁸.

Во второй половине XIX – начале XX в. попечителями 2-й и вновь построенной 5-й мечетей деревни, помимо Тагировых, являлись крупные землевладельцы, купцы Гомяр хаджи, сын Хасяна, Хусаинов (1819–1897)

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.56. Оп.2. Д.15. Л.25–26.

⁴ ГАСО. Ф.637. Оп.2. Д.2928.

⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.150. Оп.1. Д.68. Л.199 об.

⁶ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т. Л.167, 168.

⁷ ЦГАСО. Ф.150. Оп.1. Д.68. Л.54 об.

⁸ ГАСО. Ф.637. Оп.2. Д.2928.

и его сын Юсуп Гомярович (1854–1933). Денежные накопления Гиладетдина Тагирова и Юсупа Хасянова, по словам современников, оценивались более чем в 100 тыс. руб.⁹ Основное их занятие заключалось в выращивании зерна, и поэтому у баев имелись отдельные склады для хранения и раздачи гушра – одной десятой части полученного урожая, которая предназначалась для имамов, учителей и нуждающейся категории населения. Юсуп Гомярович оказал помощь мусульманам 3-го прихода д. Алтата той же волости в завершении строительства мечети. По свидетельству потомков, в 1902 г. он также построил мечеть в Татарской слободе г. Николаевска [8, с.41]. В свою очередь, Мефтехетдин хаджи, сын Абдряшита, Тагиров (1809 г.р.) в 1889 г. построил мечеть в д. Алтата¹⁰.

В 1870 г. по воле и на финансовые средства Гомяра Хасянова здание мечети второго прихода было перенесено на новое, более удобное место. Проект переноса официально был оформлен лишь в 1882 г. К концу XIX в. мечеть обветшала, и в 1897 г. было получено разрешение Самарского губернского правления на строительство новой мечети вместо старой¹¹. Для получения такого разрешения существовали установленные российским законодательством непереносимые условия: 1) соблюдение норматива по минимальной численности прихожан (не менее 200 душ мужского пола); 2) наличие общественного приговора (решения махалли); 3) обязательство прихожан содержать мечеть (и духовенство) за свой счет; 4) возможность возведения исламского культового здания только в случае отсутствия соблазна для живущих вместе с мусульманами новокрещенных и русских (определяло руководство епархии); 5) наличие открытого пространства вокруг будущей мечети (с 1842 г. – не менее 20 саженей); 6) утвержденный в установленном порядке план молитвенного здания; 7) положительное заключение Оренбургского магометанского духовного собрания; 8) выявление местной администрацией насущной необходимости в мечети и «достаточности средств» у прихожан для ее «приличного содержания». Обобщив собранные сведения, губернское правление принимало окончательное решение [3, с.407].

Строительство новых мечетей в основном обуславливалось двумя причинами: обветшанием зданий по прошествии 20–30 лет с момента открытия и разделением приходов. Обращение Гиладетдина Тагирова в Самарское губернское правление с просьбой о строительстве новой 5-й мечети было вызвано необходимостью выделения из прихода 2-й мечети новой махалли. Гиладетдин объявил единоверцам о своем намерении построить новую мечеть на свои средства и попросил их составить приговор. Составленный документ, помимо прихожан, был подписан волостным

⁹ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т. Л.169.

¹⁰ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т. Л.31.

¹¹ ЦГАСО. Ф.1. Оп.12. Т.2. Д.3495.

старшиной и сельским старостой¹². Однако процедура получения разрешения на строительство 5-й мечети в д. Осинов Гай была осложнена рядом поставленных дополнительных условий из-за возникших разногласий между Тагировым и Хасяновым. Имам старой мечети Мутыгулла Тимербулатов, поддерживаемый попечителем Юсупом Хасяновым, параллельно обратился в правление с просьбой дать разрешение на строительство новой мечети на месте действующей. При этом под строительством подразумевался капитальный ремонт здания, и оно стало дополнительным условием для получения разрешения на постройку 5-й мечети.

В результате, в 1897 г. было получено два разрешения на строительство мечетей¹³. Гиладетдин хаджи обязался отремонтировать старую мечеть и освободить площадь от домов для строительства новой мечети, как того требовали действовавшие правила.

Мероприятия по строительству были реализованы в течение 1898 г. Ширина возведенного срубового здания из бревен составила 4, а длина – 8 сажень. Общая площадь мечети достигала 150 кв. м. С каждой стороны здания располагались по 6 больших окон. Здание мечети было обшито деревом и покрашено в синий цвет. В татарских деревнях Осиново-Гайской волости Новоузенского уезда практиковался обычай называть мечети по цвету здания крыши. Так, новая мечеть в д. Осинов Гай получила название «Яшел мәчет» (Зеленая мечеть). Внутренние стены мечети были побелены. Территория мечети была огорожена изгородью и покрашена в цвет здания. Двери мечети были деревянными и толстыми, открывались в две стороны. Непосредственно перед входом в здание после высокого лестничного входа располагались такие же двери, открывающиеся в две стороны. Вход в здание украшали чугунные решетки, располагавшиеся над дверьми¹⁴. Официальное открытие мечети состоялось в июле 1900 г.¹⁵, когда указом Самарского губернского правления имамом был утвержден Габдуссамат Бурханетдинов Муллин (1872–1921), уроженец Тетюшского уезда Казанской губернии. Он обучался в г. Казани у Габделгалим хазрата, сына Салиха, затем в течение двух лет получал знания в Бухаре. Будучи в Казани, Габдуссамат учился вместе с сыном Гиладетдина хаджи – Исааком. Гиладетдин пригласил его в качестве имама и преподавателя в Осинов Гай. Нужно отметить, что поиск грамотных имамов и учителей являлся прерогативой и в то же время, вероятно, обязанностью меценатов многих мечетей края. С другой стороны, этот факт налагал на них ответственность за успешное состояние дел по удовлетворению духовных потребностей прихожан. Именно по ходатайству И. Тагирова был составлен приговор махалли на избрание Габ-

¹² ОРРК НБЛ КФУ. № 5854 Т.Л.175.

¹³ ГАСО. Ф.637. Оп.2. Д.2928.

¹⁴ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т.Л.175.

¹⁵ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-295. Оп.3. Д.15248. Л.7; Д.15249. Л.6–7.

дуссамата на должность имама, вследствие чего он прошел испытания на проверку знаний правил мусульманской веры в ОМДС.

По сообщению современников, Габдуссамат был старшим имамом в деревне. Кроме того, он являлся первым учителем джадидистского мектебе, которое начало функционировать с 1910 г. Как правило, при всех мечетях края действовали мектебы, содержавшиеся на средства состоятельных прихожан. Во многом престижность этих мектебов определялась не только размерами постройки, средствами на его содержание, но и наличием обладавших глубокими знаниями мугаллимов, каковым и являлся Габдуссамат хазрат. Для устройства осиновогайского мектебе Гиладетдин хаджи выкупил двор рядом с мечетью и построил там двухэтажный саманный дом площадью около 100 кв. м. Здание было оформлено на Г.М. Тагирова, и мусульманская школа находилась на полном его обеспечении. Предположительно, в нем обучалось около 40 шакирдов. В 1914 г. Юсуп баям Хасяновым и его сыном Джалалетдином была построена и открыта частная школа, функционировавшая до Октябрьской революции 1917 г. В качестве преподавателя был приглашен уроженец д. Старый Карлыган Петровского уезда Саратовской губернии Шигап Алимович Рамазанов (1887–1946), впоследствии ставший видным татарским ученым и педагогом [1, б.179–182].

Первым муэдзином мечети служил сын Гиладетдина хаджи – Юсуп Тагиров. С 1903 по 1924 г. эту должность занимал племянник Юсупа Хасянова – Салахетдин Тимербулатов (1878 г.р.). Он окончил сельское мектебе, затем в течение трех лет учился в медресе Каргалинской слободы Оренбургской губернии [8, с.59].

Таким образом, благодаря усердию Юсуп бая Хасянова, имама 5-й мечети Габдуссамата Муллина еще в начале 1910-х гг. были открыты новометодные школы, в которых, наряду с религиозными, изучались светские предметы, татарский и русский языки. Габдуссамат добился постройки и открытия первой школы для девочек, которая состояла из 2-х классов [8, с.65].

Жизнь Габдуссамата хазрата закончилась трагически. Он, также как и многие муллы деревни, умер в голодный 1921 г. во время эпидемии холеры, о чем гласит надпись на его надмогильном камне. До закрытия мечети обязанности имама-хатыба и мугаллима выполнял упомянутый выше муэдзин Салахетдин. В середине 1930-х гг. минарет мечети был снесен, а в ее здании расположился сельский клуб. Мечеть была возвращена верующим только в 1989 г.

Вторая сохранившаяся и действующая мечеть Саратовской области располагается в с. Верхазовка (Илмин) Дергачевского района. Верхазовка была основана выходцами из Средней Елюзани и Верхней Елюзани (Аенбуры) Кузнецкого уезда Саратовской губернии, переселенными по государственной программе в Новоузенский уезд в 1841 г.¹⁶ Здесь первая дере-

¹⁶ ГАСО. Ф.2. Оп.1. Д.1976. Л.1–2.

ванная мечеть была построена в 1870 г. при Джалалетдине Ягудине, служившем имамом в 1841–1873 гг. Строительным материалом для культового сооружения стал срубовой дом, приобретенный прихожанами в соседнем с. Орлов Гай Новоузенского уезда. Новым имамом мечети с 1873 г., по рекомендации авторитетного в крае имама мечети и мугаллима д. Бигиево Кузнецкого уезда Ибрагима Шабаева, был утвержден его ученик Абубакар Вьяльшин, сын Ибрагима (1843–1903). Он являлся уроженцем г. Хвалынска. До назначения имамом в мечеть д. Верхазовки обучался в медресе Шигабутдина Марджани в г. Казани¹⁷.

Абубакар Вьяльшин работал имамом 1-й мечети в течение 5 лет (1873–1878). По его прибытии в Верхазовку зажиточный мусульманин деревни Габделжалил Сайфульмулюков выдал за него замуж свою дочь. В то время по сложившейся традиции состоятельные мусульмане старались породниться с имамами. С одной стороны, это демонстрировало социальное расслоение общества, с другой, шло формирование мусульманской духовной элиты. Для молодой семьи Вьяльшиных был куплен новый двор в центре деревни и построен дом из сруба.

Абубакар хазрат обладал очень красивым голосом и в совершенстве владел таджвидом – правилами чтения Корана. Однако для выполнения обязанностей имама этого было недостаточно. В силу мягкости характера и тонкости натуры он не справлялся с делами по руководству институтами махалли, работой по воспитанию прихожан. Помимо религиозных знаний, в этих условиях от имама требовались огромная воля и выдержка. Одними проповедями осуществить эту задачу оказалось невозможным. Помимо этого, Абубакар хазрат был склонен к занятию торговыми делами, которым он посвятил остаток своей жизни. За несколько лет успешной торговли Вьяльшин накопил приличную сумму денег и совершил хадж. При этом сыновья хазрата – Махмуд и Магсум Вьяльшины – обучились в г. Казани на Коран-хафизов. Известно, что длительное обучение в медресе требовало средств, что было недоступно беднякам. В последующем братья Вьяльшины стали имамами и преподавателями в Верхазовке и Алтате [7, с.202).

В конце 1870-х гг. в качестве имама 1-й мечети по решению прихожан был приглашен мугаллим соседней д. Алтата – Мухаммадфатих, сын Аюба, Кармышев (1843–1918), ученик местного имама Камалетдина бин Асфендияра, уроженца д. Урбигар Казанской губернии. Скромно характеризуя свою личность, Мухаммадфатих хазрат писал, что не обладал большими знаниями, но имел острый, пытливый ум, красноречивый язык, наизусть читал Коран по таджvidу, обладал красивым почерком. Как видно из приведенных им историй в рукописи «Таварих-и-Алты-Ата» и сохранившихся его заявлений в архивах ОМДС, он свободно изъяснялся на арабском и русском языках. До начала официальной работы в должности имама Мухаммадфатих хазрат в течение 9 лет ездил в Верхазовку с целью

¹⁷ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т. Л.67.

обучения детей 2-го прихода деревни основам ислама. М.А. Кармышев был известен не только своими знаниями, но и добрым нравом¹⁸.

В 1883 г. Мухаммадфатих хазрат успешно прошел испытания в ОМДС в г. Уфе и 18 июля в месяц рамазан получил приказ о назначении на должность имама аль-хатыба 1-й соборной мечети и мугаллима – преподавателя мектебе. После 6 лет его преподавательской деятельности ученики хазрата также начали обучать прихожан основам религии и Корану. На основе воспоминаний старожилов и собственных наблюдений М.А. Кармышев написал историю шести мусульманских общин Новоузенского уезда, назвав свой труд «Таварих-и-Алты Ата» (Истории Алтаты)¹⁹. Вплоть до своей кончины в 1918 г. Мухаммадфатих хазрат исполнял обязанности имама 1-й мечети.

В 1890 г. по решению совета махалли была проведена реконструкция 1-й мечети, построенной в 1870 г. Здание было удлинено с северной стороны на две сажени. Обеспечение строительными материалами возложил на себя зажиточный мусульманин д. Сафаровка и держатель хуторов Рамазан, сын Забира. В частности, он привез 25 цельных брусьев и 80 пудов жести для кровли. Работа строителей была оплачена Минхажетдином (Мингазетдином) Ямашевым – отцом первого татарского большевика, революционера Хусаина Ямашева (1882–1912). В конце XIX в. Мингазетдин вместе со своим братом Хуснетдином проживал в д. Верхазовка и держал здесь торговые лавки. Он был купцом второй гильдии г. Новоузенска.

Длина обновленной мечети составила 16 м. Крыша была покрашена в зеленый, а стены мечети – в синий цвет. По предложению Мухаммадфатих хазрата для содержания мечети был создан фонд вакуфных земель площадью в 40 дес.²⁰

К концу первого десятилетия XX в. в приходе первой мечети насчитывалось около 700 человек, из них 352 мужчины и 332 женщины²¹. Из-за многочисленности членов общины, в 1908 г. был утвержден второй имам – Мухаммад Аюбов (Кармышев) (1879–1916), который работал вместе с отцом – с Мухаммадфатих хазратом. Религиозные знания Мухаммад получил в соседней д. Сафаровка – в медресе небезызвестного в округе башкира Гатауллы хазрата Алтынбаева, переехавшего сюда в 1873 г. из д. Бурджан Николаевского уезда Самарской губернии по приглашению попечителя мечети, крупного землевладельца Рамазана Забиров. В этом медресе, помимо саф-тюрки, обучение велось на арабском и персидском языках. С начала 1900-х гг. обучение проходило по джадидистскому методу [4, с.443–444]. По окончании медресе Мухаммад Кармышев три года отслужил в царской армии.

¹⁸ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т. Л.71.

¹⁹ ОРРК НБЛ КФУ. № 5854 Т.

²⁰ ОРРК НБЛ КФУ. №5854 Т. Л.72.

²¹ НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.3. Л.198 об.

На протяжении более чем трех десятков лет имамы Кармышевы представляли собой элиту мусульманского населения Саратовского Заволжья. Они выступали хранителями исторической памяти народа, служили образцом благочестия для прихожан. Неслучайно, их потомки, выполняли ту же миссию – служение своему народу на ниве общественно-культурной жизни, духовно-нравственного воспитания и образования, сохранения национальной идентичности татар. Дочь Мухаммадхалила Кармышева Балкис Халиловна (1916–2000), уроженка г. Кульджа (Китай), являлась видным советским и узбекским этнографом-тюркологом, доктором исторических наук.

В 1920-е гг., вплоть до закрытия первой мечети Верхазовки, обязанности имама исполнял Набиулла Махмутович Махмудов (1887 г.р.). В 1928 г. на средства торгового представителя частной фирмы (Китайская Республика) Халиля Кармышева здание мечети 1-го прихода было отремонтировано [4, с.406]. В период общественно-экономического и правового нажима на права духовенства имам мечети Нажметдин Мухтаров и муэдзин Усман Яхин были вынуждены официально отказаться от занимаемых должностей [10]. Они наряду с другими односельчанами подверглись раскулачиванию и высылке из села. Особого внимания заслуживает предание о героизме мусульманина Амира Тимербулатова, выступившего в середине 1930-х гг. против слома мечети. По словам старожилов, Амир преградил путь тем, кто пытался сломать мечеть, пригрозив убить каждого, кто приблизится к храму [9, с.112]. Его героический поступок позволил сохранить здание мечети. Судьба Амира Тимербулатова закончилась трагически. В ту же ночь он был выведен за территорию села и расстрелян сотрудниками ОГПУ. В течение последующего десятилетия в здании располагался колхозный склад. В 1944–1946 гг., пользуясь послаблениями в антирелигиозной политике государства, мусульмане с. Верхазовка неоднократно обращались лично к И.В. Сталину с просьбой о возвращении здания мечети прихожанам. В 1948 г. мечеть была возвращена прежним владельцам. Также было получено разрешение на проведение в ней богослужения.

На протяжении всего последующего советского периода истории, вплоть до 1989 г., мечеть с. Верхазовка оставалась единственной действовавшей в Саратовской области сельской мечетью. Благодаря ей сохранялись вековые национально-религиозные традиции, связь верующих с мечетью, исполнение основной обязанности мусульман – пятничной молитвы. В 1950-е гг. имамом мечети служил Халид Хасянов, в 1960 – начале 1980-х гг. – Исмаил Шарафетдинович Хусаинов (1888 г.р.), Махмут Хусаинович Гафуров (1896 г.р.), Хусаин Мусеевич Султанов (1905 г. р.), Сулейман Айнутдинович Сайфуллин (1908 г.р.).

Таким образом, истории двух сохранившихся и функционирующих в настоящее время мечетей Саратовского края, раскрытые в настоящей работе, позволяют выявить социальный механизм, обеспечивавший в прошлом их строительство и содержание. Приведенные материалы демонст-

рируют стремление верующих к получению знаний, духовно-нравственному совершенствованию, обеспечивавшимся наличием квалифицированных кадров. Также на примере прошлого старейших мечетей сел Осинов Гай и Верхазовка наглядно подтверждается наличие сформировавшихся систематических связей татарских общин края с мусульманскими духовно-образовательными центрами страны. Культурно-историческое, духовно-воспитательное значение рассмотренных мечетей не теряет свою актуальность и в настоящее время, служит общему делу обогащения фонда культурного наследия России. Приведенные примеры из жизни и деятельности меценатов являют примеры ответственности за будущее носителей мусульманских духовных ценностей, образцы гражданственности и патриотизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габдрахман Әбүбәкәров*. Мәгариф каһарманы // *Азат хатын*. 1987. №12. С.179–182.
2. *Герасимов А.А.* Саратовская мордва. Отдельный оттиск из Известий краеведческого института изучения Южно-Волжской Области. Т.1. Саратов: Сар-полиграфпром, 1926. 22 с.
3. *Загидуллин И.К.* Традиционные мусульманские общины // *История татар с древнейших времен*. В 7-ми томах. Т.VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С.401–415.
4. К истории татарской интеллигенции: 1890–1930 гг.: Мемуары / Галия Шахмухаммад кызы Кармышева; пер. с тат. Ф.Х. Мухамедиевой; сост. Б.Х. Кармышевой; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 509 с.
5. *Рашитов Ф.А.* Мостяк. Славная история татарского села. Т.1. М.: Изд-во Йосеф Ибрахим, 2023. 371 с.
6. Татары Саратовского Поволжья: энциклопедический справочник / ред. кол.: Ф.А. Рашитов (гл. ред.), М.В. Булычев, Р.И. Ишмухамедова и др. Саратов: ООО Издательство «Кубик», 2020. 252 с.
7. *Хабибуллин А.А.* Алтата – татарское село в степном Заволжье. Саратов: Издательский центр «Наука», 2017. 436 с.
8. *Хабибуллин А.А., Абдуллин К.Р.* Татарские села на реке Большой Узень / отв. ред. А.А. Хабибуллин. Саратов: Издательский центр «Наука», 2024. 390 с.
9. *Фаиз С.Ф.* Илмин тарихының сүрәте һәм авыз ижаты. Казан: Ш.Мәржәни исемендәге Тарих институты басмаханәсе, 2006. 112 с.
10. *Ялкын*. 1929. 8 декабрь.

REFERENCES

1. Gabdrakhman Abubakarov. The hero of education. *Azat khatin*. 1987, no.12, pp.179–182. (In Tatar)

2. Geraklitov A.A. *Saratov Mordovians. A separate imprint from the News of the Local History Institute of the South Volga Region*. Vol.1. Saratov: Sarpolygraphprom Publ., 1926. 22 p. (In Russian)

3. Zagidullin I.K. Traditional Muslim communities. *History of the Tatars since ancient times. In 7 volumes*. Vol.6. Formation of the Tatar nation. 19th – early 20th century. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2013. Pp.401–415. (In Russian)

4. *On the history of the Tatar intelligentsia: 1890–1930: memoirs. Galiya Shakhmukhammad kyzy Karmysheva*. Translated by F.Kh. Mukhamedieva. Compiled by B.Kh. Karmysheva. Moscow: Nauka Publ., 2004. 509 p. (In Russian)

5. Rashitov F.A. *Mostyak. Glorious history of a Tatar village*. Vol.1. Moscow: Yosef Ibrahim Publ., 2023. 371 pp. (In Russian)

6. *Tatars of the Saratov Volga Region*. Ed. by F.A. Rashitov. Saratov: Kubik Publ., 2020. 252 p. (In Russian)

7. Khabibullin A.A. *Altata – Tatar village in the steppe region of the Volga region*. Saratov: Nauka Publ., 2017. 436 p. (In Russian)

8. Khabibullin A.A., Abdullin K.R. *Tatar villages on the Bolshoy Uzen river*. Saratov: Nauka Publ., 2024. 390 p. (In Russian)

9. Faiz S.F. *Ilimin's painting and oral art*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2006. 112 p. (In Tatar)

10. *Yalkyn*, 1929, December 8. (In Tatar)

Информация об авторе:

Хабибуллин Артур Ахатович – кандидат исторических наук, директор медресе «Шейх Саид» Духовного управления мусульман Саратовской области (Саратов, Российская Федерация); ORCID: 0009-0000-7565-3506; e-mail: Ali.xabibullin@yandex.ru

About the author:

Khabibullin Artur Akhatovich – Cand. Sci. (history), Director of the Sheikh Said Madrasah of the Spiritual Administration of Muslims of the Saratov Region (Saratov, Russian Federation); ORCID: 0009-0000-7565-3506; e-mail: Ali.xabibullin@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025

УДК 94(574.1)"1897/1939"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.97-108>

Динамика образовательного уровня русского населения Западного Казахстана (1897–1939 гг.)

Г.Н. Есеева

*Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова
Уральск, Республика Казахстан*

В статье анализируются изменения в уровне образования русского населения Западного Казахстана в период с конца XIX по четвертое десятилетие XX в. включительно. Источниковой базой исследования являются опубликованные статистические материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., Всесоюзной переписи населения 1939 г., обзоры Тургайской области за 1881 и 1893 гг. и Уральской области за 1901 г., а также неопубликованный отчет о состоянии Уральского казачьего войска за 1887 г. Особое внимание уделяется влиянию образовательной политики на формирование социокультурной среды и интеграцию русского населения в условиях административных реформ, трансформации социального устройства и развития системы образования на территории многонационального региона, находившегося в процессе модернизации.

Ключевые слова: Западный Казахстан, русское население, образование, грамотность, перепись населения, образовательная политика

Для цитирования: Есеева Г.Н. Динамика образовательного уровня русского населения Западного Казахстана (1897–1939 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.97–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.97-108>

Dynamics of the educational level of the Russian population of West Kazakhstan (1897–1939)

G.N. Eseeva

*M.Utemisov West Kazakhstan University
Uralsk, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes changes in the level of education of the Russian population in West Kazakhstan from the end of the 19th to the fourth decade of the 20th century inclusive. The source base of the study is the published statistical materials of the First General Census of the Russian Empire of 1897, All-Union Census of 1926, All-Union Census of 1939, overview of the Turgay region for 1881 and 1893 and the Ural region

for 1901, as well as an unpublished report on the state of the Ural Cossack army for 1887. Special attention is paid to the influence of educational policy on the formation of a sociocultural environment and the integration of the Russian population in the context of administrative reforms, transformation of the social structure and development of the education system in the territory of the multinational region, which was in the process of modernization.

Keywords: West Kazakhstan, Russian population, education, literacy, population census, educational policy

For citation: Eseeva G.N. Dynamics of the educational level of the Russian population of West Kazakhstan (1897–1939). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.97–108. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.97-108> (In Russian)

Изучение образовательного уровня русского населения Западного Казахстана на рубеже XIX – начала XX в. и в первые десятилетия советской власти представляет значительный интерес при исследовании социальной и культурной истории региона. Русское население, активно вовлеченное в процессы экономического освоения, торговли, административного управления и культурного обмена, являлось активным участником проводимых образовательных реформ. Изучение уровня и динамики образования русской этнической группы дает возможность не только реконструировать масштабы и эффективность внедрения формальной системы обучения, но и выявить особенности социальной и культурной интеграции в условиях перехода от имперского к советскому управлению.

Цель исследования – изучить динамику развития системы народного образования и уровень грамотности русского населения Западного Казахстана в период с 1897 по 1939 год, а также выявить основные возрастные и гендерные особенности образовательного процесса в рамках русской этнической группы.

Задачи исследования заключаются в следующем:

- проанализировать статистические данные переписей населения Российской империи и СССР (1897, 1926 и 1939 гг.) об уровне грамотности русского населения Западного Казахстана;
- изучить возрастные и гендерные особенности образовательного процесса среди представителей русского этноса;
- выявить изменения в структуре образовательных учреждений и степени доступности образования на территории Западного Казахстана;
- оценить влияние административных и социальных факторов на развитие системы народного образования.

В работе использован сравнительно-сопоставительный анализ статистических и иных учетных данных. На основе материалов переписей населения 1897, 1926, 1939 гг., отчетов и обзоров образовательный уровень

населения оценивается с учетом ряда критериев – пола, возраста, региона проживания.

Исследование охватывает территорию Западного Казахстана в пределах административно-территориальных образований Российской империи и СССР конца XIX – первой трети XX в. В дореволюционный период это, прежде всего, Уральская и Тургайская области и Мангышлакский уезд Закаспийской области. В 1920–1928 гг. территория Западного Казахстана входила в состав Уральской и Актюбинской губерний, а также Букеевской губернии. В ходе реформы 1928 г. губернии были упразднены, и регион вошел в состав Западно-Казахстанского округа Казахской АССР, охватывавшего территории современных Западно-Казахстанской, Актюбинской, Атырауской и Мангистауской областей.

Интенсивный рост численности русского населения на территории Западного Казахстана во второй половине XIX в. сопровождался необходимостью решения различных социально-культурных задач, среди которых важное место занимали вопросы образования. Расширение сети учебных заведений и распространение грамотности рассматривались как важный инструмент интеграции различных этнических групп и повышения общего уровня культуры населения.

Так, в «Обзоре Тургайской области за 1881 год» подчеркивалось, что «сближение киргиз с русскими... зависит, прежде всего, от проведения в массу народа русского языка и грамотности». В источнике указывается, что по состоянию на 1868 г. в регионе действовали две школы, располагавшиеся в Троицке и находившиеся на финансировании государственного бюджета. Поэтому в целях развития образовательной инфраструктуры в 1869–1874 гг. ежегодно выделялись по 8000 руб., а в 1879 г. в Иргизе было открыто первое двухклассное русско-киргизское училище. Также был разработан типовой проект русско-киргизских школ и принято решение об увеличении финансирования на их содержание [3].

Существенным импульсом к расширению сети начального образования в Западном Казахстане стало открытие участковых школ, начавшееся в рамках образовательных реформ 1860–1870-х гг. С 1868 г. подобные школы начали создаваться в поселениях, где наблюдалась острая потребность в систематическом обучении.

По свидетельству современников, к концу XIX в. в одном из поселений Букеевской орды – Новой Казанке функционировали две русско-казахские школы – Камыш-Самарская и Нарынская. В этих школах работали два русских педагога – И. М. Сиротин и В. В. Цветинский, являвшихся выпускниками Казанской учительской семинарии. В образовательный процесс включались как мальчики, так и девочки, которых принимали по просьбе родителей, – практика, редкая для того времени [1, с.164–203].

Функционирование участковых школ в отдаленных населенных пунктах говорит о налаживании взаимодействия между местной администрацией, родителями и педагогами, что способствовало более широкому ох-

вату населения образованием. Примечательно, что инициатива по включению девочек в учебный процесс исходила не от властей, а от родителей, что свидетельствует о возрастающем понимании социальной ценности образования вне зависимости от пола.

Мероприятия, предпринимаемые в сфере народного образования во второй половине XIX в., оказали заметное влияние на развитие школьной сети в регионе.

Согласно статистическим данным, к 1893 г. в Тургайской области функционировало 19 русско-казахских школ, охватывавших различные формы и уровни начального образования. Среди них были одноклассные и двухклассные мужские и женские училища, вечерние школы для взрослых, а также ремесленные учебные заведения, ориентированные на подготовку специалистов прикладного профиля. Кроме того, к этому времени было открыто пять русских училищ: три одноклассных мужских, одно одноклассное женское и один вечерний класс для взрослых. Значительный вклад в развитие образовательной инфраструктуры вносили церковные учреждения. Так, в ведении Отделения Епархиального училищного совета находилось 13 школ, включая девять школ грамоты и четыре церковно-приходские школы [4].

Приведенные материалы свидетельствуют о формировании институциональной базы начального образования в регионе, в том числе и для русского населения. Эти учреждения выполняли не только просветительские функции, но и служили инструментом социальной и культурной интеграции.

Особую значимость имела деятельность церковных школ, где образовательный процесс сочетался с религиозным воспитанием, что соответствовало задачам имперской культурной политики на окраинах. Образование рассматривалось властями не только как средство повышения грамотности, но и как элемент более широкой программы по укреплению административного и культурного влияния Российской империи в регионе.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотности среди русского населения в ряде уездов Западного Казахстана демонстрировал значительные различия.

Так, в Актюбинском уезде Тургайской области доля грамотных в составе русской этнической группы составляла 22,5 %, что в абсолютных цифрах соответствовало 731 чел. Из них лишь 51 чел. имел образование выше начального. Среди мужчин уровень грамотности достигал 32,5% (564 чел.), тогда как среди женщин этот показатель составлял лишь 11% (167 чел.). Более высокие показатели были зафиксированы в Иргизском уезде Тургайской области, где уровень грамотности среди русского населения составлял 51,7 % (321 муж. и 132 жен.). Особенно примечательно, что среди русских женщин Иргизского уезда 35,4 % владели грамотой – показатель, значительно превышающий аналогичный в Актюбинском уезде. Кроме того, в возрастной категории от 10 до 19 лет среди грамотных

преобладали женщины, что, вероятно, отражает успехи в вовлечении молодежи, особенно девочек, в систему начального образования [6].

Сопоставление данных по двум уездам свидетельствует о наличии заметных различий в уровне распространения образования среди русского населения региона. Более высокая грамотность в Иргизском уезде может быть объяснена совокупностью факторов: более развитой школьной инфраструктурой, активной деятельностью церковных и светских образовательных учреждений, а также, вероятно, большей плотностью русскоязычного населения, способствовавшей открытию школ с русским языком обучения. Особенно важно отметить положительную динамику в сфере женского образования, прежде всего в младшей и подростковой возрастной группе.

Ценные сведения о структуре образовательной системы Уральской области предоставляет отчет о состоянии Уральского казачьего войска за 1887 г.¹

Согласно этим данным, на территории войска действовало 176 частных школ, в которых обучались как дети казачьего, так и иногороднего населения. Примечательной особенностью этих учебных заведений было преобладание девочек среди учащихся: 1352 девочки против 932 мальчиков. Данное соотношение резко контрастировало с другими типами учебных заведений на той же территории. Так, из 2021 учащегося в государственных и ведомственных школах 1868 были мальчики и лишь 158 – девочки. В Гурьевском отделе войсковой территории отсутствовали государственные женские учебные заведения, в связи с чем девочки могли получать образование исключительно в частных школах. Общая численность учеников из числа иногороднего населения в 1887 г. составляла 587 чел., большинство из которых также обучались в частных заведениях².

Как показывают приведенные данные, структура образования на территории Уральского казачьего войска в конце XIX в. демонстрировала ряд характерных черт.

Во-первых, частные школы играли ключевую роль в обеспечении доступа к образованию для девочек, особенно в районах, где государственная система школьного обучения для женского населения была слабо развита или полностью отсутствовала. Данный факт свидетельствует об ограниченности государственной образовательной политики в отношении женщин.

Во-вторых, значительное численное преобладание мальчиков в государственных и войсковых школах отражало традиционные представления о роли образования, преимущественно ориентированные на подготовку мужчин к административной, военной и ремесленной деятельности. Женское образование, напротив, рассматривалось как второстепенное и, зачастую, необязательное, особенно в казачьей и крестьянской среде.

¹ Центральный государственный архив Оренбургской области (ЦГАОО). Ф.164. Оп.1. Д.255. Л.74.

² ЦГАОО. Ф.164. Оп.1. Д.255. Л.74.

Наконец, данные отчета подтверждают, что уровень грамотности среди войскового населения был выше, чем среди иногороднего. Это объясняется, с одной стороны, большей социальной стабильностью казачьих поселений, а с другой – наличием собственной системы образования, опиравшейся на войсковые и церковные учреждения. Иногороднее население оказывалось в более уязвимом положении и вынуждено было прибегать к услугам частных учебных заведений.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотности среди русского населения Уральской области составлял 31,6 % (50885 чел.) – примерно треть от общей численности русских жителей региона. Особенно высокой оказалась доля русских среди лиц, имевших образование выше начального: на их долю приходилось 93,1 % от общего числа таких жителей области. Однако в абсолютных цифрах это составляло лишь 2122 чел. Среди русских мужчин грамотными были 30153 чел., среди женщин – 18610 чел. В возрастной группе от 1 до 9 лет, относящейся к начальному уровню образования, наблюдалось численное преобладание мальчиков (1358 чел.) над девочками (914 чел.), что отражает приоритеты семейной и образовательной политики того времени [7].

Представленные данные демонстрируют относительно высокий уровень грамотности среди русского населения Уральской области на рубеже XIX–XX вв., особенно в контексте многонационального состава региона. Превалирование русских среди лиц с образованием выше начального уровня указывает на лидирующую роль данной этнической группы в формировании административного, хозяйственного и культурного слоя населения. При этом факт меньшей численности девочек в начальных школах свидетельствует о недостаточной вовлеченности женского населения в образовательную сферу.

К началу 1902 г. система народного образования в Уральской области характеризовалась относительно развитой и разнообразной структурой. Согласно «Обзору Уральской области за 1901 год» в данной части региона функционировало 47 учебных заведений различного типа, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. В этих школах работали 91 преподавателей, обучалось 2374 мальчиков и 73 девочек. Наиболее крупным образовательным учреждением являлась войсковая мужская гимназия. Кроме того, в области действовали ремесленная школа, женское русско-казахское училище, а также русский класс при мусульманском медресе [5].

Как видим, образовательная система в Уральской области отличалась многоуровневостью и разнообразием. Наличие женского училища и русского класса при медресе указывает как на стремление расширить доступ к образованию для женщин, так и на попытки межкультурного взаимодействия в сфере просвещения, что особенно важно для многонациональной структуры населения региона.

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., достаточно высокий уровень грамотности русского населения был также зафиксирован в Мангышлакском уезде. Доля грамотных в составе русских жителей уезда составляла 42 %, что являлось одним из самых высоких показателей в Западном Казахстане [8].

Такой показатель, по всей видимости, был обусловлен присутствием военных, административных и промышленных структур, способствовавших притоку более образованных групп населения, а также развитию школьной сети в уезде.

Характерной особенностью состояния грамотности русского населения в регионе по итогам переписи 1897 г. являлась выраженная возрастная диспропорция. Наиболее высокий уровень образования наблюдался среди представителей младших возрастных групп, особенно в категории от 10 до 19 лет. Так, в Актюбинском уезде Тургайской области именно эта возрастная группа демонстрировала наивысшие показатели грамотности. Доля грамотных среди лиц от 20 лет заметно снижалась: в категории 40–49 лет – более чем втрое, а в группе старше 60 лет – имела минимальные значения [6].

Схожая тенденция прослеживается и в Уральской области, где более 75 % всех грамотных русских приходилось на возрастную группу до 40 лет [7].

Подобная структура указывает на то, что расширение доступа к образованию в первую очередь затронуло молодое поколение, родившееся уже в условиях функционирующей школьной системы. Старшие возрастные группы, сформировавшиеся до проведения масштабных образовательных реформ, имели ограниченные возможности для получения даже начального образования, что и объясняет резкое снижение уровня грамотности в этих группах.

На рубеже XIX–XX вв. система народного образования на территории Западного Казахстана находилась в стадии становления. Несмотря на усилия царской администрации и духовных ведомств по расширению школьной сети, общий охват населения образованием оставался ограниченным, особенно в сельской местности.

После революционных событий и установления советской власти ситуация начала постепенно меняться. Уже в 1920-е гг. одной из приоритетных задач государственной политики стало качественное повышение образовательного и культурного уровня населения. Это проявлялось как в практических мерах (расширение школьной сети, кампания по ликвидации неграмотности, разработка новых учебных программ), так и в идеологической риторике. Образование рассматривалось не только как инструмент социальной модернизации, но и как важнейшее средство формирования «нового советского человека».

Анализ данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. позволяет более обстоятельно проследить итоги политики Советского государства в

сфере образования и оценить изменения в уровне грамотности русского населения Западного Казахстана.

Согласно данным переписи, общее число грамотных среди русских составляло: в Уральской губернии – 58511 чел. (45,9 %); в Актыбинской губернии – 21656 чел. (49,4 %); в Адаевском уезде – 1265 чел. (58,5 %) [2, с.68, 69, 102, 103, 108, 109]³.

Разница в уровне грамотности между губерниями могла быть связана с различиями в численности и структуре населения, уровнем урбанизации, а также степенью развития школьной инфраструктуры.

В целом, перепись 1926 г. зафиксировала заметный рост уровня грамотности среди русского населения Западного Казахстана по сравнению с 1897 г. Однако сохранялись выраженные гендерные и возрастные диспропорции, унаследованные от дореволюционного периода.

Важным показателем состояния системы образования стала численность детей, охваченных учебным процессом. В возрастной группе от 5 до 9 лет в учебном процессе было охвачено 2138 обучающихся, или 14,4% от общего количества детей данных возрастов (14840 чел.). Перепись также зафиксировала случаи раннего приобщения к обучению: в Уральской и Актыбинской губерниях среди грамотных было 13 детей в возрасте 5–6 лет. Наивысший уровень грамотности фиксировался в возрастной группе от 15 до 49 лет, что свидетельствует о целенаправленном вовлечении трудоспособного населения в систему образования [2, с.68, 69, 102, 103, 108, 109]⁴.

Несмотря на то, что массовое школьное образование еще не охватывало всех детей младшего возраста, наблюдалась четкая тенденция к расширению образовательного охвата. Зафиксированные случаи раннего начала обучения демонстрируют сдвиг в сторону расширения начального образования и формирования предпосылок для дальнейшего роста грамотности в регионе.

О состоянии школьного образования в первые годы после установления советской власти позволяют судить и материалы локальных обследований. Согласно сведениям обследования, проведенного в декабре 1924 г., на территории Уральской губернии функционировало 177 школ, в которых обучалось 10223 учащихся. Из этого числа 6 264 чел., или 61,2 %, составляли дети русской национальности⁵.

Рост количества учебных заведений и числа школьников происходил на фоне крайне тяжелой социальной обстановки. Последствия Гражданской войны, экономическая разруха, голод и эпидемии привели к резкому увеличению числа беспризорных детей, лишенных родительской опеки и постоянного места жительства.

³ Подсчитано нами по материалам таблицы IX. – Г.Е.

⁴ Подсчитано нами по материалам таблицы IX. – Г.Е.

⁵ Государственный архив Западно-Казахстанской области (ГА ЗКО). Ф.24. Оп.2. Д.294. Л.1.

Для решения этой острой проблемы в Уральской губернии к концу 1924 г. был открыт 21 детский дом, из которых 17 функционировали специально для детей русской национальности⁶. Основной задачей этих учреждений было обеспечение необходимых условий для выживания: предоставление питания, жилья и оказания медицинской помощи. В таких условиях организация систематического школьного обучения нередко отходила на второй план.

Тем не менее, даже в условиях социального кризиса в сфере образования наблюдались положительные сдвиги. Особенно показательным является факт роста доли девочек среди школьников. Если по данным переписи 1897 г. уровень грамотности среди русских девочек в большинстве уездов не превышал 10–11 %, то уже по результатам школьной переписи 1927 г. доля девочек в составе русских учащихся составила: в Гурьевском округе – 42,8 %, в Букеевском уезде – 40,7 %⁷.

Приведенные материалы отражают реализацию новой идеологической установки на равенство полов, при которой школа становилась одним из важнейших институтов включения девочек в социальную, образовательную и культурную жизнь страны.

С целью дальнейшего повышения образовательного уровня населения в 1920–1930-х гг. Советским государством реализовывался широкий спектр организационных и педагогических мероприятий. Одним из важнейших направлений стало открытие новых типов образовательных учреждений, ориентированных на разные возрастные и социальные категории обучающихся.

Наряду с расширением сети начальных и неполных средних школ, в регионе создавались школы для взрослых, курсы по ликвидации безграмотности и малограмотности, фабрично-заводские училища (ФЗУ), направленные на подготовку квалифицированных рабочих кадров, техникумы и высшие учебные заведения, включая педагогические институты, задачей которых становилась подготовка учительских кадров для системы массового образования. Инициативы 1920–1930-х гг. стали основой для структурной перестройки системы образования, охватывающей как детское, так и взрослое население.

Эффективность принятых мер позволяет оценить анализ учетных карточек, собранных в рамках подготовки и проведения Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Казахской ССР. В учетных карточках содержатся данные, отражающие численность учащихся с разбивкой по национальности.

⁶ ГА ЗКО. Ф.24. Оп.2. Д.294. Л.1.

⁷ Подсчитано нами по материалам «Всесоюзной школьной переписи 1927 года». Таблицы 5, 6, 7. Распределение учащихся по годам обучения, полу и национальности по Уральской губернии (см.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф.698. Оп.8. Д.67. Л.3–20).

Согласно данным карточек, к Всесоюзной переписи населения 1939 г. общая численность русских в национальной структуре Западного Казахстана составляла 287892 чел. Из них высшее образование имели 2485 чел. (1907 муж. и 578 жен.). Среднее образование было у 30 439 чел. (20810 муж. и 9629 жен.). На момент проведения переписи в учебных заведениях обучались 52 577 чел. из числа русского населения (26286 муж. и 26291 жен.). Подавляющее большинство из них – 48926 чел. – находились в возрастной категории до 19 лет⁸.

Представленные данные свидетельствуют, что наиболее заметным является высокий уровень вовлеченности молодежи в образовательный процесс: почти вся категория обучающихся принадлежала к возрастной группе до 19 лет. Это указывает на эффективную работу советской школы и реализацию политики всеобщего начального и неполного среднего образования. Соотношение мужчин и женщин среди учащихся было практически равным, что отражает постепенное выравнивание гендерного доступа к образованию. В других возрастных категориях уровень образования среди мужчин значительно выше, чем у женщин. Доля лиц с высшим образованием оставалась низкой, что говорит об ограниченных возможностях получения высшего образования.

Численность неграмотных среди русского населения Западного Казахстана по данным переписи 1939 г. составляла 24180 чел., или 17 % от общей численности русских. При этом женщины преобладали среди неграмотных, составляя 79,3 % от их общего числа⁹.

Высокая доля неграмотных среди женщин указывает на сохраняющееся гендерное неравенство в доступе к образованию. Несмотря на общий рост вовлеченности молодежи в учебный процесс, ликвидация неграмотности среди взрослого (прежде всего – женского) населения оставалась острой социальной задачей в регионе.

Проведенный в исследовании анализ позволяет выделить устойчивые тенденции в образовательном развитии русского населения Западного Казахстана с конца XIX в. до конца 1930-х гг.

Дореволюционный этап ознаменовался формированием начальной образовательной инфраструктуры – в основном за счет государственных и церковных структур. В ряде уездов (например, Иргизском, Мангышлакском) уровень грамотности среди русских был относительно высоким, что объяснялось социальным составом, наличием военных и административных объектов.

⁸ Подсчитано нами по «Карточкам учащихся по национальностям со средним и высшим образованием по Казахской ССР к Всесоюзной переписи 1939 года» (см.: ЦГА РК. Ф.698. Оп.21. Д.63. Л.43–50, 67, 68, 91, 92).

⁹ Подсчитано нами по «Карточкам учащихся по национальностям со средним и высшим образованием по Казахской ССР к Всесоюзной переписи 1939 года» (см.: ЦГА РК. Ф.698. Оп.21. Д.63. Л.43–50, 67, 68, 91, 92).

Данные переписи 1897 г. фиксируют высокий уровень грамотности среди русских по сравнению с другими этносами региона, особенно среди мужчин. Однако сохранялись выраженные гендерные и возрастные различия: грамотность была характерна преимущественно для молодых мужчин, в то время как среди женщин и пожилых лиц уровень образования оставался низким.

Период 1920-х гг. характеризуется быстрым развитием образовательной сети: открываются школы для детей, взрослых и малограмотных, создаются техникумы, ФЗУ, вузы. Возрастает доля женщин среди учащихся, особенно в начальной школе.

Перепись 1939 г. подтверждает продолжающийся рост уровня образования, особенно среди молодого поколения, однако подчеркивает сохраняющиеся проблемы, в том числе массовую неграмотность среди женщин.

Таким образом, в период с 1897 по 1939 г. образовательный уровень русского населения Западного Казахстана претерпел значительные качественные изменения. От фрагментарной сети начальных школ конца XIX в. регион перешел к разветвленной системе образования, охватывающей разные возрастные и социальные группы. Русское население сохраняло лидирующие позиции в показателях грамотности, активно вовлекалось в образовательные процессы и в значительной степени формировало культурное и административное пространство региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воскресенский А.* «Школьный альбом Букеевской Орды» // Букеевской Орде 200 лет: издание в шести книгах. Кн. 3. Алматы: Изд-во «Өлке», 2001. С.164–203.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т.8: Казахская АССР. Киргизская АССР / Центр. стат. упр. СССР. Отд. переписи. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. 256 с.
3. Обзор Тургайской области за 1881 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора. Оренбург: Тип. Б.Бреслина, 1882. 16 с.
4. Обзор Тургайской области за 1893 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Тургайской области // Ведомость №12. «О числе учебных заведений и учащихся в Тургайской области за 1893 год». Оренбург: Тип. П.Жаринова, 1894. 26 с.
5. Обзор Уральской области за 1901 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора. Уральск: Уральская Войсковая Типография, 1902. 33 с.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.37. Тургайская область. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 103 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.38. Уральская область. СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 125 с.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.32. Закаспийская область. СПб., 1904. 170 с.

REFERENCES

1. Voskresensky A. School album of the Bukeevsky Horde. *200 years to Bukeevsky Horde: publication in 6 books*. Book 3. Almaty: Olke Publ., 2001. Pp.164–203. (In Russian)
2. *All-Union population census of 1926*. Vol.8. Kazakh ASSR. Kyrgyz ASSR. Moscow: Central Executive Committee of the USSR Publ, 1928. 256 p. (In Russian)
3. *Overview of the Turgay region for 1881: annex to the most comprehensive report of the military governor*. Orenburg: B. Breslin Publ., 1882. 16 p. (In Russian)
4. Overview of the Turgay region for 1881: annex to the most comprehensive report of the military governor of the Turgay region. *Statement No. 12. "On the number of educational institutions and students in the Turgai region for 1893"*. Orenburg: P. Zharinov Publ., 1894. 26 p. (In Russian)
5. *Overview of the Ural region for 1901: annex to the most comprehensive report of the military governor*. Uralsk: Ural Military Printing House Publ., 1902. 33 p. (In Russian)
6. *First general census of the population of the Russian Empire of 1897*. Vol.87. Turgay region. St. Petersburg: Central Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1904. 103 p. (In Russian)
7. *First general census of the population of the Russian Empire of 1897*. Vol.88. Ural region. St. Petersburg: Central Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1904. 125 p. (In Russian)
8. *First general census of the population of the Russian Empire of 1897*. Vol.82. Trans-Caspian region. St. Petersburg: Central Committee of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1904. 170 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Есеева Гульнара Набиевна – старший преподаватель ОП «Социальные науки», Западно-Казахстанский университет им. М.Утемисова (Уральск, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-6788-4926; e-mail: Eseeva70@mail.ru

About the author:

Eseeva Gulnara Nabievna – Senior lecturer of the educational program "Social Sciences", M.Utemisov West Kazakhstan University (Uralsk, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-6788-4926; e-mail: Eseeva70@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 10.11.2025

УДК 394

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.109-127>

**Роль мусульманских благотворительных организаций
Уфимской губернии в проведении Сабантуя
в городах в начале XX века**

А.В. Ахтямова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В статье на материалах Уфимской губернии начала XX в. исследуется участие мусульманских благотворительных организаций в подготовке и проведении Сабантуя в условиях городской среды. Сделан вывод о том, что благодаря их усилиям этот праздник обогатился новым содержанием. Ежегодный праздник в честь начала весенних полевых работ стал не только важным элементом татарской городской культуры, но и знаковым событием в жизни дореволюционного города. В статье также приведены сведения о динамике численности городского населения и дан краткий обзор мусульманских благотворительных учреждений. Статья основана на архивных и опубликованных документах, статистических данных, материалах периодической печати и источниках личного происхождения.

Ключевые слова: Уфимская губерния, городское население, татарское купечество, татарское дворянство, мусульманское благотворительное общество, Сабантуй, пожертвование

Для цитирования: Ахтямова А.В. Роль мусульманских благотворительных организаций Уфимской губернии в проведении Сабантуя в городах в начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.109–127. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.109-127>

**The role of Muslim charitable organizations of the Ufa province
in holding Sabantuy in cities at the beginning of the 20th century**

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article on the materials of the Ufa province of the beginning of the 20th century examines the participation of Muslim charitable organizations in the preparation and conduct of Sabantuy in an urban environment. It was concluded that thanks to their efforts, this holiday was enriched with new content. The annual holiday in honor of the

beginning of spring field work has become not only an important element of the Tatar city culture, but also a landmark event in the life of the pre-revolutionary city. The article also provides information on the dynamics of the urban population and gives a brief overview of Muslim charitable institutions. The article is based on archival and published documents, statistics, periodicals and sources of personal origin.

Keywords: Ufa province, urban population, Tatar merchants, Tatar nobility, Muslim charitable society, Sabantuy, donation

For citation: Akhtyamova A.V. The role of Muslim charitable organizations of the Ufa province in holding Sabantuy in cities at the beginning of the 20th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.109–127. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.109-127> (In Russian)

Введение. Сабантуй в дореволюционной России был одним из самых почитаемых праздников тюркских народов. Он проводился перед севом и включал песни, танцы, спортивные состязания, игры на открытом воздухе. В начале XX в. эту многовековую традицию поддерживали в регионах с высокой концентрацией мусульман. При этом с каждым годом география проведения народного праздника становилась все шире. Этому в значительной степени способствовали благотворительные учреждения.

Вслед за Казанью и Оренбургом (1910 г.) [см. об этом: 21, б.201] по инициативе благотворительных обществ устраивался праздник и в других городах с компактным проживанием татар – Уфе, Орске, Челябинске, Стерлитамаке, Иркутске, Екатеринбурге и др. Мусульманские благотворительные организации, преимущественно в городской местности, стали использовать праздник Сабантуй для сбора пожертвований. В настоящей статье исследуется роль мусульманских благотворительных обществ в организации праздника Сабантуй на примере городов Уфимской губернии. В рамках темы предполагается представить данные о динамике численности городского населения и сделать краткий экскурс в историю мусульманской благотворительности. Изучение данной проблемы имеет большое значение, прежде всего, для понимания процессов межэтнического взаимодействия в поликультурном регионе. Актуальность темы также обусловлена тем, что Сабантуй отражает богатое культурное наследие народов России и служит символом их единства.

Обратимся к научным публикациям, в которых в той или иной мере освещается рассматриваемый вопрос. Так, в статье О.А. Синицкой проведено историографическое исследование народного праздника Сабантуй [44]. Проанализировав работы XVIII – начала XXI в., она сделала вывод о том, что многие описания отрывочны и фрагментарны, но в то же время имеют ценность, так как дают представление о содержании праздничных мероприятий. Отдельные аспекты интересующей нас проблематики затрагивались в контексте исследования мусульманских благотворительных

обществ в России на рубеже XIX–XX вв. В частности, в работе З.С. Миннуллина на основе материалов татарской периодической печати описаны некоторые эпизоды празднования Сабантуя в Уфе, состоявшегося 29 и 30 мая 1916 г., а также опубликован отчет Уфимского попечительства о бедных мусульманах о проведении в том же городе Сабантуя 10 и 11 мая 1915 г. [21]. В статье Н.И. Таирова изучен вклад татарских купцов и промышленников в развитие национальных традиций народов Поволжья и Приуралья [52]. В свете изучаемой темы следует отметить и работу З.Р. Сабировой [40]. В ней использованы материалы, опубликованные в журнале «Мир ислама» (издание Императорского общества востоковедения), который, в свою очередь, напечатал информацию из казанской газеты «Йолдыз» («Звезда») о Сабантуе в Уфе (1913 г.). Автор также изучила позицию мусульманского духовенства по отношению к праздничным мероприятиям. В статье А.В. Ахтямовой рассмотрено участие женщин-мусульманок в проведении Сабантуя в Уфе [6]. В статье И.Р. Шараповой проанализированы истоки народного праздника и его значение для современников, проживающих в Башкортостане [67].

Среди диссертационных исследований отметим работу Д.Р. Шарфутдинова, посвященную развитию традиционной культуры татарского народа в XIX – начале XX в. [68]. В частности, в диссертации реконструирована история праздника Сабантуй на территории Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний.

Динамика численности городского населения Уфимской губернии.

Данные о численности населения городов Уфимской губернии с 1865 по 1916 г. показывают положительную динамику (см. табл. 1). Прирост населения за этот период составил 141196 чел. К началу 1916 г. в городах числилось 192640 чел. (мужчин – 95031, женщин – 97609). Количество горожан за этот период выросло более чем в 3,7 раза.

Самым населенным городом являлась Уфа. Отметим, в 1858 г. в Уфе насчитывалось 14730 чел. [12, с.440], а к 1865 г. численность населения города увеличилась на 35,44%. Как видим, количество жителей Уфы к 1916 г. выросло в 5,5 раза по сравнению с 1865 г., когда город приобрел статус административного центра губернии. За губернским городом по количеству населения следовал промышленный центр и уездный город Златоуст.

В Белеее количество горожан увеличилось в 3,6 раза, в Бирске – в 3,3 раза, в Стерлитамаке – в 3,1 раза, в Златоусте – в 2,5 раза, в Мензелинске – в 1,7 раза. В таблице также указана доля населения в каждом отдельном городе от общей численности горожан губернии.

Таблица 1

**Численность городского населения Уфимской губернии
(1865–1916 гг.)***

Годы	Уфа	Белебей	Бирск	Златоуст	Мензелинск	Стерлитамак	Всего
1865	19950 (38,78%)	1883 (3,66%)	3788 (7,36%)	15055 (29,26%)	4931 (9,59%)	5837 (11,35%)	51444 (100%)
1870	21019 (38,25%)	2574 (4,68%)	3863 (7,03%)	16684 (30,36%)	4913 (8,94%)	5896 (10,73%)	54949 (100%)
1871	20645 (37,77%)	2684 (4,91%)	4052 (7,41%)	16414 (30,03%)	4836 (8,85%)	6026 (11,03%)	54657 (100%)
1890	31628 (38,14%)	4526 (5,46%)	9001 (10,85%)	20355 (24,55%)	6821 (8,23%)	10592 (12,77%)	82923 (100%)
1897	49275 (45,92%)	5835 (5,44%)	8589 (8,00%)	20502 (19,11%)	7552 (7,04%)	15550 (14,49%)	107303 (100%)
1908	91549 (55,28%)	6314 (3,81%)	11807 (7,13%)	32023 (19,34%)	8066 (4,87%)	15840 (9,57%)	165599 (100%)
1910	97285 (54,43%)	7711 (4,31%)	14661 (8,20%)	32023 (17,92%)	8441 (4,72%)	18617 (10,42%)	178738 (100%)
1912	107409 (57,32%)	6542 (3,49%)	12551 (6,70%)	35687 (19,04%)	8087 (4,32%)	17108 (9,13%)	187384 (100%)
1914	108280 (57,10%)	6738 (3,55%)	12676 (6,68%)	36306 (19,15%)	8173 (4,31%)	17457 (9,21%)	189630 (100%)
1916	109956 (57,08%)	6865 (3,56%)	12684 (6,58%)	37030 (19,22%)	8204 (4,26%)	17901 (9,29%)	192640 (100%)

*Составлено по: Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-148. Оп.1. Д.8. Л.1–1 об., 2–2 об.; НА РБ. Ф.И-148. Оп.1. Д.13. Л.1–1 об., 2–2 об., 3–3 об., 4; НА РБ. Ф.И-148. Оп.1. Д.17. Л.9–14; 12, с.440, 443, 446, 454, 485, 497; 34, с.2; 11, с.704–705; 1, с.4–5 (Ч.II); 2, с.4–5 (Ч.II).

Наиболее полные данные о демографических процессах в регионе дают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. По данным источника, в губернии насчитывалось 2 196 642 чел., из них мужчин – 1 089 801 чел., женщин – 1 106 841 чел. [35, с.III]. Особенностью региона была высокая доля мусульман (49,9%) [35, с.VIII]. Другой его характерной чертой был низкий удельный вес городского населения. В процентном выражении уровень урбанизации региона в 1865 г. составлял 4% [42, с.2], к 1897 г. этот показатель вырос до 4,9% [34, с.4], к 1908 г. достиг 5,7%¹. Для сравнения, по данным переписи 1897 г., в Европейской России доля городского населения составляла 12,9% [20, с.57].

Согласно данным переписи 1897 г., в губернском и 5 уездных городах насчитывалось 107303 души обоего пола [34, с.2]. Этнический состав городского населения был разнообразным. Основную его часть составляли

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-148. Оп.1. Д.17. Л.1–14.

русские – 84% (90134 чел.); татары – 7,48% (8030 чел.); башкиры – 5,29% (5671 чел.) [34, с.46–47]. Наибольшее (в абсолютных цифрах) количество татар проживало в Стерлитамаке (3779 чел., или 24,3% населения города) и Уфе (2524 чел., или 5,12% населения города) [34, с.42–57]. Однако доля татарского населения в Белебее (13,5%) и Мензелинске (6,46%) была выше, чем в губернском центре [34, с.50–51, 54–56].

По данным переписи 1897 г., значительная часть татар-горожан относилась к мещанскому сословию (53,2%). Вторым по численности сословием в структуре татарского городского общества являлось крестьянство (38,95%). Третье место по удельной численности в социальной структуре татар-горожан занимали потомственные дворяне (4,07%). Губернский город отличался значительной долей татарского дворянства. Потомственных татар-дворян в Уфе насчитывалось 206 чел. (9,39% от общего количества потомственных дворян). Купцы составляли 1,43% всего городского татарского населения. Наибольшее их количество (в абсолютном значении) проживало в Стерлитамаке (87 чел.) [34, с.170–183].

Мусульманские благотворительные учреждения. В новых городских реалиях сформировалась разветвленная система благотворительных учреждений и общественных организаций, которые стали значимой частью гражданского общества. Важную роль в общественно-культурной жизни рубежа XIX–XX вв. сыграла мусульманская благотворительность.

В 1876 г. Салимгирей Тевкелев (1805–1885) – муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) с 1865 по 1885 г. – инициировал открытие в Уфе мусульманского приюта для сирот и престарелых². Вместе с братьями Сеитгиреем и Батыргиреем он пожертвовал для приюта дворовое место с двумя флигелями и надворными строениями на Фроловской улице (ныне ул. Тукаева)³. Это владение было куплено Тевкелевыми у наследников муфтия Габдессаляма Габдрахимова (1825–1840 гг.) [8, с.37; 55, с.2]. Среди наиболее значимых источников финансирования для создания благотворительного заведения были средства, полученные от продажи 2 тыс. десятин земли, подаренной второй супругой муфтия С.Ш. Тевкелева – Фатимой Тевкелевой и ее братом, рязанским дворянином Сеитгиреем Давлеткильдеевым [5, с.129–130; 55, с.2].

² Заведение находилось в ведении Уфимского попечительного о бедных комитета ведомства Императорского человеколюбивого общества и получило название «Уфимский приют престарелых мужчин и мальчиков магометан ведомства Императорского человеколюбивого общества».

³ Позднее, в 1878 г., началось строительство нового здания для богадельни и приюта, на которое было собрано более 1200 руб., а муфтий Тевкелев пожертвовал 400 бревен. 5 октября 1878 г. состоялось открытие данных заведений, к этому времени в них призревало 5 престарелых мужчин и 7 мальчиков [33, с.126; 32, с.13].

Благотворители стремились обеспечить бедных стариков, мальчиков-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из числа мусульман жильем, питанием и одеждой, а также организовать обучение детей в школах [31, с.11]. В год открытия приют принял 5 престарелых мужчин и 5 мальчиков [33, с.126], а к началу 1900 г. в нем состояли на попечении трое мужчин и 17 мальчиков [31, с.26].

Бессменным председателем комиссии по заведованию приютом был отставной гвардии полковник Кутлугмухамед Батыргареевич Тевкелев. В состав комиссии входили также дворяне Салимгирей Джантюрин и Шахайдар Сыртланов, ахун Хайрулла Усманов (позднее – Хасан Акчурин, Нурмухамет Мамлеев, Арслан-Али Султанов, Сабирзян Басимов и др.) [3, с.62; 4, с.76; 31, с.7, 11, 29].

Центром национальной элиты стало Уфимское попечительство о бедных мусульманах (*Уфа жәмгыяте хәйриясе*), устав⁴ которого был утвержден Министерством внутренних дел 20 марта 1898 г.⁵ Согласно параграфу 1 устава, основной целью деятельности попечительства было «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных мусульман г. Уфы и ближайших к нему мусульманских селений»⁶.

Фактическая деятельность Общества началась 26 сентября 1899 г. На первых собраниях был избран руководящий орган – правление из 8 человек. Председателем первого правления стал Хайрулла Усманов. В правление входили также Абдуллатиф Хакимов, Садретдин Назиров, Гиниятулла Капкаев, Ильяс Ибниаминев (в 1901 г. вместо него был избран Бадретдин Назиров), Закир Ишмухамедов, Мухамедсалим Уметбаев (в 1900 г. вместо него был избран Салих Терегулов), Сулейман Мамлеев. Помимо учредителей, в первый год существования общества в нем состояли 9 почетных и 68 действительных членов [7, б.2].

В 1907 г. был сформирован новый состав правления Общества. В него вошли председатель Салимгирей Джантюрин, члены Хусаин Асякаев, Багаутдин Максюттов, Мухаррям Еникеев, Абдулхай Шамсонов. Членами ревизионной комиссии были избраны Хабибулла Ахтямов, Идиятулла Еникеев, Зиганша Биктагиров, делопроизводителем – Сулейман Мамлеев. Впоследствии, в период деятельности общества под председательством С.-Г. Джантюрина (1907–1915 гг.), в правление входили также помощник

⁴ Текст с русского на татарский язык был переведен М.-С.Уметбаевым (Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф.22. Оп.1. Д.1. Материалы творческой деятельности М.Уметбаева, т.1. Л.47).

⁵ Устав Уфимского попечительства о бедных мусульманах [Утв. 20 марта 1898 г.]. Уфа: Паровая типо-литография А.П. Зайкова, 1898. 15 с. (см.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.821. Оп.133. Д.575. Л.344–352).

⁶ Устав Уфимского попечительства о бедных мусульманах [Утв. 20 марта 1898 г.]. Уфа: Паровая типо-литография А.П. Зайкова, 1898. 15 с. (см.: РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.575. Л.346).

присяжного поверенного Ибрагим Ахтямов (1911–1912 гг., товарищ председателя), купцы Сабирзян Шамгулов (1911 г., затем состоял казначеем), Назиб (Мухаметназип) Хакимов (с 1913 г.), Хусаин Ассанович (с 1913 г.) [4, с. 77–78].

Количество членов общества варьировалось в разные годы. Так, в год основания Общества в нем насчитывалось 85 членов, однако в последующий период численность снизилась. В 1902 г. в Обществе участвовали 49 членов, в 1903 г. – 55, в 1904 г. – 60, в 1905 г. – 60, в 1906 г. – 32 члена. После пере-выборов в 1907 г. значительно увеличилось число его участников. В 1907 г. в Обществе состояли 162 члена, в 1908 г. – 290, в 1909 г. – 293, в 1910 г. – 290 членов, затем наблюдалась тенденция снижения данного показателя (например, 137 членов в 1911 г., 174 члена в 1912 г.) [7, б.2; 56, б.4, 18].

Одним из ключевых направлений деятельности Общества была все-сторонняя поддержка учащихся и образования в целом. Выделялись денежные средства и на содержание бесплатных столовых и ремесленных школ [56, б.4, 19]. В сентябре 1913 г. в ведение благотворительной организации перешла столярная мастерская, которая открылась в апреле того же года при уфимском медресе «Усмания». В целях обеспечения максимального охвата шакирдов обучением ремеслу благотворители решили открыть еще одну ремесленную школу при медресе – мастерскую по плетению корзин [60, б.4]. Официальное открытие корзиночной мастерской состоялось 22 ноября 1915 г. [61, б.2]. Руководство двумя ремесленными школами взял на себя Гисматулла Гайнуллин. Осенью 1916 г. мастерские перенесли на новое место. Общество обзавелось собственным зданием на улице Александровская (ныне ул. Карла Маркса) и выделило для ремесленных школ отдельные помещения [15, б.3; 18, б.4].

В 1915 г. в организационной структуре Уфимского попечительства о бедных мусульманах произошли существенные изменения. Был разработан новый устав Общества, который внесли в реестр обществ и союзов губернии постановлением Уфимского Губернского по делам об обществах присутствия от 30 сентября 1915 г. Общество получило новое название – «Уфимское мусульманское благотворительное общество» [см.: 54].

29 ноября 1915 г. в зале Уфимского биржевого комитета под председательством депутата Государственной думы IV созыва (1912–1917 гг.) от Уфимской губернии Ибниамина Ахтямова состоялось учредительное собрание Общества. На нем были произведены выборы нового состава правления. Его председателем был избран Назиб Хакимов. В составе правления также значились Сабирзян Шамгулов (казначей), Бадретдин Назиров, Идиятулла Еникеев, Касим Садыков, Гибадулла Усманов, Гумер Терегулов, Гариф Хамитов (Хамидов), Гисматулла Гайнуллин, Хасан Каримов. Кандидатами в члены правления были Шакир Мухаммедьяров, Абдулла Ибрагимов (Шнаси)⁷, Хабибрахман Забиров, Хабибулла Ахтямов⁸, Фат-

⁷ Позднее член правления [2, с. 76].

хуллы Ягудин. В состав ревизионной комиссии были включены Ибрагим Ахтямов, Ильяс Аминев, Исхак Касмасов [26, с.2; 66, б.1]. Членами Общества записался 91 человек [26, с.2].

В условиях начавшейся Первой мировой войны важным направлением деятельности благотворительных обществ стала помощь фронту и пострадавшим от военных действий. Уфимское попечительство о бедных мусульманах (с ноября 1915 г. – Уфимское мусульманское благотворительное общество) курировало Уфимский временный мусульманский комитет, перечисляло денежные средства в распоряжение Центрального комитета Временного мусульманского комитета, основало в Уфе комитет помощи беженцам-мусульманам.

Идея создания мусульманского женского общества в крае возникла весной 1907 г. Эта тема неоднократно поднималась на собраниях, причем наибольшую активность в дискуссии проявили женщины из дворянской семьи – Марьям Султанова, впоследствии бессменный председатель женского общества, Суфия Джантюрина, а также Магипарваз (Махи-Парваз) Шейхалиева [46, б.2–3], ставшие затем, в числе других, учредительницами этого Общества⁹.

В мае 1907 г. был составлен проект устава. В его подготовке большую помощь женщинам оказали видные мусульманские интеллектуалы Уфы – Салимгирей Джантюрин, Искандербек Султанов, Мухаммадсабир Хасанов [13, б.3; 22, б.1]. Согласно уставу, Общество преследовало «цели культурно-просветительные, нравственно-воспитательные и трудовспомогательные»¹⁰.

Устав Уфимского мусульманского дамского общества (*Уфада мөселман ханымнарының жәмгыяте*) был зарегистрирован Уфимским губернским по делам об обществах присутствием 12 декабря 1907 г. Татарская пресса писала, что это была первая в истории России мусульманская женская организация [63, б.12; 58, б.3]. Первое общее собрание состоялось 25 января 1908 г. с участием свыше ста женщин [27, с.1; 28, с.2; 29, с.3; 30, с.1].

Деятельность общества была многогранна: участие в организации культурно-просветительских и духовных мероприятий (литературные ве-

⁸ Позднее член правления [2, с.76].

⁹ Учредительницами Общества были «дворянка Софья Мухамедьяровна Султанова, потомственная дворянка Фатима Мухамедьяровна Басимова, дворянка Марьям Тимирбулатовна Султанова, жена генерал-майора Махи-Парваз Султанова Шейхалиева, башкирка деревни Кляшевой Гайша Сейд-Аскарровна Камалетдинова, дворянка Суфия Сеитгареевна Джантюрина, дворянка Зюлейха Мухамедьяровна Султанова» (Устав Уфимского Мусульманского Дамского Общества = Уфа шәһәрәндә мөселман ханымнары жәмгыятенең низамнамәсе. Уфа: Губернская электрическая типография, 1908. 12 с. (см.: РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.575. Л.336)).

¹⁰ Устав Уфимского Мусульманского Дамского Общества=Уфа шәһәрәндә мөселман ханымнары жәмгыятенең низамнамәсе. Уфа: Губернская электрическая типография, 1908. 12 с. (см.: РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.575. Л.331).

чера, детские вечера, религиозные и национальные праздники); создание библиотеки-читальни; проведение курсов для мугаллимок (*мөгаллимәләр курсы*); содержание женских учебных заведений, приюта для девочек; выдача пособий нуждающимся ученицам, вдовам; поддержка участников Первой мировой войны (устройство лазарета, пошив одежды для раненых солдат) и т.д.

Благотворительные учреждения имелись и в некоторых уездных городах. Устав Стерлитамакского мусульманского благотворительного общества был утвержден 13 октября 1914 г. [14, с.78, 150–151]. Первое общее собрание Общества открылось под председательством члена уездной земской управы Габдерахима Тукаева 27 декабря 1914 г. Состав правления был сформирован по итогам голосования. В него вошли следующие члены: Гайфулла Усманов (Гусманов), Габдерахим Тукаев, имам Гариф Рамиев, Губайдулла Усманов (Гусманов), имам Загир (Мухамметзагир) Хабиров, Бадрутдин Гибадуллин, Габдрахман Зубаиров, Нургали Карамышев. Членами ревизионной комиссии были определены учитель Юсуп Мамин, Шарафутдин Махмутов и Закир Курбангалиев. Вопрос о выборе председателя, помощника председателя и секретаря из числа членов правления должен был быть решен на следующем собрании [47, б.4]. В итоге председателем Общества был избран купец Гайфулла Усманов, помощником председателя – имам Гариф Рамеев, секретарем – учитель Нургали Карамышев [14, с.78, 151].

В сентябре 1915 г. был утвержден новый устав Общества. 13 декабря 1915 г. состоялось собрание Общества с участием около 60 членов. На обсуждение был представлен устав Общества в новой редакции. Согласно новому уставу, деятельность Общества распространялась на весь Стерлитамакский уезд, а численность состава правления увеличилась до 10 человек [51, б.3].

Число членов этого общества из года в год росло. Если ко времени первого собрания (27 декабря 1914 г.) в его рядах насчитывалось 60 членов [47, б.4], к началу 1916 г. в нем состояло 158 членов [49, б.3], то к концу 1916 г. – 183 члена [14, с.151].

Денежные средства Общества состояли в основном из членских взносов и доходов от пожертвований. Услугами Общества пользовались прежде всего шакирды и малоимущие семьи. Так, согласно отчету Общества за 1915 г., 74 «бедных шакирда» получили денежную помощь в размере 200 руб. [49, б.3]. Общество перечисляло из своих средств различные суммы Российскому обществу Красного Креста, Стерлитамакскому вольно-пожарному обществу, Янгыз-Каиновскому мелкокредитному товариществу, Временному мусульманскому комитету (Петроград) и т.д. [49, б.3; 23, б.3–4]. Оказывалась поддержка семьям лиц, призванных на фронт [14, с.152; 65, б.3].

Устав Мензелинского мусульманского благотворительного общества был внесен в реестр обществ и союзов Уфимской губернии 28 декабря 1915 г. Согласно уставу, это Общество ставило своей целью «улучшение и

развитие жизни мусульман, живущих в районе деятельности его», а также оказание нуждающимся мусульманам материальной помощи [53, с.3], причем осуществляло оно свою деятельность в пределах г. Мензелинска и уезда [53, с.3]. Учредителями Общества являлись Шайхутдин Курбангалин (Курбангалиев), Бахтигарей Хасанов, Абдулкадир Латыпов и Абдугаллям Мухаррямов [53, с.21].

Первое общее собрание в присутствии большого количества народа состоялось 21 марта 1916 г. В Общество записалось сразу около 40 членов. В ходе собрания был определен состав правления. Председателем избрали Ш. Курбангалина, членами правления – Б. Хасанова, М. Хасанова, Х. Даутова, членами ревизионной комиссии – К. Гумарова, (?) Хасанова, Ш. Хасанова [24, б.3].

Таким образом, в начале XX в. в губернии функционировало пять мусульманских благотворительных учреждений, три из них располагались в Уфе, остальные в уездных городах – Стерлитамаке и Мензелинске. Их деятельность охватывала широкий круг направлений. Реализация благотворительных инициатив требовала значительных финансовых средств. Капитал обществ складывался из членских взносов, пожертвований частных лиц, включая мусульман и православных, и т.д.

Приметой времени стала организация праздника Сабантуй в пользу благотворительных обществ. В 1910-е гг. в Уфе и Стерлитамаке местные мусульманские благотворительные организации тоже начали прибегать к такому способу получения дохода. Но прежде чем перейти к данному вопросу, обратимся к сюжетам, связанным с организацией и проведением Сабантуя в городах Уфимской губернии другими структурами.

Сабантуй как новое явление городской культуры. 22 мая 1911 г. в Уфе состоялся Сабантуй, приуроченный к 25-летию вступления в должность муфтия Мухамедьяра Султанова¹¹. Организацией и проведением Сабантуя занимался Комитет по празднованию юбилея оренбургского муфтия под председательством Х.-Г.Габаши¹².

Комитет был образован с разрешения министра внутренних дел, но его деятельность находилась под пристальным наблюдением местных властей. В своем письме министру внутренних дел П.А. Столыпину от 8 июня 1911 г. уфимский губернатор о проведенном в рамках юбилейных мероприятий Сабантуе сообщил следующее: «22 мая было устроено за городом народное гуляние (сабан-туй), в программу коего вошли скачки, бега и борьба на призы. Несмотря на то, что на гулянии присутствовало около 25000 человек, как местных, так и приезжих, гуляние прошло без всяких

¹¹ 2 января 1911 г. исполнилось 25 лет с момента вступления М. Султанова в должность оренбургского муфтия. Изначально планировалось отметить это событие в январе того же года, однако из-за болезни муфтия (с его согласия) празднование было перенесено на май (РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.520. Л.32, 89).

¹² РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.520. Л.63, 113–113 об.

инцидентов, хотя само собою разумеется, что немыслимо было иметь наряд полиции, пропорциональный этому количеству народу»¹³.

С 9 часов утра люди начали собираться на Сергиевской горе¹⁴. К 11 часам прибыли юбиляр, высшие должностные лица, включая губернатора и вице-губернатора [25, б.2]. Особое место в программе праздника¹⁵ заняли конные скачки [25, б.2]. После их завершения муфтий лично вручил призы победителям – серебряные часы, тюбетейку, шелковую материю¹⁶. Участники Сабантуя покинули майдан (место состязаний) в 5 часов вечера [25, б.2]. Так было положено начало новой для губернского города традиции.

В Стерлитамаке Сабантуй впервые был организован 25 и 26 мая 1914 г. [69, б.2] «Хотя в наши дни в Стерлитамаке жители и устраивали мелкие сабантуи (“*вак-төяк сабантуйлар*”), тем не менее праздника такого масштаба не было. Впервые намерены организовать [Сабантуй] члены клуба Ашказар¹⁷», – отмечала газета «Тормыш»¹⁸.

Сабантуй в 1913–1917 гг. в городах Уфимской губернии: традиции и инновации. В литературе отмечено, что в Казани и Оренбурге мусульманские благотворительные общества первыми применили новые подходы к проведению Сабантуя [21, б.201].

Анализ материалов татарских газет показал, что Уфимское попечительство о бедных мусульманах, взявшее на себя организацию Сабантуя в Уфе с 1913 г., активно использовало опыт единоверцев. Так, каждый год создавалась комиссия (комитет) по подготовке и проведению мероприятия, разрабатывался план его организации, который публиковался в местной газете «Тормыш». Таким образом, читатели имели возможность узнать как полную программу праздника, так и дату и место его проведения (важной составляющей мероприятия была также афиша) [21, б.205; 36, б.3; 38, б.4; 57, б.3; 62, б.3]. Вообще, одной из задач организаторов Сабан-

¹³ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д.520. Л.93–93 об.

¹⁴ Небольшой холм над р. Сутолокой, известная как Сергиевская гора. Свое название получил по имени храма [43, с.92].

¹⁵ Программа Сабантуя включила борьбу, бег, конные скачки, велосипедные гонки, выступление военного оркестра [9, б.139].

¹⁶ РГИА. Ф.821. Оп.133. Д. 520. Л.113.

¹⁷ По одним данным, клуб «Ашкадар» («*Ашказар*» клубы) был создан в Стерлитамаке в 1910 г. [Башдрамтеатр. URL: <http://new.sgtko.ru/category/bashdramteatr/> (дата обращения: 01.10.2025), по другим – в 1912 г. [10, б.166]. Его программа совпадала с программой Восточного клуба, основанного в Казани [48, б.3] в конце 1906 г. При клубе «Ашкадар» функционировала библиотека, издавался рукописный журнал «Алга» («Вперед»), под руководством Фахретдина Валидова работал музыкальный кружок. В здании городского электротeatра «Мираж» члены клуба ставили спектакли. Первый спектакль состоялся по пьесе Г.Камала «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша») осенью 1912 г. [10, б.165–167].

¹⁸ Газета «Тормыш» («Жизнь») издавалась в Уфе с 18 октября 1913 г. по апрель 1918 г.

туя было вовлечение максимального количества жителей города и его окрестностей в празднование.

После завершения Сабантуя его самые яркие моменты находили освещение на страницах периодической печати. Примечательно, что возрождение национального праздника (*милли бәйрәм*) в губернском центре вызвало положительную оценку в татарской прессе [19, б.3; 45, б.3; 69, б.2].

Кроме того, правление Общества публиковало в газетах отчеты о результатах проведения мероприятия, включая сведения о доходах и расходах. Судя по материалам периодической печати, на праздниках собирались значительные суммы. Собранные от продажи входных билетов, программ Сабантуя, напитков и еды в буфетах средства направлялись мусульманским благотворительным организациям. Например, в 1915 г. организаторы собрали 3530 руб. 60 коп., из которых чистая прибыль составила 1950 руб. 88 коп. [21, б.205]. В 1916 г. общая сумма собранных средств составила 5049 руб. 64 коп., по итогам праздника Общество получило чистую прибыль в размере 1749 руб. 93 коп. [16, б.4]. Таким образом, часть собранных средств направлялась на проведение Сабантуя, а остальное поступало в кассу Общества.

Празднование Сабантуя в Уфе продолжалось два дня (25–26 мая в 1913 и 1914 гг., 10–11 мая в 1915 г., 29–30 мая в 1916 г.). Программа Сабантуя включала как традиционные состязания – борьбу (*көрәш*), бег (по возрастным группам), силовые испытания (бой мешками на бревне, перетягивание каната, лазание на гладкий столб), конные скачки, так и современные – велосипедные гонки. Награждение победителей и призеров сопровождалось оркестром (это тоже было нововведением [21, б.201]).

Среди ценных подарков были позолоченные часы и ковер (конные скачки, 1-е место, 1-й заезд – 9 кругов, 25 мая 1913 г.), лошадь (конные скачки, 1-е место, 1-й заезд – 10 кругов, 26 мая 1913 г.), золотые часы (борьба, звание батыра, 26 мая 1913 г.), будильник, отрез материи и другие вещи (лазание на столб, 25 мая 1913 г.); чапан и самовар (конные скачки, 1-е место, 1-й заезд – 4 круга, 10 мая 1915 г.), настенные часы (борьба, 1-е место, 11 мая в 1915 г.); большой самовар (борьба, 1-е место, 30 мая в 1916 г.), коврик для намаза с вышивкой, женские и мужские платья, платок, денежный приз (3 руб.) и другие вещи (борьба, 2-е место, 30 мая в 1916 г.), денежный приз (15 руб., дополнительно от С.-Г. Джантюрина – 15 руб.) (конные скачки, 1-е место, 2-й заезд – 6 кругов, 29 мая 1916 г.), женские штиблеты, пальто и другие вещи (конные скачки, 2-е место, 2-й заезд – 6 кругов, 29 мая 1916 г.), денежный приз (25 руб.) (конные скачки, 1-е место, 1-й заезд – 5 кругов, 30 мая 1916 г.), кумган, чапан, каляпуш, поднос, женский головной убор (*кәттәҗи*), отрез материи (конные скачки, 2-е место, 1-й заезд – 5 кругов, 30 мая 1916 г.) и др. [37, б.2–3; 39, с.410; 41, б.2; 45, б.3; 64, б.3]. В целом организаторы Сабантуя старались дарить подарки всем отличившимся участникам состязаний, при этом среди них были мужчины разных вероисповеданий, возрастов и социальных групп. Так, в 1915 г. русский

парень (*рус егете*) одержал победу на велосипедных гонках в первый и во второй день и получил жетон чемпиона [37, б.3].

О проведении Сабантуя в губернском центре в 1917 г. у нас нет точных данных. Известно лишь, что в начале июня для организации праздника была создана комиссия [59, б.3], а на 5 июля того же года было назначено собрание Уфимского мусульманского благотворительного общества, где планировалось окончательно утвердить программу праздника [17, б.3].

Стерлитамакское мусульманское благотворительное общество организовывало Сабантуй трижды – в 1915 (9–11 мая), 1916 (29–30 мая), 1917 (?) гг. [14, с.78–79, 151]. В 1915 г. организаторы собрали около 1600 руб., чистая прибыль составила около 400 руб. [50, б.3].

Заключение. В Уфимской губернии в рассматриваемый период Сабантуй отмечался в двух городах – Уфе и Стерлитамаке. Исследование показало, что взаимодействие татарских купцов, дворян и религиозных деятелей – членов мусульманских благотворительных обществ – позволило сохранить и развить эту традицию.

С 1913 г. в Уфе, а с 1915 г. в Стерлитамаке вопросы организации и проведения народного праздника аккумулировались в руках местных мусульманских благотворительных обществ. Их стараниями программа мероприятий стала насыщеннее: появились новые явления в праздничной культуре татар. При этом данный праздник позволял мусульманским благотворительным организациям получать определенный доход. Сабантуй объединил представителей разных религий и этнических групп.

Таким образом, в 1910-е гг., благодаря мусульманским благотворительным организациям, Сабантуй приобрел особое значение. Ежегодный праздник в честь начала весенних полевых работ стал не только важным элементом татарской городской культуры, но и знаковым событием в жизни городов Уфимской губернии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1915 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1915. [1], 6, 184, 34, 50 с., 29 л.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1917. 172, 96 с., [2] л. доп., [32] л.
3. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1912. 293 с.
4. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа: Электрическая губернская типография, 1913. 369 с.
5. *Азаматова Г.Б.* Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. Уфа: Гилем, 2008. 136 с.
6. *Ахтямова А.В.* Женщина-мусульманка в контексте модернизационных процессов начала XX века (на материалах Уфимской губернии) // Из истории и

культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.68–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.68-88>

7. *Әхтәмов Хәбибулла*. Уфа жәмгыяте хәйриясенәң 15 еллык кыскача хисабы // Тормыш. 1914. 11 гыйнвар.

8. В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. 42, [4] с.

9. *Габәши Х.* Тәржемәи халемнән, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе // Фәнни Татарстан. 2015. №3. Б.118–149.

10. *Гәрәй Й.* «Каләм», «Нур», «Ашкадар» // Казан утлары. 1976. №3. Б.164–171.

11. Города России в 1910 году. СПб.: Типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1914. 1200 с.

12. Городские поселения в Российской империи: в 7 т. Т.3. СПб.: Тип. К.Вульфа, 1863. [4], VIII, 680, [4] с.

13. Дахили хәбәрләр // Вақыт. 1907. 3 май.

14. Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Татар мулласы Мөхәммәтгариф Рәмиев көндәлеге / сост. Р.Ф. Масагутов, пер. А.М. Гайнутдинов. Казань: Грумант, 2022. 180 с.

15. Жәмгыяте хәйрия һөнәр мәктәпләрендә // Тормыш. 1916. 4 сентябрь.

16. «Жәмгыяте хәйрия»сенәң идарәсе. 29–30 майларда Уфада булган Сабан туеның хисабы // Тормыш. 1916. 12 июнь.

17. Жәмгыяте хәйриясенәң жыены // Тормыш. 1917. 2 июль.

18. Жәмгыятә мәктәбендә // Тормыш. 1916. 20 сентябрь.

19. *Кәшфи*. Сабан туйлары // Тормыш. 1914. 30 апрель.

20. *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты: монография. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 446 с.

21. *Миңнуллин Ж.С.* Хәйрия жәмгыятләре тарихыннан // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. №2. Б.196–207.

22. Мөслимәләр жәмгыяте // Вақыт. 1908. 5 гыйнвар.

23. *Мөхбир*. «Стәрлетамак»тан // Тормыш. 1916. 15 март.

24. *Мөхбир*. Минзәләдә жәмгыяте хәйрия // Тормыш. 1916. 8 апрель.

25. *Нукайский*. Сабан туге // Вақыт. 1911. 29 май.

26. Отчет Уфимского мусульманского благотворительного общества за время с 29 ноября 1915 по 1 января 1916 года = Уфа мөселман жәмгыяте хәйриясенәң хисабы. 1915 нче елның 29 ноябреннән 1916 нчы елның 1 гыйнварына кадәр. Уфа: Электро-типография «Восточная печать», 1916. 8 с.

27. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1911 год. Уфа: Электрическая типография Т-ва «Печать», 1912. 10 с.

28. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1912 год. Уфа: Паровая типо-литография Н.В. Шаровкина, 1913. 15 с.

29. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1913 год. Уфа: Электро-типография «Восточная печать», 1914. 15 с.

30. Отчет Уфимского мусульманского дамского общества за 1914 год. Уфа: Электро-типография «Восточная печать», 1916. 11 с.

31. Отчет Уфимского попечительного о бедных комитета ведомства Императорского человеколюбивого общества за 1899 год. Уфа: Паровая типо-литография И.П. Зайкова, 1900. 45 с.

32. Отчет Уфимского попечительного о бедных комитета за 1878 год. Уфа: Печатня Н.Блохина, 1880. 35 с.
33. Памятная книжка по Оренбургскому учебному округу за 1878 г. Оренбург: Тип. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1878. 244, VII, V, IV с.
34. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1904. 189 с.
35. *Плешко С.П.* Краткий обзор цифровых данных по Уфимской губернии // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т.XLV. Уфимская губерния: тетрадь 2 (последняя). СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. С.III–XI.
36. Сабан туге // Тормыш. 1915. 14 апрель.
37. Сабан туге // Тормыш. 1915. 13 май.
38. Сабан туге // Тормыш. 1916. 27 май.
39. «Сабантуй» в Уфе // Мир ислама. 1913. Т.II. Вып. VI. С. 409–410.
40. *Сабирова З.Р.* Религиозная пропаганда в дореволюционный и послереволюционный периоды: на примере Большой Башкирии и БАССР (1900–1980-е) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2023. №2. С.63–70. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2023-0-2-63-70>
41. *Самад.* 29, 30 нчы майларда Уфа жәмгыяте хәйриясе файдасына булган Сабан туге // Тормыш. 1916. 1 июнь.
42. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа: Типография Уфимского губернского правления, 1868. [5], 15, 57, 119 с.
43. *Синенко С.Г.* Неторопливые прогулки по Уфе. Городской путеводитель. Уфа: Китап, 2010. 376 с.
44. *Синицкая О.А.* Башкирский праздник сабантуй в трудах ученых и исследователей // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. Вып. 59. №8 (337). С.106–110.
45. «Сиражы». Уфада Сабан туге // Йолдыз. 1913. 6 июнь.
46. *Солтанов Искәндәрбәк.* Мөслимәләр жәмгыяте // Вакыт. 1907. 28 декабрь.
47. Стәрлетамак // Вакыт. 1915. 9 гыйнвар.
48. Стәрлетамак // Сибиря. 1913. 6 март.
49. Стәрлетамак жәмгыяте хәйриясенә 1915 нче ел өчен булган хисабы // Тормыш. 1916. 28 февраль.
50. Стәрлетамактан // Тормыш. 1915. 4 июнь.
51. Стәрлетамактан // Тормыш. 1915. 23 декабрь.
52. *Таиров Н.И.* Татарские предприниматели Поволжья и Приуралья и национальные праздники. (2 пол. XIX – нач. XX вв.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. №1. С.125–128.
53. Устав Мензелинского мусульманского благотворительного общества = Минзәлә мөселман жәмгыяте хәйриясенә уставы. Уфа: Электро-типография «Восточная печать», 1916. 21 с.
54. Устав Уфимского мусульманского благотворительного общества. Уфа: Электро-типография «Турмуш», 1915. 15 с.

55. Устав Уфимского приюта престарелых мужчин и мальчиков магометан ведомства Императорского человеколюбивого общества. Уфа: Паровая типо-литография А.П. Зайкова, 1897. 8 с.

56. Уфа мөселманнары тарафыннан фәкыйр мөселманнарны тәрбия кылып өчен тәэсис ителмеш жәмгыятә хәйриясенә 1911 нче һәм 1912 нче еллардагы хисабы. Уфа: «Шәрәк» матбагасы, 1913. 38 б.

57. Уфа хәбәрләре // Тормыш. 1914. 9 май.

58. Уфа хәбәрләре // Тормыш. 1914. 29 май.

59. «Уфа жәмгыятә хәйрия»сенә жыены // Тормыш. 1917. 11 июнь.

60. Уфада // Тормыш. 1915. 15 май.

61. Уфада // Тормыш. 1915. 17 ноябрь.

62. Уфада // Тормыш. 1916. 11 май.

63. Уфада мөселман ханымнары жәмгыятә // Мәгълүмәтә мәхкәмәи шәрғияи Ырынбургия. 1908. №1. Б.12.

64. Уфада Сабан туге (Үз мөхбирләребездән) // Йолдыз. 1915. 20 май.

65. Үз мөхбирләребездән (Стәрлетамактан) // Тормыш. 1915. 30 апрель.

66. Х. Г. Яңа мөселман жәмгыятенә жыены // Тормыш. 1915. 1 декабрь.

67. *Шарапова И.Р.* Традиционная праздничная культура башкир: истоки, современное состояние и воспитательный потенциал // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т.1. №4. С.428–437. <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.4.048>

68. *Шарафутдинов Д.Р.* Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа: XIX – начало XXI в.: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004. 592 с.

69. *Шәриф Манат.* Милли бәйрәм // Тормыш. 1914. 29 май.

REFERENCES

1. *Address calendar of Ufa province and reference book for 1915.* Ufa: Electric provincial printing house Publ., 1915. 50 p. (In Russian)

2. *Address calendar of Ufa province and reference book for 1917.* Ufa: Electric provincial printing house Publ., 1917. 96 p. (In Russian)

3. *Address calendar of Ufa province for 1912.* Ufa: Electric provincial printing house Publ., 1912. 293 p. (In Russian)

4. *Address calendar of Ufa province for 1913.* Ufa: Electric provincial printing house Publ., 1913. 369 p. (In Russian)

5. Azamatova G.B. *Integration of the national nobility into Russian society: the case of the Tevkelev family.* Ufa: Gilem Publ., 2008. 136 p. (In Russian)

6. Akhtyamova A.V. Muslim woman in the context of modernization processes of the early 20th century (based on materials of the Ufa province). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.* 2025, vol.15, no.1, pp.68–88. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.68-88> (In Russian)

7. Akhtyamov Khabibulla. A brief report of the Ufa Charitable Society for 15 years. *Tormysh*, 1914, January 11. (In Tatar)

8. *In memory of the centenary of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, established in the city of Ufa.* St. Petersburg: Printing House of A.S. Suworin Publ., 1892. 42 p. (In Russian)

9. Gabyashi Kh. Some data of my biography, scientific and social activities. *Scientific Tatarstan*. 2015, no.3, pp.118–149. (In Tatar)
10. Garay Y. "Kalyam", "Nur", "Ashkadar". *Kazan utlary*. 1976, no.3, pp.164–171. (In Tatar)
11. *Cities of Russia in 1910*. St. Petersburg: N.L. Nyrkin Publ., 1914. 1200 p. (In Russian)
12. *Urban settlements in the Russian Empire: in 7 volumes*. Vol.3. St. Petersburg: K. Wulf Publ., 1863. 680 p. (In Russian)
13. Domestic politics news. *Vakyt*, 1907, May 3. (In Tatar)
14. *Diary of Tatar mullah Mukhammetgarif Rameev*. Compiled by R.F. Masagutov. Translated by A.M. Gaynutdinov. Kazan: Grumant Publ., 2022. 180 p. (In Russian and Tatar)
15. In the craft schools of the Charitable Society. *Tormysh*, 1916, September 4. (In Tatar)
16. The Board of the Charitable Society. Report on Sabantuy in Ufa on May 29–30. *Tormysh*, 1916, June 12. (In Tatar)
17. Muslim charity society meeting. *Tormysh*, 1917, July 2. (In Tatar)
18. At the Society School. *Tormysh*, 1916, September 20. (In Tatar)
19. Kashfi. Sabantuy. *Tormysh*, 1914, April 30. (In Tatar)
20. Koshman L.V. *City and urban life in Russia in the 19th century: social and cultural aspects*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 448 p. (In Russian)
21. Minnullin Z.S. Excerpts on the history of charitable societies. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2018, no.2, pp.196–207. (In Tatar)
22. Muslim women's society. *Vakyt*, 1908, January 8. (In Tatar)
23. Mokhbir. From Sterlitamak. *Tormysh*, 1916, March 15. (In Tatar)
24. Mokhbir. Muslim charitable society in Menzelinsk. *Tormysh*, 1916, April 8. (In Tatar)
25. Nukaysky. Sabantuy. *Vakyt*, 1911, May 29. (In Tatar)
26. *Report of the Ufa Muslim Charitable Society for the Period from November 29, 1915 to January 1, 1916*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1916. 8 p. (In Russian and Tatar)
27. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1911*. Ufa: Print partnership Publ., 1912. 10 p. (In Russian)
28. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1912*. Ufa: N.V. Sharovkin Publ., 1913. 15 p. (In Russian)
29. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1913*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1914. 15 p. (In Russian)
30. *Report of the Ufa Muslim Ladies' Society for 1914*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1916. 11 p. (In Russian)
31. *Report of the Ufa Committee for the Care of the Poor of the Imperial Philanthropic Society for 1899*. Ufa: A.P. Zaikov Publ., 1900. 45 p. (In Russian)
32. *Report of the Ufa Committee for the Care of the Poor for 1878*. Ufa: N. Blokhin Publ., 1880. 35 p. (In Russian)
33. *A commemorative book on the Orenburg educational district for 1878*. Orenburg: I.I. Evfimovskiy-Mirovitskiy Publ., 1878. 244 p. (In Russian)

34. *First general census of the population of the Russian Empire in 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol.45. Ufa Province: notebook 2 (last). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 189 p. (In Russian)

35. Pleshko S.P. Brief overview of digital data on the Ufa province. *First general population census of the Russian Empire of 1897*. Ed. by N.A. Troinitsky. Vol.45. Ufa Province: notebook 2 (last). St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. Pp.3–11. (In Russian)

36. Sabantuy. *Tormysh*, 1915, April 14. (In Tatar)

37. Sabantuy. *Tormysh*, 1915, May 13. (In Tatar)

38. Sabantuy. *Tormysh*, 1916, May 27. (In Tatar)

39. Sabantuy in Ufa. *World of Islam*. 1913, vol.2, no.6, pp.409–410. (In Russian)

40. Sabirova Z.R. Religious propaganda in the pre-revolutionary and post-revolutionary periods: on the example of Greater Bashkiria and BASSR (1900–1980s). *Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology*. 2023, no.2, pp.63–70. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2023-0-2-63-70> (In Russian)

41. Samad. Sabantuy in favor of the Ufa Charity Society on May 29, 30. *Tormysh*, 1916, June 1. (In Tatar)

42. *Collection of statistical, historical and archaeological information on the former Orenburg and current Ufa provinces, collected and developed during 1866 and 1867*. Ed. by N.A. Gurvich. Ufa: Ufa Provincial Statistical Committee Publ., 1868. 119 p. (In Russian)

43. Sinenko S.G. *Leisurely walks in Ufa. City guide*. Ufa: Kitap Publ., 2010. 376 p. (In Russian)

44. Sinitskaya O.A. Bashkir holiday Sabantuy in the works of scientists and researchers. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2014, Issue 59, no.8 (337), pp.106–110. (In Russian)

45. Sirazi. Sabantuy in Ufa. *Yulduz*, 1913, June 6. (In Tatar)

46. Sultanov Iskanderbek. Muslim Women's Society. *Vakyt*, 1907, December 28. (In Tatar)

47. Sterlitamak. *Vakyt*, 1915, January 9. (In Tatar)

48. Sterlitamak. *Sibiriya*, 1913, March 6. (In Tatar)

49. Report of the Sterlitamak Charitable Society for 1915. *Tormysh*, 1916, February 28. (In Tatar)

50. From Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, June 4. (In Tatar)

51. From Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, December 23. (In Tatar)

52. Tairov N.I. Tatar entrepreneurs of the Volga and Ural regions and national holidays (second half of the 19th – early 20th centuries). *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2015, no.1, pp.125–128. (In Russian)

53. *Charter of the Menzelinsky Muslim Charitable Society*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1916. 21 p. (In Russian and Tatar)

54. *Charter of the Ufa Muslim Charitable Society*. Ufa: Turmush Eastern Printing Publ., 1915. 15 p. (In Russian)

55. *Charter of the Ufa shelter for elderly Muslim men and boys, department of the Imperial Philanthropic Society*. Ufa: A.P. Zaikov Publ., 1897. 8 p. (In Russian)

56. *Report of the charitable society created by Ufa Muslims to help poor Muslims, for 1911 and 1912*. Ufa: Eastern Printing Publ., 1913. 38 p. (In Tatar)

57. Ufa news. *Tormysh*, 1914, May 9. (In Tatar)

58. Ufa news. *Tormysh*, 1914, May 29. (In Tatar)

59. Meeting of the Charitable Society. *Tormysh*, 1917, June 11. (In Tatar)
60. In Ufa. *Tormysh*, 1915, May 15. (In Tatar)
61. In Ufa. *Tormysh*, 1915, November 17. (In Tatar)
62. In Ufa. *Tormysh*, 1916, May 11. (In Tatar)
63. Ufa Muslim Ladies' Society. *Maglyumate makhkamai shargyyai Yrynburiya*. 1908, no.1, p.12. (In Tatar)
64. Sabantuy in Ufa. From our correspondents. *Yulduz*, 1915, May 20. (In Tatar)
65. From our correspondent. From Sterlitamak. *Tormysh*, 1915, April 30. (In Tatar)
66. Kh.G. Meeting of the New Muslim Society. *Tormysh*, 1915, December 1. (In Tatar)
67. Sharapova I.R. Traditional festive culture of Bashkirs: origins, current state and educational potential. *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*. 2024, vol.1, no.4, pp. 428–437. <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.4.048> (In Russian)
68. Sharafutdinov D.R. *Historical roots and development of traditional culture of the Tatar people: 19th and 20th centuries. Dissertation of a Doctor of Historical Sciences*. Kazan, 2004. 592 p. (In Russian)
69. Sharif Manat. National holiday. *Tormysh*, 1914, May 29. (In Tatar)

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

About the author:

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0076-0731; e-mail: alsu_was@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 03.11.2025

Принята к публикации / Accepted 20.11.2025

УДК 821.512.122-3

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.128-140>

Казанский союз поэтов и перевод татарской литературы на русский язык в начале 1920-х годов

А.Т. Сибгатуллина

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается деятельность Казанского союза поэтов – малоизученного литературного объединения, существовавшего в Казани в начале 1920-х годов. Особое внимание уделяется переводам татарской литературы на русский язык, осуществлявшимся в рамках Союза, а также фигуре П.А. Радимова (1887–1967) как организатора этой работы. На основе публикаций в журнале «Печать и революция», «Литературной газете», воспоминаний современников и анализа переводов показывается, что Союз сыграл важную роль в становлении литературного диалога между татарскими и русскими писателями в условиях раннесоветской культурной политики. Представленные материалы позволяют по-новому взглянуть на процессы межнационального литературного взаимодействия в первые послереволюционные годы.

Ключевые слова: Казанский союз поэтов, П.А. Радимов, перевод татарской литературы, литературные связи, Казань, раннесоветская культура, межнациональный диалог

Для цитирования: Сибгатуллина А.Т. Казанский союз поэтов и перевод татарской литературы на русский язык в начале 1920-х годов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.128–140. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.128-140>

Kazan Union of Poets and translation of Tatar literature into Russian in the early 1920s

A.T. Sibgatullina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

The article examines the activities of the Kazan Union of Poets – a little-studied literary association that existed in Kazan in the early 1920s. Special attention is given to the translations of Tatar literature into Russian carried out within the framework of the Union, as well as to the figure of P.A. Radimov (1887–1967), who acted as the main organizer of this work. Based on publications in the journals "Press and Revolution" and "Literary newspaper", memoirs of contemporaries and analysis of translations, it is

shown that the Union played an important role in the formation of a literary dialogue between Tatar and Russian writers in the context of early Soviet cultural policy. The presented materials allow us to take a fresh look at the processes of interethnic literary interaction in the first post-revolutionary years.

Keywords: Kazan Union of Poets, P.A. Radimov, translation of Tatar literature, literary contacts, Kazan, early Soviet culture, interethnic dialogue

For citation: Sibgatullina A.T. Kazan Union of Poets and translation of Tatar literature into Russian in the early 1920s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.128–140. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.128-140> (In Russian)

В первой половине 1920-х гг. в Казани происходил активный поиск новых форм литературной организации: от отдельных кружков шел переход к более крупным объединениям. Наиболее ярко этот процесс проявился в деятельности Пролеткульта, который стремился утвердить «чисто» пролетарскую культуру и все больше претендовал на монополию в сфере литературы. Агрессивная позиция Пролеткульта, его отказ от культурного наследия и стремление изолировать пролетарских писателей от остальной интеллигенции вызвали недовольство, что привело к выходу из него части литераторов и созданию ряда самостоятельных объединений. Это сопровождалось ожесточенными дискуссиями о роли классовости, народности, реализма и мировоззрения в искусстве. К сожалению, история литературных объединений 1920-х гг. в Казани до сих пор остается малоизученной. Одной из таких практически забытых организаций был Казанский союз поэтов, деятельность которого, судя по редким упоминаниям в печати, включала не только творческую работу, но и активную переводческую практику. Наше внимание на этот Союз было обращено благодаря статье В. Ключевой, опубликованной в 1923 г. в журнале «Печать и революция» [6]. В этом очерке Вера Ключева (1894–1964), впоследствии ставшая известной поэтессой и переводчицей, пишет: «Стремление ознакомиться с татарской литературой, путем перевода ее лучших произведений, возникло совсем недавно. Почин в этом отношении сделал Казанский союз поэтов, организовавшийся в 19 году. Председатель союза П.А. Радимов ревностно принялся за пропаганду этой идеи, в результате чего вышло из печати несколько образцов творчества наиболее крупных татарских писателей и поэтов и был разработан план дальнейшего издательства» [6, с.222].

О существовании Казанского союза поэтов, в частности, упоминается в письме видного поэта и журналиста Александра Безыменского (1898–1973), опубликованном Л.Бушканец в альманахе «Казань». Приведем это письмо почти целиком, поскольку оно отражает творческую атмосферу как в самом Союзе, так и в Казани в целом: «...Прибыл я в Казань в ноябре 1919 г., направленный туда Политическим управлением Красной Армии на работу лектора политработы Казанского военно-инженерного Тех-

никума. Как только я обосновался в техникуме, как только вошел в русло партийной работы (я был избран членом Казанского городского комитета партии) и установил связь с Казанским губкомом комсомола и его газетой (“Клич юного Коммунара”), – встретился я с представителями Казанского союза поэтов. Встреча произошла в газете “Знамя революции”, которую редактировал старый большевик и всеми нами уважаемый писатель Владимир Дмитриевич Бахметьев. Нельзя себе вообразить более разных людей и более разных литературных традиций, чем те, которые были представлены в Казанском союзе поэтов (председателем был П.Радимов, членами союза – М.Нечкина, В.Клюева, Л.Бать и ряд молодых литераторов). Но поскольку это были безусловно советские люди, я не подумал о создании отдельного объединения пролетарских писателей, и вошел в Казанский союз поэтов, чтобы, не распыляя сил, создать крепкое литературное объединение, внутри которого надо будет постараться привлечь к работе и воспитать писателей, идущих из пролетарских низов.

Работа протекала очень успешно. Заседания союза поэтов были интересными, живыми. Спорили мы жарко, искренне отстаивая свои мнения. Я почти не помню закрытых заседаний, посвященных каким-либо “оргвопросам”. В присутствии многих людей мы читали стихи, обсуждали произведения москвичей и петроградцев, делали доклады на самые разные темы. Очень часто бывали открытые вечера в различных аудиториях, главным образом в университетской и рабочей. Мы выезжали на заводы в окрестностях Казани. Само собой разумеется, что я сотрудничал в газетах “Знамя революции” и “Клич юного коммунара”. Несколько стихотворений моих было напечатано в центральном органе ЦК РКСМ, – в журнале “Юный коммунист”. Внутри Казанского союза поэтов я отстаивал идеи пролетарской литературы и много работал с молодыми рабочими поэтами. В конце 1920 г. в Казани был издан первый сборник моих стихов “Октябрьские зори”. Я часто выступал со стихами на партийных собраниях и митингах. Устраивались вечера моего творчества...» [2, с.54].

Таким образом, Казанский союз поэтов был образован в 1919 г. в самый сложный период гражданской войны и культурного перелома. Несмотря на нестабильную политическую обстановку, в Казани наметилось формирование круга русских и татарских литераторов, стремившихся к сотрудничеству и культурному обмену. Создание Союза поэтов было отчасти вдохновлено идеей литературной интеграции, которую поддерживали представители новой советской власти: она предполагала взаимное сближение национальных литератур через перевод, издание и популяризацию художественных текстов на русском языке. Именно в этот период выпускник филологического факультета Казанского университета, уже состоявшийся поэт и художник Павел Александрович Радимов (1887–1967) активно включился в культурную и организационную деятельность. Его фигура стала связующим звеном между русскоязычными поэтами, проживавшими в Казани, и татарской интеллигенцией, активно участво-

вавшей в формировании новой культурной политики в начале 1920-х гг. Особенно значимым было его сотрудничество с Галимджаном Шарафом (1896–1950), выдающимся филологом, переводчиком и общественным деятелем, сыгравшим ключевую роль в развитии татарской литературы и науки в раннесоветский период. Павел Радимов, прожив в Казани более двух десятилетий, проявил себя не только как талантливый художник, создававший живописные виды Волги и проникновенные портреты татарского народа, но и как поэт и культуролог, глубоко изучавший татарскую литературу. Его творческая деятельность была тесно связана с культурной жизнью региона, что позволило ему проникнуться духом местной традиции и народного творчества. Благодаря этому, П.Радимов смог не просто визуально запечатлеть образы Поволжья, но и внести значимый вклад в осмысление и популяризацию татарской поэзии и литературного наследия, став мостом между русской и татарской культурами в начале XX в. О своем первом знакомстве с творчеством татарского поэта П.Радимов вспоминал годы спустя следующим образом: «В год смерти Тукая (в 1913 году) я жил в Казани и преподавал литературу во 2-м реальном училище. В то время я еще не был знаком с Тукаем лично. Татарские юноши, ученики училища, рассказывали мне о своем любимом поэте и познакомили с некоторыми его произведениями. 2 апреля 1913 г. я очень ясно почувствовал, что смерть Габдуллы Тукая стала для всего татарского народа глубокой и тяжелой утратой. В 1920 г. я впервые перевел на русский язык несколько стихотворений Тукая. Думаю, что эти мои переводы стали скромным вкладом в великое дело Тукая и в великое дело братского культурного сближения народов Советского Союза». Он также вспоминал, как С.Есенин, прочитав в его переводе стихотворение Тукая «Униженная», был потрясен и воскликнул: «Какой он большой поэт!» [7].

В состав Казанского союза поэтов, надо полагать, входили главным образом не коренные поэты, т.е. уроженцы Казанской губернии, а приезжие студенты и выпускники казанских высших учебных заведений. Среди них, прежде всего, выделяется сама Вера Ключева, автор вышеуказанной статьи «О татарской литературе» в журнале «Печать и революция». Выпускница филологического факультета Казанского университета, В.Ключева проявила себя как яркая фигура в русскоязычной поэтической среде Казани. Ее стихотворения публиковались еще в период Гражданской войны, в частности, в однодневной газете «Народная армия» (август 1918), а также в поэтическом сборнике «Провинциальная муза» (Казань, 1918). Кроме того, она писала рецензии и литературные заметки для журнала «Казанский библиофил». В начале 1920-х гг. В. Ключева издала сборник оригинальных стихов под названием «Акварели» и книгу переводов произведений бельгийского поэта-символиста Эмиля Верхарна. Ее имя было хорошо известно в поэтических кругах Казани; молодая, талантливая, интеллектуально одаренная поэтесса вызывала симпатию и восхищение у современников своей социальной активностью: на рабфаке университета она пре-

подавала русский язык и литературу, там же вела литературный кружок, переводила с татарского и европейских языков, активно выступала перед рабочей молодежью. В апреле 1922 г. ее приняли во Всероссийский союз писателей, и она переехала в Москву.

В Союзе поэтов другой видной фигурой была Милица Нечкина (1899–1985), которая в 1921 г. окончила историко-филологический факультет Казанского университета и была оставлена для дальнейшей научной подготовки (впоследствии она стала доктором исторических наук, академиком Академии наук СССР). До отъезда из Казани в 1924 г. она активно выступала на поэтических вечерах с докладами о поэзии, читала собственные стихи, также преподавала на рабфаке.

Хотя основной акцент Союза был сосредоточен на развитии современной поэзии, включая такие новаторские направления, как имажинизм, футуризм и другие авангардные течения, значительное внимание также уделялось созданию художественных переводов татарской литературы на русский язык. В задачи переводчиков входило не только адекватное воспроизведение текстов, но и передача их культурного контекста, интонации, национального колорита. Среди переводимых авторов были Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов, Фатхи Бурнаш, Сагит Рамеев, Захида Бурнашева и другие. Члены Союза стремились представить русскоязычному читателю как дореволюционные произведения татарской литературы, так и новые тексты, отражающие общественные и духовные поиски своего времени. Можно предположить, что отбор авторов и произведений татарской литературы для перевода, а также подготовка подстрочных переводов художественных текстов велись непосредственно Г.Шарафом или осуществлялись под его научным и редакторским руководством. Учитывая его филологическую подготовку, глубокое знание татарского литературного наследия, именно Г.Шараф, вероятно, определял тематические и идеологические рамки публикуемых текстов, стремясь представить как художественное, так и историко-культурное значение татарской словесности. В статье В.Клюевой прослеживается отчетливый интерес к татарской литературе как к живой и самобытной традиции, заслуживающей серьезного внимания. Несмотря на то, что поэтесса не владела татарским языком и опиралась на переводы, ее аналитический подход отражает общее направление работы Казанского союза поэтов: не просто переводить, но и интерпретировать, вписывая татарскую литературу в широкий контекст культуры Востока и Советского Союза. Автор проводит параллели между развитием татарской и русской литератур, сопоставляя, в частности, татарскую литературу конца XIX в. с русской литературой петровской эпохи. В этом контексте она отмечает: «Имя Тукаева у татар равносильно имени Пушкина у нас», а «имя С.Рамеева можем сопоставить с именем Лермонтова» [6, с.222–223], подчеркивая тем самым значение Тукая и Сагита Рамеева как фигур национального масштаба.

Союз поэтов активно сотрудничал с «Литературной газетой», выходившей в Казани два раза в месяц в 1921–1922 гг. Это сотрудничество носило как организационный, так и творческий характер: в состав редколлегии издания входили ведущие члены Союза: П.Радимов, А.Ланэ, С.Полоцкий, М.Нечкина, В.Клюева и др. На страницах газеты регулярно публиковались их поэтические произведения, критико-литературные статьи, рецензии и переводы. Через газету осуществлялись также продвижение и реклама их изданий, а сама она служила важной площадкой для обсуждения проблем литературного перевода, взаимодействия русской и татарской культур, а также вопросов идеологии, стиля и художественного метода. Как указывает Ф.Галимуллин, здесь регулярно появлялись произведения татарских писателей и поэтов, освещались события республиканской литературной жизни и культурной хроники. Специально для издания на русский язык переводились тексты современных татарских авторов [4, с.197]. Газета, с которой активно сотрудничал Союз поэтов, пользовалась популярностью не только в Казани, но и за ее пределами: ее читали в Москве и Петрограде. Благодаря остроте публикуемых материалов, открытой литературной полемике и относительной свободе выражения, она стала интересной площадкой для молодых авторов и переводчиков. Возможно, именно по этой причине, в условиях усиливающейся цензуры, издание оказалось под пристальным вниманием властей. В начале 1922 г. газета была закрыта, предположительно по политическим мотивам.

П.А. Радимов, в одно время занимавший пост заведующего местным Наркомпросом, сумел наладить активное сотрудничество Союза поэтов с казанскими полиграфическими предприятиями, в первую очередь, со 2-й Государственной типографией. Благодаря его усилиям именно здесь были изданы его собственные поэтические сборники «Деревня» (1922) и «Полиада» (1922), а также переводы с татарского языка, сыгравшие важную роль в продвижении татарской литературы среди русскоязычной аудитории. В числе таких переводов П. Радимова: избранные стихотворения Габдуллы Тукая под заглавием «Узюлган умид» (Разбитая надежда) (1920), народная сказка «Коза и баран» (1921), а также вотская сказка «Старик и липа, или Отчего по свету пошли медведи» (1922). Поэма Захиды Иффат «Зора Юлдуз» («Зөһрә йолдыз»), пьеса Фатхи Бурнаша «Тахир и Зухра» в переводе В.Клюевой также были опубликованы в 1922 г. в этой типографии. Заметим, что члены Союза поэтов при работе над переводами стремились сохранить оригинальные названия татарских произведений, тем самым подчеркивая их национальную специфику и культурную самобытность. В числе таких примеров: «Узюлган умид» Г.Тукая, «Ишчи» М.Гафури, «Зора Юлдуз» З.Иффат и др.

Название Казанского союза поэтов зафиксировано и в качестве издателя на титульных листах ряда поэтических сборников, книг и брошюр, вышедших в Москве в начале 1920-х гг.: сборник стихов разных авторов «Красочные пятна» (Москва; Казань: Союз поэтов, 1920), произведения

Ария Ланэ (1894–?) «Революция революций. Стихо-секунды» (Москва; Казань: Союз поэтов, 1920), его же «Века в минутах» (Москва; Казань: Союз поэтов, 1921) и др.

Официальных документов о создании и составе Казанского союза поэтов не сохранилось или они до сих пор не введены в научный оборот. Однако упоминания в публикациях позволяют предположить, что Союз был организован как площадка для взаимодействия татарских и русских поэтов, стремившихся донести татарскую словесность до русскоязычного читателя. Особенно важно, что переводы, созданные в рамках этой инициативы, распространялись через центральные журналы и издательства, получая оценки таких авторитетных востоковедов, как В.Гордлевский [5] и А. Самойлович [9]. В.Гордлевский на страницах журнала «Восток», выходившего под эгидой издательства «Всемирная литература», внимательно следил за книжными новинками на тюркских языках в стране и за рубежом. Тем не менее он с сожалением отметил, что упустил из виду переводы татарских авторов, выполненные П.Радимовым: «Как-то незаметно прошли эти небольшие, аккуратненькие книжки, открывавшие серию “Народной библиотеки”». Замечая, что некоторые из произведений Тукая, такие как «Разбитая надежда», «Шурале», «Униженная» в прозе, были уже переведены Н.Ашмариним и Г.Акчуриным и вышли в «Восточном сборнике в честь А.Н. Веселовского» (Москва, 1914), В.Гордлевский выражает свою удовлетворенность поэтическими переводами П. Радимова. Он подчеркивает, что тон национального татарского поэта – «то грустно-мечтательный, то игриво-забавный, – и эквивалентный ритм – то тягуче-медленный, то быстрый, как стук фабричной машины», – переданы П.Радимовым «прекрасно (местами он, как будто, подражает стиху Кольцова)». Сборнику стихотворений предпосланы вводные статьи (Вл. Бахметьева и Г.Шарафа), раскрывающие современные, социальные мотивы поэзии Г.Тукая. При этом критик не обходит вниманием и недостатки: «Примечания П.Радимова могли бы быть точнее; очевидно, переводчик татарским языком не владеет, а пользуется объяснениями татар... В. Ключева перевела менее удачно (нам, по крайней мере, меньше понравилось) поэму-легенду о девушке, обращенной в звезду» [5]. Он также критически отзывался об иллюстрациях, полагая, что их можно было бы смело отбросить, а освободившееся место использовать для увеличения объема тетрадей.

Завершая рецензию, В.Гордлевский подчеркивает, что желание познакомить русскую публику с творчеством соседних восточных народов, входящих в жизнь через русскую культуру, заслуживает всяческой похвалы. Он выражает надежду, что задуманный сборник «Песни народов Поволжья» и переводы из поэтов С.Рамеева, Гафури, Бурнашева и других также, наконец, увидят свет.

Этот отзыв представляет собой ценное свидетельство о первых попытках перевода татарской поэзии на русский язык в рамках государственной культурной политики 1920-х гг. Указанные замечания свидетельствуют о

высоком уровне требований и ожиданий со стороны рецензента, что, в свою очередь, подчеркивает серьезность отношения к публикации произведений национальных поэтов.

А.Самойлович в своей рецензии на книгу Дж. Валиди «Очерк образованности и литературы волжских татар» (Москва – Петроград, 1923) обращает внимание не только на содержание самого издания, но и на более широкий издательский замысел. Он пишет: «Судя по титульному листу, Госиздатом предпринята серия книжек “Татарская литература в переводах П.Радимова и Галимджана Шарафа”. Очерк Джамаль-эддина Валидова, по-видимому, служит как бы введением к этой серии» [9, с.183]. Таким образом, рецензент видит в книге Дж. Валиди не просто самостоятельное сочинение, а своего рода пролог к более масштабному просветительскому проекту, направленному на приобщение русскоязычного читателя к богатствам татарской словесности. При этом ученый не обходит вниманием ряд недочетов, допущенных автором и издательством, включая научные неточности, стилистические шероховатости и опечатки. Однако его критика носит доброжелательный и конструктивный характер. В заключении он выражает уверенность в значимости серии и надежду на ее развитие: «Признавая серию “Татарская литература” весьма полезной и желательной, надеемся, что последующие ее выпуски не заставят себя долго ждать и что они менее, чем настоящий выпуск, будут нуждаться в исправлениях» [9, с.184]. Эти слова отражают как поддержку самого начинания, так и ожидание повышения качества будущих публикаций.

Как сообщает «Литературная газета» от 20 февраля 1922 г., «Казанский союз поэтов предложил Государственному издательству издать ряд произведений татарских авторов в переводе местных литературных сил. Серия изданий рассчитана на 60 печатных листов... Одновременно с этим часть издания татарской литературы в объеме 100 печатных листов берет на себя Московское государственное издательство» [3, с.4]. Особый интерес представляет сам масштаб издательских планов Союза: заявленные в сообщении «Литературной газеты» цифры – 60 и 100 печатных листов – свидетельствуют о значительном объеме задуманной работы в сфере перевода и популяризации татарской литературы, а также позволяют предположить, что Союз поэтов уже располагал подготовленными переводами или, по крайней мере, текстами, находящимися в активной стадии литературной обработки. К тому же В.Клюева в своей статье указывала, что Союз поэтов планирует публикацию и «критико-литературных статей известного культурного деятеля у татар Г.Шарафа» [6, с.222]. Однако последовавшее ужесточение идеологического контроля, усиление цензуры и централизация культурной политики могли помешать полноценной реализации этих проектов. Мы вправе предположить, что некоторые переводы были отложены, переработаны или вовсе не увидели свет. На такую мысль, в частности, наводит история со «Сборником татарской литературы», опубликованным в Москве под редакцией П.А. Радимова [10]: веро-

ятно, этот сборник был задуман еще в 1920-х гг. до отъезда П.Радимова из Казани, но в изменившихся условиях был реализован лишь в 1931 г.

Данный сборник переводов татарской литературы, выпущенный Государственным издательством художественной литературы, представляет собой одну из первых советских антологий, посвященных представлению дореволюционного татарского литературного наследия русскоязычному читателю. Несмотря на значимость издания, оно практически неизвестно в современной татарской филологии и редко упоминается в научных исследованиях. Хотя имя Г.Шарафа отсутствует в официальных библиографических данных издания, его участие в подготовке сборника не вызывает сомнений. В предисловии «От составителя» Павел Радимов подчеркивает: «Самое близкое участие в работе над этим сборником принимал Галимджан Шараф» [10, с.3]. Эти слова находят подтверждение и в автобиографических свидетельствах самого Г.Шарафа: в «Автобиографии» 1926 г. он сообщает, что в Москве была издана «История татарской образованности и литературы» Дж. Валидова под его (совместной с П.Радимовым) редакцией и что к тому моменту в печать было сдано до 100 печатных листов переводов татарской литературы [8, с.279].

Факт подготовки столь масштабного издания в столице свидетельствует не только о высокой оценке дореволюционного литературного наследия, но и о стремлении его составителей интегрировать татарскую культуру в общее советское культурное пространство. Содержание антологии подобрано с акцентом на выдающихся представителей татарской поэзии и прозы: в сборник вошли десять стихотворений и фрагмент из поэмы «Шурале» Габдуллы Тукая, четырнадцать стихотворений Сагита Рамеева, поэма Мажита Гафури «Рабочий», произведения Дардеменда, Захиды Бурнашевой, Шейхзаде Бабича, Фатхи Бурнаша, рассказы Галимджана Ибрагимова, Фатиха Амирхана, Газиза Губайдуллина, Шарифа Камала, Шагита Ахмадиева и Гали Рахима.

Вступительная статья, предворяющая сборник, написана Петром Семёновичем Коганом (1872–1932), известным литературоведом, профессором МГУ и активным участником формирования советской культурной политики. Антология, по его словам, охватывает период между революцией 1905 г. и Октябрьской революцией, т.е. время, когда формировался современный литературный татарский язык. На тринадцати страницах автор вступительной статьи с искренним энтузиазмом и уважением описывает татарскую литературу как яркое и перспективное явление национальной культуры. Он не только подчеркивает ее художественную ценность, но и старается включить ее в более широкий мировой контекст, проводя параллели с классиками европейской литературы. Так, легенда Ф.Бурнаша «Коркуд» напоминает ему «известное стихотворение Гейне», поэзия Сагита Рамеева вызывает в памяти «скорбные песни Леопарди или проклятья Байрона», в стихотворении Ш.Бабича, по его мнению, «есть что-то от Гейне», а лирика Дардеменда по настроению и силе образов напоминает

ему «Буревестника» Горького. Эти сравнения не случайны: автор стремится показать, что татарская литература конца XIX – начала XX в. не только оригинальна, но и способна вступать в равноправный диалог с выдающимися произведениями мировой словесности. П.Коган подчеркивает, что после революции татарская литература «быстро идет по пути дальнейшего обогащения и усовершенствования», и утверждает, что ее представители – «писатели пытливого ума и чуткой совести» – поднимают острые социальные, моральные и психологические вопросы, актуальные не только в татарской, но и в русской литературе.

После чтения статьи П.Когана остается впечатление, что она была написана сразу после ознакомления с переводами, т.е. в середине 1920-х гг., в период еще относительной идеологической свободы и культурного оптимизма. К началу 1930-х гг. в СССР усилилась цензура, утвердилась доктрина социалистического реализма, а к дореволюционному наследию и писателям, не соответствующим идеологическим требованиям времени, стали относиться с подозрением. В этой обстановке даже такой уважаемый литературовед, как П.Коган, вряд ли позволил бы себе столь возвышенные и однозначно положительные оценки творчества национальных писателей, живших до революции.

В кратком предисловии «От составителя» П.А. Радимов не только подводит итоги проделанной по переводам работы, но и делится планами на будущее. Он сообщает о подготовке нового сборника, в котором предполагалось представить творчество татарских писателей, сформировавшихся уже в советский период: «Следующий сборник по татарской литературе должен ознакомить русского читателя с творчеством, насыщенным содержанием революционной эпохи». В этом контексте П.Радимов перечисляет «ряд новых имен», ставших знаковыми для литературы 1920-х гг.: «Такташ, Наджми, Усманов, Максуд, Гумеров, Сайфи, Гали, Юлтый, Джелаль, Мансур и др.» [10, с.3]. Это свидетельствует о том, что составитель видел в татарской советской литературе не только преемственность с дореволюционным наследием, но и новое идейное и художественное содержание, достойное внимания широкого читателя. Упоминание этих имен также отражает стремление П.Радимова охватить более широкий спектр литературных голосов и продемонстрировать динамичное развитие национальной словесности в условиях новой эпохи.

Однако этим амбициозным замыслам не суждено было осуществиться: первый сборник, как уже было указано, вышел лишь в 1931 г. в значительно сокращенном объеме, а судьба второго – неизвестна.

Уже в 1932 г. в журнале «Революционный Восток» появилась разоблачительная статья Илиаса Алкина (1895–1937), в которой указанный выше сборник подвергся резкой критике [1] (см. о ней: [11]). П.Радимов обвинялся в идеологической «контрабанде» дореволюционных взглядов под видом прогрессивной литературы, а сам подбор текстов трактовался как несоветский по духу. Попытки включить татарскую литературу в со-

ветский культурный канон, предпринятые Казанским союзом поэтов и его руководителем П.А. Радимовым при активном участии Г.Шарафа и П.С. Когана, столкнулись с обвинениями в идеализации прошлого и отходе от принципов марксистской методологии. В условиях усиления идеологического контроля и репрессивной культурной политики 1930-х гг. такие инициативы были признаны несовместимыми с задачами советской литературы и фактически свернуты. Тон вступительной статьи П.С. Когана и «разоблачений» И.Алкина кажется кардинально противоположным. Московский ученый выбирает спокойный, академический ритм изложения, опираясь на факты и выверенные суждения, приглашая читателя к совместному размышлению. Его интерес к дореволюционной литературе носит, в первую очередь, эстетический характер: он ищет в ней художественную ценность, красоту формы, внутреннюю гармонию текстов. И.Алкин же подходит к тому же материалу как к полю идеологической борьбы: для него даже дореволюционная литература становится ареной, где необходимо выявить и заклеить «классового» врага. Отсюда его резкая, обличительная манера, насыщенная эмоциональным напором и политической риторикой. Поэтому присутствует не только контраст в стилях изложения мысли, но и глубокое расхождение в целях: тихий анализ эстетики противостоит агрессивной риторике поиска врага в культурном наследии.

И.Алкин утверждает, что П.С. Коган стал выразителем взглядов крупной татарской буржуазии, попав под влияние П.Радимова, Г.Шарафа и книги Дж. Валидова. По его мнению, влияние Дж. Валидова проявляется не только в оценках, но и в подборе авторов для «Сборника»: «Неудобно белоэмигранта Гаяза Исхакова преподнести, если не революционным, то во всяком случае лояльно причисленным писателем, поэтому его исключили из “Сборника”», а пролетарские писатели (например, Гафур Кулахметов) отсутствуют, поскольку их тексты противоречили «национал-шовинистической идеологии, продвигаемой Г.Шарафом и соавторами» [1, с.395].

Таким образом, история Казанского союза поэтов представляет собой значимый, хотя и недостаточно исследованный, эпизод в истории многоязычной литературной культуры раннесоветского периода. Деятельность Союза стала одним из первых институциональных опытов систематического перевода татарской литературы на русский язык, что способствовало не только сохранению и продвижению национального литературного наследия, но и формированию культурного диалога между народами Советского Союза. Своей работой Казанский союз поэтов предвосхитил последующие межкультурные и межкузыковые практики, сыграв важную роль в развитии переводческой деятельности и укреплении взаимопонимания между этническими группами. Кроме того, Союз способствовал консолидации творческой интеллигенции, создавая платформу для обмена художественными идеями и совместного поиска в области литературы и культуры в условиях социально-политических трансформаций. Изучение данного явления расширяет понимание культурной истории как Татарстана,

так и Российской Федерации в целом, а также позволяет выявить механизмы сохранения и развития многоязычного литературного наследия в контексте советской модернизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алкин И. Против национал-шовинистической контрабанды в татарской литературе // *Революционный Восток*. 1932. №1–2. С.386–396.
2. Бушканец Л.Е. Семьдесят раз был счастлив. К 100-летию со дня рождения Е.Г. Бушканца // *Казань*. 2025. №4. С.52–55.
3. В Казани // *Литературная газета*. 1922. №6. 20 февраля.
4. Галимуллин Ф.Г. Проблема отражения русско-татарских литературных взаимодействий в периодике 1920–1930-х годов // *Филология и Культура*. 2012. №2 (28). С.196–199.
5. Гордлевский В.А. [Рец.:] Абдулла Тукаев. Узюльган Умид; Коза и баран... Шурале; Захида Ифбат. Зора Юлдуз // *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Книга пятая. М.-Л.: Всемирная литература, 1925. С.268.
6. Ключева В.Н. О татарской литературе // *Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии*. Книга первая. М. Госиздат, 1923. С.221–223.
7. Радимов П.А. Нинди зур шагыйрь! // *Совет әдәбияты*. 1961. №4. 63 б.
8. Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Галимжан Шәрәф. Әсәрләр, хатлар, документлар = Духовное наследие: поиски и открытия. Галимджан Шараф. Сочинения, письма, документы / төз., текст., иск. һәм аңл. эзәрл.: Э.М. Галимжанова, Г.Н. Зәйниева, Ф.Г. Фәйзуллина, Г.А. Хөснетдинова; кереш сүз авт. Ф.Г. Фәйзуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2022. 300 б.
9. Самойлович А. [Рец.:] Д.Валидов. Татарская литература. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. Выпуск 1-й. Гос. Издательство Москва-Петроград, 1923. 160 с. // *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Книга четвертая. М.-Л.: Всемирная литература, 1924. С.183–184.
10. Сборник татарской литературы (дореволюционной) / под ред. П.Радимова, с предисловием П.Когана. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1931. 160 с.
11. Сибгатуллина А.Т. Об одной публикации И.Алкина в журнале «Революционный Восток» // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2025. Т.15, №2. С.121–129. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129>

REFERENCES

1. Alkin I. Against national chauvinistic smuggling in Tatar literature. *Revolutionary East*. 1932, no.1–2, pp.386–396. (In Russian)
2. Bushkanets L.E. Seventy times was happy. On the 100th anniversary of the birth of E.G. Bushkants. *Kazan*. 2025, no.4, pp.52–55. (In Russian)
3. In Kazan. *Literary newspaper*, 1922, February 20. (In Russian)
4. Galimullin F.G. The problem of reflecting Russian-Tatar literary interactions in the periodicals of the 1920–1930s. *Philology and Culture*. 2012, no.2 (28), pp.196–199. (In Russian)

5. Gordlevsky V.A. Abdulla Tukaev. Uzyulgan Umid. A goat and a ram... Shurale. Zakhida Iffat. Zora Yulduz. *East. Journal of Literature, Science and Art. Book five*. Moscow-Petrograd: World Literature Publ., 1925. P.268. (In Russian)
6. Klyueva V.N. On Tatar Literature. *Press and revolution. Journal of Literature, Art, Criticism and Bibliography. Book one*. Moscow: Gosizdat Publ., 1923. Pp.221–223. (In Russian)
7. Radimov P.A. What a great poet! *Soviet Literature*. 1961, no.4, p.63. (In Tatar)
8. *Spiritual heritage: searches and discoveries. Galimjan Sharaf. Works, letters, documents*. Compiled by E.M. Galimzhanova, G.N. Zaynieva, F.G. Fayzullina, G.A. Khusnetdinova, F.G. Fayzullina. Kazan: TAHSI Publ., 2022. 300 p. (In Tatar)
9. Samoylovich A. D. Validov. Tatar literature. Essay on the history of education and literature of the Volga Tatars. Issue 1. *East. Journal of Literature, Science and Art. Book Four*. Moscow-Petrograd: World Literature Publ., 1924. Pp.183–184. (In Russian)
10. *Collection of Tatar literature (pre-revolutionary)*. Ed. by P. Radimov. Moscow-Leningrad: State Publishing House of Fiction Publ., 1931. 160 p. (In Russian)
11. Sibgatullina A.T. About one publication by I.Alkin in the journal "Revolutionary East". *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.2, pp.121–129. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-2.121-129> (In Russian)

Информация об авторе:

Сибгатуллина Альфина Тагировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

About the author:

Sibgatullina Alfina Tagirovna – Dr. Sci. (philology), Leading Researcher of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); ORCID 0000-0001-5755-8687; e-mail: alfina2003@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 02.08.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(470.41)"16/17"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.141-154>

Село Ильинское в составе вотчины Тетюшского Покровского монастыря: социально-экономический аспект

Е.В. Пашина

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

История села Ильинское Тетюшского района Республики Татарстан ранее не становилось объектом специальных изысканий. На основе архивных материалов и опубликованных исторических документов показан один из этапов формирования и развития села, его роль в экономической и социальной жизни монастырской вотчины и колонизации Казанского края. В статье приводится фрагмент переписной книги Тетюшского уезда 1646 г., в которой впервые упоминается село Ильинское. Особое внимание уделено времени существования поселения в составе вотчины Покровского монастыря. Изучение истории этого села позволяет реконструировать процессы колонизации и хозяйственного освоения региона, выявить механизмы взаимодействия монастырских властей и крестьянского населения.

Ключевые слова: Ильинское, Тетюшский уезд, Покровский монастырь, вотчина, крестьяне, бобыли, рыбный промысел, Новое время

Для цитирования: Пашина Е.В. Село Ильинское в составе вотчины Тетюшского Покровского монастыря: социально-экономический аспект // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.141–154. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.141-154>

The Ilyinskoye village as part of the patrimony of the Tetyushsky Pokrovsky monastery: socio-economic aspect

E.V. Pashina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The history of the Ilyinskoye village of the Tetyushsky district of the Republic of Tatarstan has not previously been the subject of special research. Based on archival materials and published historical documents, one of the stages of the formation and development of the village, its role in the economic and social life of the monastery estate

and the colonization of the Kazan region is shown. The article provides a fragment from the census book of the Tetyushsky district of 1646, in which the Ilyinskoye village is mentioned for the first time. Particular attention is paid to the time of existence of the settlement as part of the patrimony of the Pokrovsky monastery. Studying the history of this village allows us to reconstruct the processes of colonization and economic development of the region and to identify the mechanisms of interaction between the monastery authorities and the peasant population.

Keywords: Ilyinskoye, Tetyushsky district, Pokrovsky monastery, patrimony, peasants, bobylys, fishing industry, modern times

For citation: Pashina E.V. The Ilyinskoye village as part of the patrimony of the Tetyushsky Pokrovsky monastery: socio-economic aspect. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.141–154. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.141-154> (In Russian)

Село Ильинское¹ находится в юго-западной части Татарстана, в 10 км к северу от г. Тетюши. Поселение занимает местность на обоих берегах р. Улёмка, в непосредственной близости к Волге. Именно это обстоятельство предопределило основные занятия местного населения: земледелие и рыболовство, о которых речь пойдет далее.

Предшествующие работы по истории с. Ильинское носят фрагментарный, зачастую справочный, характер. Самые ранние упоминания о нем в историографии относятся ко второй половине XIX столетия. Так, в ряде публикаций, посвященных населенным пунктам Казанской губернии, приводятся статистические данные о численности населения и количестве дворов в 1859 и 1883 гг. [4, с.33; 13, с.97]. На современном историографическом этапе с. Ильинское упоминается в энциклопедических изданиях. Например, в «Татарской энциклопедии» и электронной «Энциклопедии Тетюшского муниципального района» показаны основные этапы развития села с момента основания до настоящего времени [15, с.557].

В последнее десятилетие ранняя история села исследуется автором настоящей статьи, причем Ильинское рассматривается в контексте изучения Тетюшского Покровского монастыря и его вотчины [7; 8; 9;10]. В настоящей же работе село является объектом изучения, что позволяет осветить его социально-экономическую жизнь середины XVII – первой четверти XVIII в.

Источниковую базу исследования составляют письменные источники. В силу ряда объективных причин их сохранилось мало, поэтому особо ценными являются архивные документы. В основе работы лежат сведения переписной книги г. Тетюши и его уезда 1646 г., в которой впервые упоминается с. Ильинское.

Список с переписной книги хранится в фонде Поместного приказа Российского государственного архива древних актов (г. Москва) в составе

¹ В настоящее время деревня.

сборника под названием «Переписная книга городов Казани, Тетюш, Лаишева, Осы, Малмыжа, Арска и Алаты, закамских острожков, дворцовых и монастырских и помещичьих сел и деревень, дорог Алацкой, Арской, Зюрейской и Нагайской Казанского уезда, переписи Т.Ф. Бутурлина»². Документ написан на бумаге скорописью XVII в. черными чернилами несколькими почерками, листы имеют двойную нумерацию (времени составления – буквенной цифирью и более позднего периода – арабскими цифрами), документ скреплен дьяком Пятым Спиридоновым³. Книга достаточно хорошо сохранилась (см. Приложение).

Кроме описания всех категорий населения города, перепись зафиксировала уездную территорию, в состав которой входила вотчина Тетюшского Покровского монастыря: перечисляются поселения с монашескими, крестьянскими и бобыльскими дворами.

Для освещения исследуемого вопроса привлекались также ряд других архивных и опубликованных источников. К ним относятся грамоты, памяти, выписки из переписных книг, перечневые выписи, подтверждающие существование Ильинского в составе вотчины Покровского монастыря на протяжении XVII – первой четверти XVIII в. и характеризующие предпринимательскую деятельность его населения (в первую очередь рыбный промысел)⁴.

Село Ильинское по материалам переписной книги 1646 г. Точной даты основания села неизвестно. Вероятно, однако, появление этого поселения относится к началу XVII в., поскольку первоначальная его история связана с возведенным в 1589 г. Покровским мужским монастырем [14, с.306]. Кроме того, известно, что «крупные пожалования монастырям в Среднем Поволжье начались с 20-х гг. XVII в.» [6, с.65]. Ильинское было основано в качестве села в составе вотчины самого крупного из всех тетюшских монастырей и являлось таковым на протяжении более столетия.

Впервые же село Ильинское в исторических источниках упоминается в 1646 г., когда была произведена общая перепись дворов казанского при-

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.827–865 об.

³ Спиридонов Пятой (Павел) – справный подьячий Разрядного приказа с 9 февраля 1629 по 1633/34 гг.; с Григорием Горихвостовым были в посылке под Смоленск и вернулись в Москву 3 марта 1634 г.; 18 марта 1634 г. пожалован в дьяки и назначен в Поместный приказ, где был и 20 ноября 1634 г.; в том же году назначен в Мангазею и был там с 21 января 1635 по 1639/40 гг.; в 1636/37 гг. оклад 600 четей и 70 руб.; на Земском соборе в январе 1642 г. ему велено быть у стольников; 29 июля 1642 г. дьяк Разрядного приказа; с 20 апреля 1643 по 1646/47 гг. дьяк Приказа Казанского дворца; в 1648/49 гг. дьяк в Вологде; с 2 февраля 1653 по 18 апреля 1656 г. дьяк в Казани; с мая по 3 августа 1660 г. дьяк в Тамбове [3, с.487–488].

⁴ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56; Ф.281. Оп.12. Д.6463, 6523; Ф.350. Оп.2. Д.1106; Ф.1209. Оп.1. Д.9708.

города Тетюши и его уезда. Так, за Покровским монастырем значилось 4 поселения (в том числе деревни Средняя и Задняя, слобода Звоская) в границах уездной территории и 4 двора в самом городе⁵, необходимые, вероятно, для ведения торговли и поддержания связи с органами управления.

Село состояло из 22 дворов с общим учтенным переписью населением 49 чел. м.п. Приведем отрывок из переписной книги с описанием Ильинского:

«...В Тетюшском уезде Тетюшкова Покровска монастыря вотчинка село Ильинское, а в нем:

Двор монастырской, а в нем слушка Федька Евсеев сын Белоглазов, да дворник Левка Метвеев з детьми с Стенькою да с Ывашком. Во дворе слушка Федька Филиппев сын Твертинов.

Того ж Тетюшкова Покровска монастыря крестьянские дворы: Во дворе Якунка Филиппев // (л.847 об.) с сыном с Ларкою да со внуком с Федькою Евдокимовым. Во дворе Обрамко Максимов. Во дворе Якунка Евсеев з детьми с Ондрюшкою, да с Стенькою, да с Никифорком. Во дворе Ондрюшка Яковлев з детьми с Ондрюшкою да с Ротькою. Во дворе Фомка Васильев сын прозвище Коровя, старост[а]. Во дворе Митька Микифоров с сыном с Трошкою. Во дворе Пронька Микифоров з детьми с Якункою, да с Тимошкою, да с Ыгнашком. Во дворе Васька Гаврилов з детьми с Огейком да с Ывашком. Во дворе Васька Иванов сын Курбатов с сыном с Стенькою. У Стеньки сын Офонка. Во дворе Ивашко Гаврилов. Во дворе Волотька Гаврилов. Во дворе Васька Васильев сын Курбатов з детьми с Ыгнашком да с Ортюш // (л.848) шкою. Во дворе Федька Гаврилов сын Остафьев. Во дворе Стенька Иванов сын Кучемай. Во дворе Алешка Гаврилов з детьми с Оською да с Осташком. Во дворе Антипка Фролов з детьми с Митькою, да с Федотком, да с Стенькою.

Того ж села дворы бобыльские: Двор бобыльской, а в нем церковной дьячек Куземка Григорьев с сыном с Костькою. Во дворе Илюшка Исаев с сыном с Пашкою. Во дворе Фролка Петров. Во дворе Ивашка Максимов.

И в том селе Ильинском двор монастырской, а в нем слушка да дворник з детьми. Всего пять человек, да двор слушки, людей в нем три человека. Да в том же селе шес[т]натцать дворов крестьянских, людей в них 16 человек крестьян, детей их // (л.848 об.) дватцать человек, внучат два человека, четыре двора бобыльских, а в них бобылей четыре человека, детей их два человека. Всего в том селе дватцать два двора, людей в них сорок девять человек»⁶.

Таким образом, в с. Ильинское в 1646 г. насчитывалось 2 двора монастырских служек (контролировали работу крестьян и бобылей, следили за выполнением ими повинностей), в которых проживало 5 душ м.п.; 16 дворов крестьян с 38 душами м.п.; 4 двора бобылей с 6 душами м.п. Примеча-

⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.835 об., 846 об.–853 об.

⁶ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.847–848 об.

тельно, что в одном из дворов, принадлежащем бобылю, проживал церковный дьячок с сыном (видимо, временно в силу обстоятельств), что подтверждает наличие в селе православной церкви (по всей вероятности, сразу с основанием села в нем возвели церковь во имя Ильи-пророка, отсюда и пошло наименование поселения). Общее же число жителей могло составлять около 100 чел. обоего пола ($49 \times 2 = 98$).

Таблица 1

Численность населения и количество дворов с. Ильинское в 1646 г.⁷

№	Владельцы дворов	Количество дворов	Численность душ мужского пола
1	Монастырские служители	2	5 (2 служек; дворник; у него 2 сына)
2	Крестьяне	16	38 (16 крестьян; их сыновей 22; их внуков 2)
3	Бобыли	4	6 (4 бобыля; их сыновей 2)
	Всего:	22	49

Таким образом, село Ильинское середины XVII в. представляло собой небольшое поселение с проживающими в нем людьми, относящимися к социальным группам, характерным для вотчинного монастырского землевладения. Кроме монастырских служащих в нем имелись крестьяне и бобыли, которые по этноконфессиональному признаку были православными, русскими. Монастырские крестьяне имели минимальные размеры земельных наделов, занимались земледелием, скотоводством, огородничеством, ремеслом, промыслом, мелкой торговлей, бобыли же работали по найму. Крестьяне с. Ильинское были обязаны платить натуральный и денежный оброк, а также выполнять барщинные работы.

К сожалению, дошедших до нашего времени более подробных сведений о хозяйственном укладе жителей села крайне мало. По имеющимся источникам можно восстановить общую картину жизни населения. О размерах земельных владений села свидетельствует «Записная тетрадь Ногайской дороги Казанского уезда 1648–1649 гг.», в которой зафиксировано 3 пашенных поля (1 поле – 30 дес.; 2 поле – 60 дес.; 3 поле – 94,5 дес.) общей мерой 184,5 дес. (около 201,6 га земли) [2, с.434–435]. Особенно же был развит рыбный промысел, поскольку Покровский монастырь издавна имел право на безоборочную ловлю рыбы в Волжской акватории в районе Тетюш⁸. О значительных размерах предпринимательства по продаже рыбного улова свидетельствует наличие в собственности нескольких амбаров и сушила⁹, порядок в которых поддерживали крестьяне. Они же, вероятно,

⁷ Подсчитано нами.

⁸ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56; Ф.281. Оп.12. Д.6463; 6523. Л.68–76 об.

⁹ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.56. Л.75–76.

и занимались ловлей рыбы, ее засолкой и перевозкой. Из ремесел активно развивались деревообработка, производство дубовых бочек, инструментов для ловли и обработки рыбы и пр.

Помимо осуществления хозяйственной деятельности в интересах монастыря, в рассматриваемое время жители Тетюшской засечной черты обязаны были высылать с 10 дворов по человеку с «пищальми, с саблями и со всяким боем» [11, с.70]. В одном из сохранившихся актов XVII в. имеется запись о том, что в 1636 г. «крестьяне и служилые люди Тетюшского Покровского монастыря служат на нашей Тетюшской засеке с 10 дворов по человеку» [1, с.22–24]. Вероятно, крестьян всех поселений вотчины, в том числе и села Ильинское, направляли на службу у засеки. Они могли нести караульную службу, выполнять мелкие ремонтные работы наряду со служилыми людьми или под их контролем.

Село Ильинское во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Последующие три десятилетия Ильинское также принадлежало Покровскому монастырю. Об этом свидетельствуют архивные документы. Так, фрагмент перечневой выписи с переписной книги 1678 г. гласит: «За Тетюшским Покровским монастырем село Ильинское, что под Тетюши, да в деревне Середней, да в Звоской слободке крестьянских 22 двора, бобыльских 28 дворов»¹⁰. Социальный состав жителей села не изменился: основу населения составляли крестьяне и бобыли, но их численность значительно сократилась.

О том, что Покровский монастырь с вотчинами продолжал свое существование в начале XVIII в., указывает перепись монастырских крестьян, проведенная в Казанской губернии в 1710 г.: «Новоспасского приписного Покровского Тетюшского монастыря с. Ильинское с деревнями 67 дворов» [12, с.37] (по всей вероятности, под «деревнями» имеются в виду упоминаемые ранее – деревни Задняя и Средняя). Иными словами, к 1710 г. монастырь поправил материальное положение, несколько увеличив численность населения своей вотчины.

Последнее упоминание об Ильинском в составе вотчин Покровского монастыря относится к 1721–1722 гг. В «Книге переписной утаенных и прописных дворцовых, ясачных (русские, татары, чуваша, мордва), архиерейских и монастырских крестьян, церковнослужителей и однодворцев Ногайской дороги Казанского уезда» 1721–1722 гг. говорится о не учтенных «ревизскими сказками» двух крестьянах: «Тое ж вотчины Тетюшского Покровского монастыря села Ильинского прописные крестьяня Павел Андреев [в]осьмидесяти лет, сын Василей сорока лет»¹¹. Это свидетельство является последним упоминанием и самого Покровского монастыря. В списке же монастырей, которые были закрыты еще до воцарения императрицы Екатерины II, о нем сообщается: «Упразднен задолго до издания

¹⁰ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.9708. Л.168 об.

¹¹ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1106. Л.51.

штатов» [5, с.128]. Иными словами, монастырь прекратил свое существование в первой четверти XVIII в.

Дальнейшая судьба с. Ильинское связана с другим монастырем Казанского края. Так, из приказа конторы вотчинного управления Новоспасского монастыря от 1739 г. известно, что еще ранее крестьяне с. Ильинское «определены ... прежними властями в ведомство судом, и расправою, и зборами в село Урай» (Лаишевского уезда) [1, с.201–202], в котором находился Троицкий монастырь (основан в 1614 г.). Таким образом, Ильинское оставалось монастырской вотчиной. Очевидно, занятия населения Ильинского оставались прежними, поскольку с. Урай расположено на р. Кама.

Объединяет оба рассматриваемых монастыря то, что они являются приписными Московского Новоспасского монастыря. Если Троицкий монастырь потерял самостоятельность и стал приписным в 1625 г., то Покровский – в 1646 г.

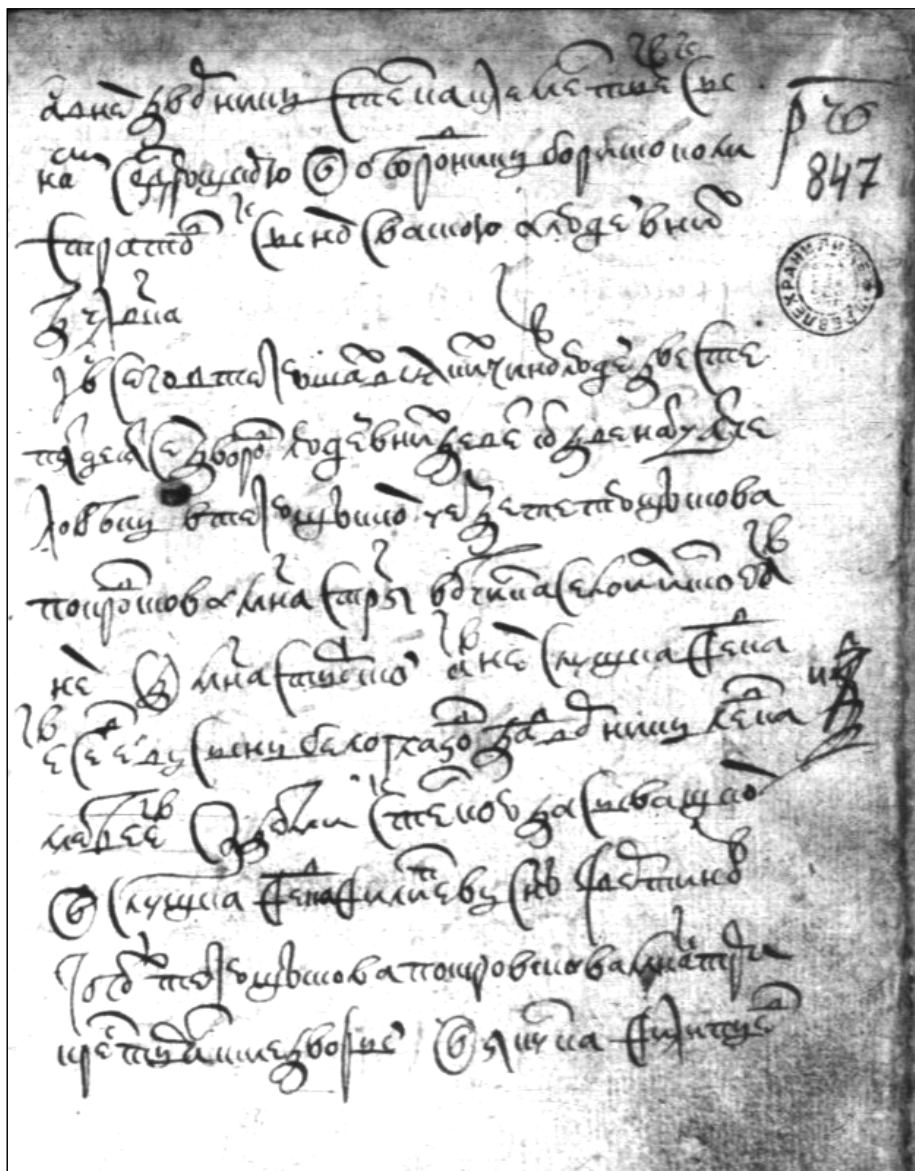
Новый этап истории с. Ильинское обозначает перспективу для дальнейших историко-архивных изысканий, поскольку в настоящее время отсутствуют работы, освещающие деятельность Троицкого монастыря в XVII–XVIII вв.

В заключение следует отметить, что история с. Ильинское в составе вотчины Тетюшского Покровского монастыря является составной частью региональной истории Среднего Поволжья. Монастырские вотчины в этот период играли важную роль в экономике Российского государства, являясь центрами сельскохозяйственного производства, ремесла и промысла. Изучение этой темы позволяет охарактеризовать процесс колонизации и хозяйственного освоения Казанского края (и Тетюшского уезда, в частности) XVII – первой четверти XVIII в.

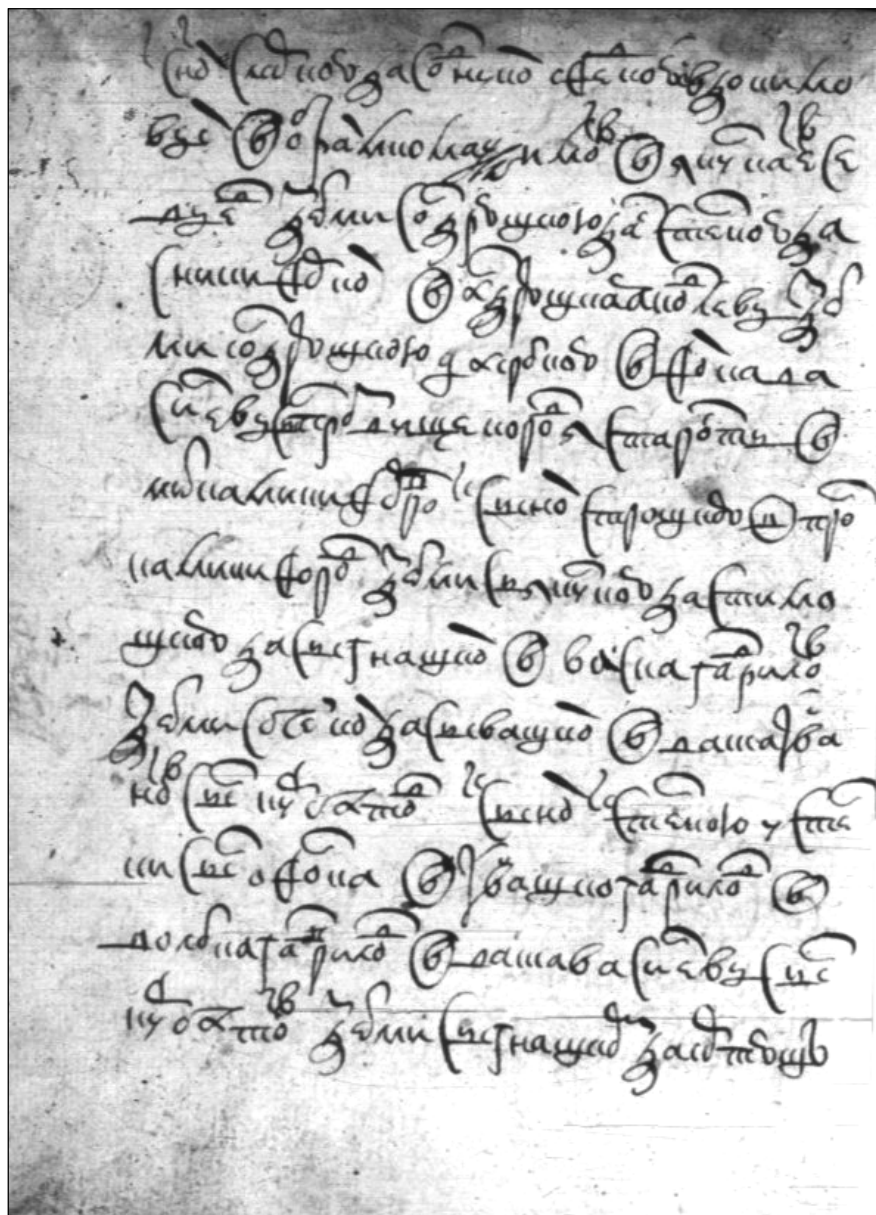
Село Ильинское служит примером того, как монастырские вотчины способствовали развитию сельских территорий и формированию уникальных культурных ландшафтов. Монастырь строго контролировал использование земельных и водных ресурсов, что отражалось в системе оброков и разнообразных повинностей. Социальная структура населения с. Ильинское была типичной для монастырских вотчин. Основную массу его жителей составляли крестьяне, находившиеся в зависимости от монастыря. Управление селом осуществлялось через монастырских приказчиков – служек, которые следили за выполнением повинностей и поддерживали порядок в поселении. Безусловно, важную роль в жизни села играла церковь, которая не только выполняла духовные функции, но и способствовала укреплению монастырского влияния.

ПРИЛОЖЕНИЕ

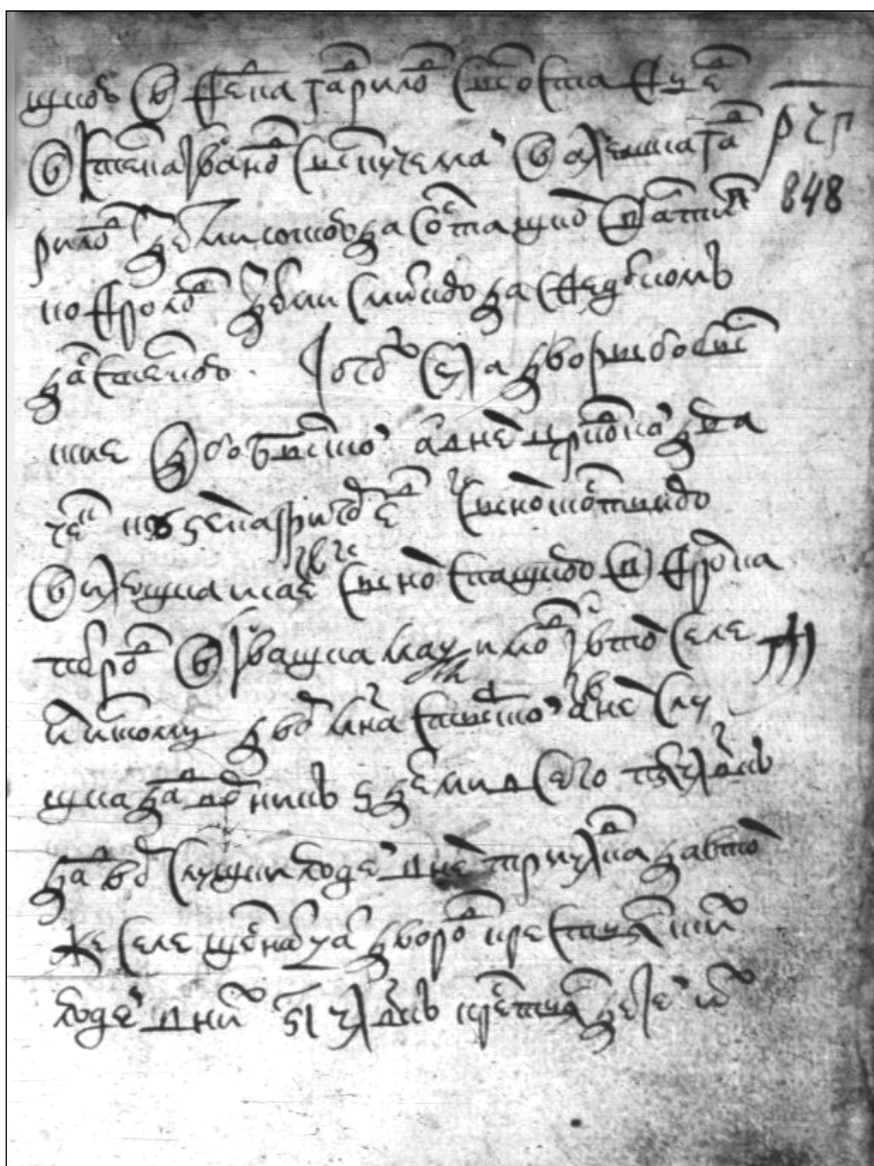
Фрагменты переписной книги города Тетюши и его уезда 1646 г.
с описанием с. Ильинское

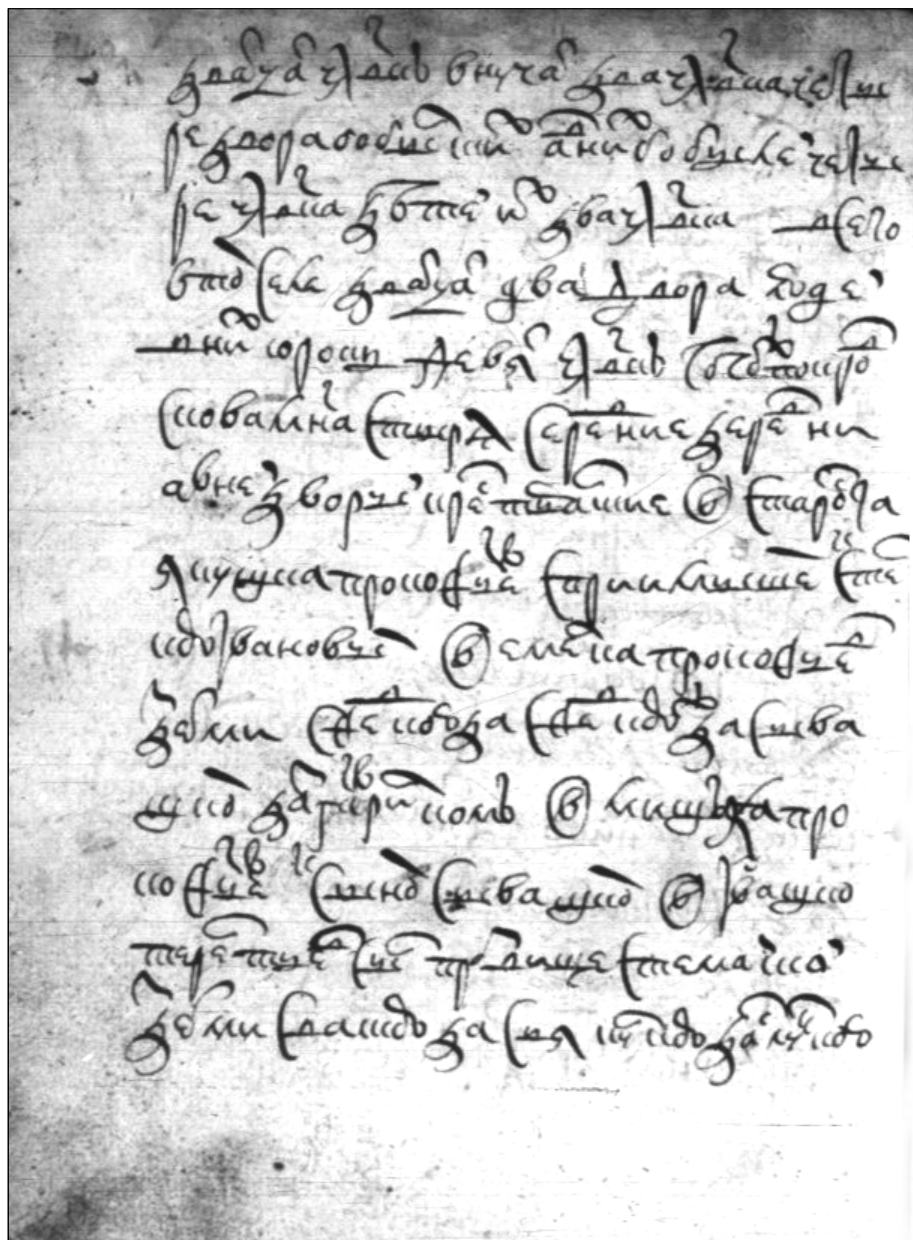
РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.847.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.847 об.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.848.

РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.848 об.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические и юридические, и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т.1. Казань: Тип. губ. правл., 1859. 231 с.
2. Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина; отв. ред. Н.М. Рогожин, М.А. Усманов. М.: ИРИ РАН, 2001. 541 с.
3. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 607 с.
4. Волости и важнейшие селения Европейской России: по данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел. Вып. 4. СПб.: Центр. стат. ком., 1883. 247 с.
5. *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: в 3 т. Т.3. СПб.: Синодальная типография, 1897. 260 с.
6. *Ошанина Е.Н.* К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.50–74.
7. *Пашина Е.В.* Монастыри Тетюшской округи во второй половине XVI–XVII вв. // Научный Татарстан. 2014. №1. С.31–45.
8. *Пашина Е.В.* Вотчины Покровского монастыря в Тетюшском уезде XVII в. // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. №10 (19): сборник статей по материалам XIX международной заочной научно-практической конференции. М.: Междунар. центр науки и образования, 2013. С.37–43.
9. *Пашина Е.В.* Вотчины Тетюшских монастырей во II половине XVI–XVII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №6 (44): Ч.1. С.152–155.
10. *Пашина Е.В.* Хозяйственная деятельность монастырей в Тетюшской округе во II половине XVI – начале XVIII вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. С.99–109.
11. *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), 1882. 400 с.
12. *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 года. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902. 80 с.
13. Списки населенных мест Российской империи. Вып. 14: Казанская губерния: по сведениям 1859 года / сост. и изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. А. Артемьевым. СПб: Тип. Карла Вульфа, 1866. 237 с.
14. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Археографическая комиссия, 1877. 1122 с.
15. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Т.2. Г-Й. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. 655 с.

REFERENCES

1. *Historical and legal acts, and ancient royal letters of the Kazan and other neighboring provinces, collected by Stepan Melnikov*. Vol.1. Kazan: Kazan Provincial government Publ., 1859. 231 p. (In Russian)
2. *Cadastral book of the Kazan district of 1647–1656*. Compiled by I.P. Ermolaev, D.A. Mustafina. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 541 p. (In Russian)
3. Veselovsky S.B. *Clerks and sub-clerks of the 15th–17th centuries*. Moscow: Science Publ., 1975. 607 p. (In Russian)
4. *Volosts and major settlements of European Russia: according to the survey data, conducted by statistical institutions of the Ministry of Internal Affairs*. Issue 4. St. Petersburg: Central Statistical Committee Publ., 1883. 247 p. (In Russian)
5. Zverinsky V.V. *Material for historical and topographic research on Orthodox monasteries in the Russian Empire: in 3 volumes*. Vol.3. St. Petersburg: Sinodal Printing House Publ., 1897. 260 p. (In Russian)
6. Oshanina E.N. On the history of settlement of the Middle Volga region in the 17th century. *Russian state in the 17th century. New phenomena in socio-economic, political and cultural life: collection of articles*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1961. Pp.50–74. (In Russian)
7. Pashina E.V. Monasteries of the Tetyush district in the second half of the 16th–17th centuries. *Scientific Tatarstan*. 2014, no.1, pp.31–45. (In Russian)
8. Pashina E.V. Estates of the Pokrovsky Monastery in Tetyushsky District in the 17th Century. *Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history*. 2013, no.10 (19), pp.37–43. (In Russian)
9. Pashina E.V. Estates of the Tetyush monasteries in the second half of the 16th–17th centuries. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice*. 2014, no.6 (44), part 1, pp.152–155. (In Russian)
10. Pashina E.V. Economic activity of monasteries in the Tetyush district in the second half of the 16th – early 18th centuries. *Historical destinies of the peoples of the Volga and Ural regions*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ.; Yaz Publ., 2014. Issue 4. Pp.99–109. (In Russian)
11. Peretyatkov G.I. *Volga region in the 17th and early 18th centuries (essays on the history of the region's colonization)*. Odessa: P.A. Zelenago Publ., 1882. 367 p. (In Russian)
12. Pokrovsky I.M. *On the history of Kazan monasteries before 1764*. Kazan: Imperial University Publ., 1902. 80 p. (In Russian)
13. *Lists of populated areas of the Russian Empire*. Vol.14. Kazan province. List of populated areas according to 1859. St. Petersburg: Karl Wulff printing house Publ., 1866. 237 p. (In Russian)
14. Stroyev P. *Lists of hierarchs and abbots of monasteries of the Russian Church*. St. Petersburg: Archaeographic Commission Publ., 1877. 1122 p. (In Russian)
15. *Tatar encyclopedia: in 6 volumes*. Vol.2. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2005. 656 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Пашина Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-0097-5213; e-mail: eka11pa@mail.ru

About the author:

Pashina Ekaterina Vladimirovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-0097-5213; e-mail: eka11pa@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 05.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(=512.145)"1989/2010"

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.155-163>

Рецензия на книгу: Шарафиев Э.И. Общественное
и культурное развитие татар-кряшен
Республики Татарстан в 1989–2010 гг. (Казань, 2024)

А.Е. Денисов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация*

В рецензии дана оценка монографии Э.И. Шарафиев «Общественное и культурное развитие татар-кряшен Республики Татарстан в 1989–2010 гг.» (Казань, 2024). Подчеркивается, что в издании дан комплексный анализ общественного и культурного развития кряшенского движения в Татарстане в период с конца 1980-х до 2010-х гг. Исследование Э.И. Шарафиева направлено на преодоление информационного дефицита и стереотипов современного общества, связанных с этой этнокультурной группой. Книга представляет интерес для историков, этнографов, социологов, религиоведов и всех, кто интересуется проблемами развития национальных движений в современной России. Исследование может служить одним из образцов при дальнейшем изучении процессов этнокультурного развития народов Поволжья.

Ключевые слова: кряшены, культура, кряшенское движение, общественный институт, Питрау, СМИ, Республика Татарстан

Для цитирования: Денисов А.Е. Рецензия на книгу: Шарафиев Э.И. Общественное и культурное развитие татар-кряшен Республики Татарстан в 1989–2010 гг. (Казань, 2024) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.155–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.155-163>

Book review: Sharafiev E.I. Social and cultural development
of Tatar-Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010
(Kazan, 2024)

A.E. Denisov

*Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation*

The review assesses the monograph by E.I. Sharafiev “Social and cultural development of Tatar-Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010” (Kazan, 2024). It is emphasized that the publication gives a comprehensive analysis of the social and cultural development of the Kryashen movement in Tatarstan from the late 1980s to the 2010s. The research of E.I. Sharafiev is aimed at overcoming the information deficit and stereotypes of modern society associated with this ethnocultural group. The book is of interest to historians, ethnographers, sociologists, religious scholars and everyone who is interested in the problems of the development of national movements in modern Russia. The research can serve as one of the samples in the further study of the processes of ethnocultural development of the peoples of the Volga region.

Keywords: Kryashens, culture, Kryashen movement, public institute, Pitrau, mass media, Republic of Tatarstan

For citation: Denisov A.E. Book review: Sharafiev E.I. Social and cultural development of Tatar-Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010 (Kazan, 2024). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.155–163. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.155-163> (In Russian)

А известно ли о кряшенах кому-нибудь, кроме узкого круга представителей академического сообщества и специалистов по национальной политике Поволжья и Приуралья? К сожалению, на этот вопрос я не могу дать положительного ответа. Эта этническая группа окутана разного рода стереотипами и предрассудками, постоянно культивируемыми в обществе. Стигматизация этого сообщества является главным сдерживающим фактором для распространения объективной информации. Мы, многонациональный народ Татарстана, не должны этого допускать. Повторюсь, к сожалению, даже в Республике Татарстан многие не знают о кряшенах или имеют о них превратные представления.

Монография Э.И. Шарафиева как раз позволяет решить эту проблему и знакомит широкий круг читателей с кряшенами. Автор приоткрывает завесу становления и трансформации кряшенского движения в 1989–2010 гг. и позволяет развеять ряд стереотипов о кряшенах, которые сохраняются в наше время. Еще более ценной делает монографию обращение Э.И. Шарафиева к современному периоду кряшенского движения. На наш взгляд, в настоящее время общественное и культурное развитие кряшенского сообщества пока-

зывает высокую динамику. То, о чем мечтали предыдущие поколения, при грамотном взаимодействии с государственными органами власти Республики Татарстан становится реальностью. Те возможности, которые сейчас появляются перед кряшенским сообществом, было трудно представить каких-нибудь 20 лет назад. Рецензируемая монография является историческим исследованием, поэтому ограничение хронологических рамок 1989–2010 гг. представляется оправданным, хотя, конечно, было бы важно изучить дальнейшую трансформацию общественных и культурных институтов кряшен.

Выбранная Э.И. Шарафиевым тема, безусловно, актуальна. Отдельные вопросы развития кряшенского движения описывались и ранее, но в данной работе особый фокус был сделан на 1990-е гг. – время, когда бурно развивались различные общественные организации, в том числе и кряшенские общественно-политические организации. И если некоторые аспекты общественных процессов, связанных с кряшенами, уже были затронуты исследователями, то вопросы их культурной жизни столь детально, как это сделал Э.И. Шарафиев, к настоящему времени не освещены никем. Это наиболее сильная сторона данного научного труда.

В первой главе монографии основное внимание уделено истории организации общественных структур, выражавших этнокультурные интересы кряшен. Здесь же рассмотрены разные аспекты функционирования кряшенских общественных организаций: материальная база, финансовое обеспечение, организационное устройство, взаимоотношения и взаимодействие с татарскими национальными организациями и другими движениями в республике.

На наш взгляд, формирование первых объединений кряшенского общества (возможно, их стоит назвать «протообъединениями») является той точкой отсчета, с которой стоит вообще говорить о кряшенском движении. Для любого движения его институционализация – это его главная, первостепенная задача. Разрозненные малые группы зачастую не в состоянии артикулировать и агрегировать свои интересы, находить источники финансирования и каналы доведения своих инициатив и предложений до органов государственной власти [5, p.398].

В монографии этот процесс хорошо описан. В частности, отмечено, что в конце 1980-х гг. в ТАССР существовало всего несколько самостоятельных фольклорных коллективов кряшен при сельских клубах и домах культуры. Отсутствовали какие-либо общественные институты, объединяющие кряшен на местном и республиканском уровнях. Инициатива создания первого объединения кряшен исходила от будущего народного писателя Татарстана Г.В. Родионова (Гарая Рахима) [4, с.7]. На научно-практической конференции, состоявшейся 5 декабря 1989 г. в Казани, было принято решение о создании общественного объединения кряшен в рамках общетатарского национального движения.

Говоря о более самостоятельных шагах институционализации кряшенского сообщества, автор описывает создание 17 января 1990 г. Этнографического культурно-просветительного объединения кряшен (ЭКПОК). Был утвержден устав и избраны руководящие органы объединения кряшен, председателем которого стал известный далеко не только в кряшенском сообществе А.В. Фокин. На протяжении 1990-х гг. по образцу казанского ЭКПОК создавались объединения в некоторых районах Татарстана [4, с.13].

Необходимо отметить следующее. Несмотря на то, что кряшенские организации расширяли свое горизонтальное присутствие в публичном пространстве, они были очень сильно автономны друг от друга (если не сказать еще жестче – атомизированы). В игнорировании последнего факта и заключается небольшой недостаток монографии. Как уже было отмечено, автор детально описал институционную трансформацию общественного кряшенского движения в 1990-е и в первой половине 2000-х гг. Однако не совсем понятно, насколько эти разрозненные кряшенские организации в целом могли повлиять на кряшенское движение. Есть сомнение в том, что они вообще оказывали какое-то влияние, разве только на локальную повестку в своем городе. Представляется, что эти организации были очень малочисленны и насчитывали не более 10–20 активистов каждая.

В первой же главе монографии уделено внимание формированию межрегиональных структур кряшенского движения. 29 мая 1999 г. был создан Межрегиональный союз национально-культурных организаций кряшен Татарстана, Башкортостана и Удмуртии, руководителем которого стал А.Н. Шабалин [4, с.26]. Рассмотрение общественных структур кряшен завершено 2007 годом, когда была образована Общественная организация кряшен Республики Татарстан (ООК РТ) под председательством И.М. Егорова. Организация получила поддержку государственных структур и начала активное развитие. Здесь можно еще раз посоветовать на то, что период с 2010 по 2025 г. не нашел отражения в монографии: именно в это время произошел новый виток развития кряшенского сообщества.

Несомненным достоинством первой главы является то, что автор проследил изменение институционального дизайна кряшенского движения с 1989 по 2007 г., в особенности трансформацию отношения кряшен к об-

щетатарскому национальному движению ВТОЦ*. Автор верно подметил, что причиной поворота крышен от ВТОЦа* являлась исламизация татарского национального движения с одновременным притеснением и оскорблением крышен по конфессиональному признаку в некоторых СМИ.

Вторая глава посвящена идеологической стороне исследуемой проблемы – общественно-политической мысли сообщества крышен. Автор рассматривает и анализирует содержание общественных дискурсов, отражающих этничность крышен и касающихся этнополитического, этносоциального, культурно-просветительского и организационного развития их субэтнического сообщества.

В монографии показан весь спектр связанных с крышенами этнополитических процессов в исследуемый период. В центре внимания автора находится проблема этнической принадлежности крышен. Дискуссии о статусе крышен велись на нескольких уровнях: внутри крышенского сообщества, в общетатарском дискурсе, на государственном уровне. Автор выделяет основные позиции сторон, которые условно можно назвать «умеренной» и «радикальной» [1, с.23]. Представители умеренного крыла движения воспринимали себя частью татарского народа, но с особенностями этнокультурного развития и наличием собственного этноконфессионального самосознания. «Радикальная» часть активистов стремилась к признанию крышен на государственном уровне отдельным этносом без каких-либо попыток найти компромисс.

Особое внимание во второй главе уделено феномену Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., которые обострили дискуссию в крышенском сообществе об их национальной идентичности, а именно: о вопросах самоназвания («крышены» или «крещеные татары»), конфессиональной принадлежности, численности сообщества, местного самоуправления.

В монографии уместно выделен самый главный просчет крышенского движения в вопросе признания крышен отдельной этнической группой – это фактический отказ от диалога с органами государственной власти Татарстана во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х гг. [2, с.330]. Такая тенденция особенно ярко проявилась в преддверии переписи населения 2002 г., когда у крышен появились авторитетные союзники в общественно-политических и академических кругах в федеральном центре. Происходило «перепрыгивание через голову Татарстана» и апеллирование к Москве как к единственной институции по проблемам крышен. Это вызывало озабоченность в общетатарском национальном движении.

Интересными представляются и слова известного историка крышенского происхождения М.С. Глухова о месте крышен в татарской нации.

* ВТОЦ (Всетатарский Общественный Центр) признан в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистской организацией, деятельность запрещена на территории РФ (решение Верховного суда РТ от 10 июня 2022 г.). Ликвидирован по решению Верховного суда РТ.

Так, в статье «Народ в народе» М.С. Глухов определяет крымчан как «субэтнос в составе единого татарского суперэтноса». В качестве образного представления соотношения крымчан и татар он предлагает формулу «народ в народе» [4, с.101]. При этом он объясняет, что слово «халык» на русский язык так и переводится – «народ». Однако в данном случае не следует путать, тем более отождествлять, два понятия – «халык» и «милләт» (нация, национальность) [4, с.101]. Таким образом, на примере мнения значимой в крымчанском сообществе личности автор показал место крымчан в единой татарской нации.

Во второй главе монографии отдельное место занимает рассмотрение культурно-просветительской деятельности крымчанского сообщества в период до начала 2010-х гг. Автор отметил, что сделал акцент на изучении вопросов сохранения традиционной культуры, развития фольклорных коллективов, создания СМИ (газеты «Керәшен сүзе», позже – «Туганайлар») и возрождения театральных традиций.

В главе показан сложный процесс формирования этнической идентичности крымчан в постсоветский период. Несмотря на острые дискуссии, удалось найти баланс между сохранением самобытности и интеграцией крымчан в общетатарское пространство. Ключевую роль сыграло конструктивное взаимодействие с государственными структурами и развитие собственных общественных институтов. Особо стоит отметить деятельность Общественной организации крымчан Республики Татарстан (ООК РТ) и ее руководства.

В третьей главе монографии подробно рассмотрена деятельность самодельных институтов крымчан, направленных на развитие и сохранение этнокультурных и религиозных традиций, популяризацию и пополнение гуманитарно-научных знаний о крымчанах. Эта глава может показаться менее важной по сравнению с предыдущими частями исследования, однако, как отмечают этносимволисты, в частности Энтони Смит, с чьим мнением нельзя не согласиться, часто этническому движению помогает добиться внешнего признания не какие-то политические институты, а сфера культуры [6, р.24].

Отдельный акцент в монографии был сделан на возрождение в рассматриваемый период народных праздников крымчан. Традиционные праздники стали одним из ключевых элементов этнокультурного возрождения крымчан в конце 1980-х – 2000-е гг. Большинство праздников имело языческие корни, но было приурочено к православному календарю.

В частности, автор выделил основные народные праздники: Тройсын (Троица), Питрау (Петров день), Покрау (Покров день), Нардуган (новогодние гуляния), Олы көн (Пасха) [4, с.145].

Вместе с этим наблюдается рост фольклорного движения крымчан. В постсоветский период произошло качественное изменение в развитии ансамблей. В частности, основные направления деятельности ансамблей заключаются в сборе и фиксации фольклорного материала, создании сцени-

ческих костюмов, работе с молодежью и проведении концертов. К концу 2000-х гг. в Татарстане действовало более 50 крышенских фольклорных ансамблей, что свидетельствовало о динамичном развитии культурной жизни сообщества [4, с.168].

В течение всего рассматриваемого периода происходило возрождение традиций крышен как в сельской местности, так и в городах. Особенностью городских праздников стало появление новых форматов проведения традиционных мероприятий.

Но, конечно, особое внимания заслуживает Питрау.

Главным событием в культурной жизни крышен этого периода Э.И. Шарафиев справедливо считает создание (скорее, воссоздание) республиканского фестиваля культуры крышен «Питрау». Отмечается, что праздник прошел путь от локального до масштабного республиканского мероприятия. К сожалению, в работе ничего не сказано о критике Питрау как «крышенского сабантуя». Существует мнение (и не только у «радикальных» групп в крышенском движении), что на Питрау подчас почти полностью забывается религиозная составляющая праздника.

Возрождение Питрау было связано не в последнюю очередь с крышенским религиозным возрождением в постсоветский период [3, с.211–212]. Крышенская самобытность напрямую связана с православием. История крышенского движения с середины XIX в. позволяет понять, что религиозная (православная) идентичность у крышен является доминирующей даже при том, что человек может себя не считать верующим. Поэтому Питрау часто выполняет функцию консолидации разрозненных групп крышен не только из Татарстана, но и из соседних республик и областей. Можно сказать, что Питрау проводился для того, чтобы запечатлеть крышенскую самобытность и продемонстрировать крышенские отличительные этнические черты.

Однако все же возникает вопрос: Питрау – это джиен в его исконном понимании или же религиозный праздник? На этот вопрос можно дать ответ в том смысле, что Питрау – это день Петра и Павла и, следовательно, праздник, в первую очередь, все же религиозный, но он может (и, наверное, даже должен) включать себя элементы традиционного джиена для крышенского народа¹. Но при этом все же нельзя называть Питрау светским праздником. Питрау не должен превращаться ни в «крышенский сабантуй», ни в «ночной сабантуй» (по традиции его празднуют с 17.00 до 2.00 в селе Зюри). Здесь важно правильно определить приоритеты и выявить идеальные пропорции светского и религиозного. Питрау – это, безусловно, фестиваль крышенской культуры, но нельзя забывать, что это праздник в честь апостолов Петра и Павла.

¹ Денисов А.Е. Питрау: июльский джиен или День Петра и Павла? // Туганайлар. 14 июля 2021. URL: <https://tuganaylar.ru/news/etnograficheskaya-mozaika/pitrau-iyulskiy-dzhien-ili-den-petra-i-pavla> (дата обращения: 28.10.2025).

Подводя итог, стоит отметить, что монография Э.И. Шарафиева посвящена актуальному вопросу – общественному и культурному развитию кряшен в условиях модернизации. В книге рассмотрен широкий комплекс проблем, связанных с общественным и культурным развитием кряшен Республики Татарстан в период с 1989 по 2010 г. Без сомнения, это издание будет востребовано историками, политологами, социологами, этнологами и широким кругом читателей, интересующихся развитием татарского национального движения в самом широком контексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисов А.Е. Внутриэтническая конкуренция и стратегии этнополитических акторов в национальных движениях // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т.16, №3. С.15–26. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-15-26>
2. Денисов А.Е. «Кряшенский вопрос» во Всероссийской переписи населения 2002 года: попытка политизации этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т.20, №3. С.323–333. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333>
3. Становление и генезис кряшенской идентичности: коллективная монография / под ред. Р.Р. Исакова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2022. 240 с.
4. Шарафиев Э.И. Общественное и культурное развитие татар-кряшен Республики Татарстан в 1989–2010 гг.: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2024. 300 с.
5. Oliver P. The Ethnic Dimensions in Social Movements // Mobilization: An International Quarterly. 2017. Vol. 22, Issue 4. Pp.395–416. <https://doi.org/10.17813/1086-671X-22-4-395>
6. Smith A.D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach. N.Y.: Routledge, 2009. 184 p.

REFERENCES

1. Denisov A.E. Intraethnic competition and strategies of ethnopolitical actors in national movements. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022, vol.16, no.3, pp.15–26. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-15-26> (In Russian)
2. Denisov A.E. "Kryashen question" in the All-Russian census of 2002: the attempt to politicize ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*. 2018, vol.20, no.3, pp.323–333. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333> (In Russian)
3. *Formation and genesis of Kryashen identity: collective monograph*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2022. 240 p. (In Russian)
4. Sharafiev E.I. *Social and cultural development of Tatar-Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010: monograph*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2024. 300 p. (In Russian)

5. Oliver P. The ethnic dimensions in social movements. *Mobilization: An International Quarterly*. 2017, vol.22, no.4, pp.395–416. <https://doi.org/10.17813/1086-671X-22-4-395>

6. Smith A.D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. New York: Routledge Publ., 2009. 184 p.

Информация об авторе:

Денисов Андрей Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-8616-6006; e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

About the author:

Denisov Andrey Evgenevich – Cand. Sci. (political sciences), Associate Professor of the Department of Conflictology, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-8616-6006; e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 19.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.164-176>

От истоков к открытиям: научный путь Альфии Габдульнуровны Галлямовой

А.Т. Галимзянова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию жизненного пути и научной деятельности доктора исторических наук Альфии Габдульнуровны Галлямовой, внесшей значительный вклад в изучение истории Татарской АССР. Особое внимание уделяется ее методологическому подходу, основанному на глубокой работе с архивными источниками и материалами «устной истории», что позволило ей создать целостную картину социально-экономических и культурно-идеологических трансформаций в регионе во второй половине XX в. Анализируются ключевые этапы карьеры, включая защиту диссертации, преподавательскую деятельность и руководство значимыми проектами, в числе которых – фундаментальная «Альметьевская энциклопедия» и уникальный «Календарь Победы». Отмечается принципиальная позиция А.Г. Галлямовой в отстаивании научных выводов, противоречащих конъюнктуре, а также ее вклад в историографию региона, который отличается объективностью и новаторством в изучении ранее закрытых тем.

Ключевые слова: Галлямова Альфия Габдульнуровна, история Татарской АССР, национальная интеллигенция, Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), Институт истории Академии наук РТ, наука Татарстана

Для цитирования: Галимзянова А.Т. От истоков к открытиям: научный путь Альфии Габдульнуровны Галлямовой // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.164–176. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.164-176>

From origins to discoveries:
scientific path of Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova

A.T. Galimzyanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the life path and scientific activity of the doctor of historical sciences Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova, who made a significant contribution to the study of the history of the Tatar ASSR. Particular attention is paid to her methodological approach, based on deep work with archival sources and materials of "oral history", which allowed her to create a holistic picture of socio-economic and cultural-ideological transformations in the region in the second half of the 20th century. Key stages of her career are analyzed, including dissertation defense, teaching and leadership of significant projects, including the fundamental "Almetyevsk Encyclopedia" and the unique "Victory Calendar." The principled position of A.G. Gallyamova in upholding scientific conclusions that contradict the conjuncture, as well as her contribution to the historiography of the region, which is distinguished by objectivity and innovation in the study of previously closed topics.

Keywords: Gallyamova Alfiya Gabdulnurovna, history of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, national intelligentsia, Institute of Language, Literature and History, Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, science of Tatarstan

For citation: Galimzyanova A.T. From origins to discoveries: scientific path of Alfiya Gabdulnurovna Gallyamova. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.164–176. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.164-176> (In Russian)

Альфия Габдульнуровна Галлямова (Шамсутдинова) родилась 9 ноября 1955 г. в г. Дятьково, расположенном в северной части Брянской области. Ее детство пришлось на период, когда трудолюбие и преданность делу были не просто идеологическими лозунгами, а реальной повседневностью. Образцом самоотверженного труда являлись ее родители – рабочие на Дятьковском хрустальном заводе, портреты которых никогда не сходили с доски Почета.

Отец будущего историка, Габдельнур Галяутдинович Шамсутдинов, происходивший из д. Нижние Шаши современного Атнинского района РТ, был человеком с незаурядным умом. Его интеллектуальные способности были замечены еще в школьные годы, что позволило перевести его экстерном из третьего класса сразу в пятый. Но суровые советские реалии не позволили ему окончить школу и получить достойное образование. Причина была типичной для того времени: у семьи не было обуви, чтобы ребенок мог ходить в школу в соседнюю деревню. Мама Альфии Габдульнуровны, Монжия Мухаматшовна, родом из д. Хузеево нынешнего Тука-

евского района РТ, обладала прекрасным голосом. Ее выдающиеся вокальные способности и широкий диапазон тембра открывали перед ней большие перспективы в профессиональной певческой карьере. Но, как и в случае с отцом, тяжелые условия жизни, война и послевоенная разруха не позволили ее мечтам осуществиться. Их обоих, уроженцев Татарии, судьба привела в город Дятково, где они впервые встретились и вскоре создали семью.

Татар в Дяткове проживало немного, но эта группа отличалась исключительной сплоченностью. Привычными были взаимная поддержка, совме-

стное проведение праздников, и даже приезд гостей из Татарстана и Оренбуржья каждый раз воспринималось как важное событие одной большой семьи. Крепкие социальные связи свидетельствовали о стремлении сохранить национальную идентичность. Мать Альфии зачастую была инициатором общественных мероприятий и играла ключевую роль в их организации. Ярко отложилось в детской памяти воспоминание о праздновании Сабантуя с традиционными народными играми и развлечениями. Однако уже следующее поколение оказалось не столь приверженным татарским обычаям, более распространенными стали смешанные браки, что привело к ассимиляции и утрате национальной самобытности.

Сам город представлял собой типичный советский промышленный населенный пункт. Помимо хрустального завода, здесь функционировал деревообрабатывающий завод (с 1946 г.), а с конца 1950-х гг. начал работу завод электровакуумных приборов. Однако, несмотря на промышленный потенциал и, казалось бы, возможность вложения средств в социальную сферу, последняя, как и по всей стране, финансировалась по остаточному принципу. Контраст между развитой городской средой в центре и недостаточным уровнем инфраструктуры на рабочих окраинах являлся отражением общих тенденций в советском градостроительстве того времени. «Мало чего делалось для обычного жителя. Цивильным нам казался только центр, где жили успешные люди, представители администрации. Я любила заглядывать в окна многоэтажек, которые находились на центральных улицах, и думать, что когда-то я уеду в большой город и буду жить в таких же домах», – вспоминает о родном городе Альфия Габдульнуровна¹.

¹ Галлямова Альфия Габдульнуровна // Живые истории. URL: <https://veterans.tatneft.ru/veteran/1393> (дата обращения: 17.10.2025).

Семья Шамсутдиновых проживала сначала в бараке, оставшемся в памяти рассказчицы довольно смутно, поскольку, когда героине исполнилось всего четыре года, они переехали в собственный дом на окраине городка. Дом родители строили собственными силами. Приходилось экономить, поэтому интерьер жилища отличался простотой, включавшей минимальное количество мебели – кровати и единственный стол. Однако мать, стремясь создать атмосферу домашнего тепла и комфорта, буквально заполняла пустующее пространство комнатными растениями – популярными для советского интерьера фикусами и гибискусами: «Дом запомнился как самый уютный. Вскоре, когда он был полностью достроен, то стал самым красивым из всех 24 домов, расположенных по улице Крылова»².

В Дятькове с населением более 20 тыс. чел. функционировали 3 школы. В 1963 г. был самый большой поток поступивших первоклассников. Там, где училась маленькая Альфия, было 6 параллелей по 40 чел. в каждом классе: «Все самые светлые воспоминания детства у меня связаны со школой, где я старалась проводить больше времени. Учителя дали много наставлений, которые я не забываю по сей день».

Альфия была явно одаренным ребенком и выделялась среди сверстников феноменальной памятью. Учителя быстро обратили внимание на удивительную способность девочки мгновенно запоминать большой объем информации, поэтому на школьных мероприятиях, посвященных многочисленным праздникам – Октябрьской революции, Новому году, Международному женскому дню, Первомаю, – она была задействована в качестве талантливого чтеца, способного уверенно воспроизвести длинные поэтические произведения, занимающие на сцене по 15–20 минут.

Уже в средней школе, понимая потенциал ребенка, учителя-предметники активно вовлекали ее в разнообразные дополнительные занятия и секции, в том числе и по спортивной гимнастике. В старших классах она регулярно принимала участие в различных предметных олимпиадах – географических, математических, химических и пр., неоднократно завоевывая призовые места. Особенно примечательным достижением стала победа в олимпиаде Брянской области по русскому языку. Но победа девушке-подростку запомнилась тем, что она впервые столкнулась с проявлением предвзятости по отношению к татарам: несмотря на объективно высокий уровень владения предметом, члены комиссии сперва отказывались признать ее победу исключительно по причине того, что она была «нерусской».

Больше всего будущий историк любила математику. Преподаватель Эдуард Олимпович Селезнев был незаурядной личностью. Он отличался глубокими знаниями и нестандартным подходом к обучению, но вместе с тем предъявлял чрезвычайно строгие требования к знаниям учащихся, считая, что высший балл заслуживают лишь те, кто демонстрирует особые

² Интервью с Альфией Габдульнуровной Галлямовой. 30 сентября 2025 г. // Личный архив А.Т. Галимзяновой.

достижения сверх программы курса. В девятом классе Э.О. Селезнев подтолкнул ее к поступлению в заочную школу, которую он сам курировал. Группа обучающихся состояла всего из 5–6 чел. Дополнительные занятия проводились после основных уроков. Именно в процессе решения сложных математических задач раскрылись такие качества характера Альфии, как терпение, усидчивость и целеустремленность. Однажды, увлекшись решением задачи, она лишь поздней ночью обнаружила, что просидела девять часов кряду, чтобы завершить начатое. А по истечении года было получено удостоверение об окончании Заочной математической школы при МГУ.

В 10-м классе Альфия Габдульнуровна стала все чаще слышать от учителей, что дело идет к «золотой» медали. Не желая подводить своих преподавателей, она стала уделять учебе еще больше сил и впервые всерьез задумалась о будущей профессии. Вместе с подругой Натальей Бирюковой она записалась на подготовительные курсы в Московском финансово-экономическом институте. Большое влияние на такой выбор оказала учительница Вера Федоровна, которая вела увлекательные занятия по экономической географии. Однако желание стать экономистом тут же развеялось после разговора с учителем химии, который, услышав о ее планах, воскликнул: «С ума сошла, будешь работать всю жизнь бухгалтером в нарукавниках и стучать костяшками на счетах!». Это сильно смутило ее, поскольку названная профессия была совсем не престижной в те годы.

Средняя школа была окончена на «золотую» медаль. Однако после успешной сдачи выпускных экзаменов у Альфии наступило чувство усталости и апатии. Желания учиться дальше не было, а было желание уехать в Набережные Челны на комсомольскую стройку. Родители восприняли эту затею без энтузиазма. Только по счастливой случайности планы Альфии были нарушены, и она за компанию с подругой уезжает поступать в Гомельский университет на историко-филологический факультет. Был огромный конкурс. Экзамен по истории СССР длился 40–45 минут. Экзаминатор, увидев, что девушка по полученному билету все знает, начал засыпать ее дополнительными вопросами. В итоге оценка «отлично» была завоевана, и Альфия поступила.

Интерес к истории у Альфии Габдульнуровны был не случаен и, скорее, порожден влиянием ее отца, который выделялся поразительной любовью к чтению. Он регулярно возвращался из библиотеки с полной сумкой книг, которые читал буквально взахлеб, и тут же бежал за новой партией. Частыми были его разговоры с дочерью, в которых он, обладая глубоким пониманием устроенности мира, пытался объяснить ей, что нельзя слепо верить всему написанному в книгах, приучал к критическому восприятию информации. Он поднимал важные исторические темы, в том числе и тему политических репрессий, рассматривая их с неожиданных точек зрения. Такие беседы воспринимались юным сознанием с большим скептицизмом,

поскольку Альфия была приучена доверять учебникам и устоявшимся взглядам.

Тем не менее история в школе у Альфии Габдульнуровны не была в числе любимых предметов. Но в то же время она посещала факультативы и активно занималась краеведением. Связано это было прежде всего с тем, что в середине 1960-х гг. в общественно-политической жизни страны стало уделяться заметно больше внимания теме победы советского народа в Великой Отечественной войне и в школах резко возросла значимость мероприятий, посвященных событиям войны. Дети стали задействоваться в краеведческом движении: проводили беседы с очевидцами событий, собирали их воспоминания о пережитом.

Итак, путь историка начался в Гомельском государственном университете, где Альфия Габдульнуровна проучилась два года. По завершении второго курса она приняла решение о переезде на родину своих родителей, точнее, в Казань, и в 1975 г. стала студенткой Казанского государственного университета.

Группа, в которую попала Альфия Шамсутдинова, была очень сильной. Многие разбирались в искусстве, интересовались литературой, включая произведения официально не одобряемых авторов – Б.Пастернака, М.Булгакова, А.Солженицына, Е.Гинзбург и др. Альфия Габдульнуровна, разделяя увлечения своих сверстников, также много читала и всегда оставалась в кругу единомышленников.

Среди вузовских преподавателей были корифеи исторической науки, в их числе – один из основателей казанской американистики Петр Борисович Уманский и выдающийся специалист по истории России XIX в. Григорий Наумович Вульфсон, который привил Альфии интерес к работе с историческими источниками. Увлечение лекциями Веры Николаевны Смирновой определили выбор темы первой курсовой работы, написанной под ее чутким руководством: «Женский вопрос в “Отечественных записках”». Кропотливое и непредвзятое исследование документов во время архивной практики было замечено сотрудниками Государственного архива ТАССР. Реферат А.Г. Галлямовой по истории РСДРП 1905 г. был отмечен ими как один из сильнейших за последние годы, что послужило поводом пригласить студентку на работу в архив. Но предложение не было принято Альфией, поскольку у нее не было и мысли заниматься архивной работой и, тем более, посвятить этому всю свою жизнь.

Вместе с тем, А.Г. Галлямова посещала многие университетские спецкурсы. Во время занятий на одном из них она решила исследовать тему «Личное подсобное хозяйство». Здесь ейгодились знания, приобретенные еще в школьные годы, когда она обучалась на заочных курсах. В дополнение были прочитаны труды известных экономистов, проанализированы количественные данные по материалам статуправления. По результатам исследования она пришла к выводам, которые вновь шли вразрез с общепринятой оценкой: оказалось, что личные подсобные хозяйства

работают эффективнее коллективных. Руководитель проекта, ознакомившись с рассуждениями своей студентки, согласилась с ней, но посоветовала не выпячивать этот вопрос. Вскоре Альфия Габдульнуровна решила, что эта тема станет предметом ее дипломной работы.

На защите А.Г. Галлямова выступала самой последней среди всех выпускников. Но представленная тема настолько увлекла уже подуставших членов комиссии, что все, пробудившись, начали задавать дипломнику вопросы. Альфия не стала брать дополнительного времени, которое полагалось всем защищающимся, и отвечала на каждый поставленный вопрос без подготовки, что также удивило маститых историков. Рецензентом работы являлся Азат Михайлович (Мирзаевич) Залялов, он-то и отметил ее выступление как одно из самых сильных. Показательным был и тот факт, что председатель комиссии Юрий Ильич Смыков после завершения дискуссии подошел к выпускнице и пожал ей руку.

После блестящей защиты А.Г. Галлямовой было предложено поступать в аспирантуру, но к тому времени она уже успела договориться о работе учителем истории в казанской школе рабочей молодежи №17. Казалось, ее карьерный путь был предопределен, но, как это часто бывает, «его величество случай» распорядился иначе. Однажды, вернувшись после школьных занятий домой, Альфия Габдульнуровна узнала, что к ней приходили из Академии наук (имеется в виду Институт языка, литературы и истории КФАН СССР. – А.Г.) и оставили записку. Оказалось, что посетителем был А.М. Залялов, а в его записке содержалось наставление о том, чтобы она непременно поступала в аспирантуру. Последовав совету, Альфия Габдульнуровна с успехом сдала все экзамены и в 1978 г. стала аспиранткой заочного отделения Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР.

Несмотря на то что А.Г. Галлямова уже была замужем и воспитывала маленькую дочь, она успешно совмещала учебу с работой. Тем не менее, через год молодая учительница была вынуждена покинуть школу из-за неудобств, связанных с учебной нагрузкой. Но очень скоро ей предложили должность в библиотеке Казанского авиационного института (1979). Новая работа пришлась по душе Альфии Габдульнуровне. Она с энтузиазмом взялась за каталоги, привела их в порядок и систематизировала. Ее увлеченность делом привлекла заведующую отделом, которая собиралась уходить на пенсию и видела в ней достойную преемницу. Однако этим планам не суждено было сбыться: проработав всего три месяца, Альфия Габдульнуровна уволилась. Причиной стал ее перевод на очную форму обучения в аспирантуре, что требовало полного отказа от работы. При этом важно отметить, что, согласно правилам, размер стипендии аспиранта должен был превышать заработную плату по предыдущему месту работы. Таким образом, ее стипендия составила 140 руб., это было выше оклада младшего научного сотрудника КФАН СССР (110 руб.). Стипендия

стала значительным финансовым подспорьем для молодой семьи Галлямовых.

Что касается кандидатской диссертации, то первоначальные намерения Альфии Габдульнуровны по продолжению исследования проблематики крестьянских подсобных хозяйств не были реализованы. «Это научное направление мне не удалось отстоять, – вспоминает она. – Ученый совет утвердил другую тему – «Агропромышленная интеграция в 1970-е гг.»³. Научным руководителем был назначен А.М. Залялов.

Успешно сдав кандидатский минимум, она стала активно работать над текстом диссертации. Для сбора материалов аспирантам полагалась двухнедельная оплачиваемая командировка для работы в архивах и библиотеках столицы. Чтобы все успеть, приходилось интенсивно работать: с 8 утра до 11 вечера. Но даже в таком плотном графике находилось время для культурной программы. Она вспоминает, как однажды купила с рук билет в Большой театр с огромной наценкой – за 5 рублей, но все же такую роскошь можно было себе позволить. В памяти также остались походы в магазины за дефицитными товарами, – дома ждала семья.

Обязательным являлось участие в конференциях молодых ученых, ежегодно проходивших в стенах института. Это были весьма серьезные по сегодняшним меркам мероприятия, на которые непременно приходили старшие коллеги. Разгоравшиеся дискуссии оборачивались ценными советами. В рамках конференций проводились конкурсы на лучшую научную работу. На одном из них призовые места были разделены между Альфией Галлямовой и Фаридой Шарифуллиной, дочерью известного художника Лотфуллы Фаттахова, которая занималась тогда изучением истории касимовских татар.

Неотъемлемой частью научной жизни была и общественная нагрузка, в силу которой приходилось ездить на овощную базу или на сбор веток и корма для скота. Аспирантов также мобилизовали на стройку дома, в котором затем получили квартиры ученые Татарстана.

Несмотря на все учебные, научные и семейные обязанности, диссертация была завершена в срок. По результатам исследования было выявлено превосходство частного сектора экономики над государственным – это подтверждалось более высокими показателями производства на фоне общего застоя в народном хозяйстве страны. Примечательно, что термин «застой» молодой аспиранткой был использован задолго до речи М.С. Горбачева на XXVII съезде КПСС (1986 г.). Тем не менее, в 1982 г. о стагнации экономики говорить было не принято, поэтому и выводы А.Г. Галлямовой, идущие вразрез с политической конъюнктурой, вызвали сопротивление руководства: заведующий сектором истории ИЯЛИ Зямыль Ибрагимович Гильманов потребовал «убрать крамолу» из готовой диссер-

³ Интервью с Альфией Габдульнуровной Галлямовой. 30 сентября 2025 г. // Личный архив А.Т. Галимзяновой.

тации. Принципиальная позиция Альфии Габдулнуровны выразилась в отказе идти на компромисс и вносить правки, которые свели бы диссертацию к цитированию партийных документов. В результате защита кандидатской не состоялась, а работа оказалась «на полке».

Вместе с диссертацией «на полке» оказалась и первая научная статья А.Г. Галлямовой, посвященная анализу опубликованных статистических данных по развитию сельскохозяйственного производства в Татарии за 1971–1979 гг. Исследование показало, что в ежегодных отчетах содержались заниженные сведения о валовом сборе сельскохозяйственной продукции, что ставило под сомнение не только репрезентативность, но и достоверность предоставляемых данных.

Несмотря на трудности с защитой диссертации, научная деятельность Альфии Габдулнуровны не была остановлена. С 1981 по 1991 г. она прошла путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника. Сложившиеся к этому времени социально-политические условия (утверждение гласности, ослабление цензуры и политического давления, наступивший вскоре период перестройки) открыли для исследователей новые возможности в изучении ранее не одобряемых тем. В частности, это позволило А.Г. Галлямовой в 1990 г. успешно защитить «заброшенную» кандидатскую диссертацию. А доступ к ранее засекреченным архивным материалам в сочетании с профессиональной любовью к работе с источниками позволил ей опубликовать ряд статей, которые вызвали живой интерес и дискуссии в научных кругах. «На нас, ученых, хлынул поток невиданного ранее материала – открывались «неизведанные шлюзы», скрытые архивы. Работать стало интереснее... Неожиданно появилось много новой литературы, новых фактов, проводились конференции и встречи на острые дискуссии. Мы вздохнули по-новому, нам теперь разрешалось думать, не опираясь на мнение идеолога. Это было уникальное время», – вспоминает она⁴.

Основные научные интересы А.Г. Галлямовой были связаны с историей региона второй половины XX в. Помимо аграрной истории и истории промышленности, в центре ее внимания оказались городская жизнь и сфера российской провинции, идеология и культура национальных регионов России. Благодаря ее работам этот период впервые получил полное и структурированное отражение в отечественной исторической науке.

На одном из исторических форумов выступление Альфии Габдулнуровны привлекло внимание известного историка Булата Файзрахмановича Султанбекова, и он пригласил ее присоединиться к научному коллективу, работающему над учебником по истории Татарстана: предложил написать главу, охватывающую период с 1946 по 1998 г. Так А.Г. Галлямова стала неизменным автором материалов по истории ТАССР для школьных и вузовских учебников.

⁴ Галлямова Альфия Габдулнуровна // Живые истории. URL: <https://veterans.tatneft.ru/veteran/1393> (дата обращения: 17.10.2025).

Отдельно стоит выделить ее вклад в развитие научного краеведения. В период с 2000 по 2005 г. она возглавляла Казанский центр содействия Творческой группе «Альметьевская энциклопедия» при НГДУ «Альметьевнефть». С этого начался период ее погружения в советскую историю нефтяного края, который растянулся на долгие 25 лет. Исследования продолжались, несмотря на нестабильное финансирование и роспуск научного коллектива. Были проведены десятки экспедиционных выездов в населенные пункты Альметьевского района, огромная исследовательская работа в республиканских и федеральных архивах. Подробно этот процесс описан самой А.Г. Галлямовой⁵. Результатом многолетней коллективной и личной работы стало издание фундаментального труда «Элмэт. Альметьевск» – так называемой Альметьевской энциклопедии [2; 4]. А.Г. Галлямовой был составлен сборник материалов и документов «Альметьевское дело», который сразу стал бестселлером [1]. Директор Института российской истории РАН Андрей Николаевич Сахаров лично обратился с просьбой выслать ему эту книгу. И в обзоре исторической литературы за 2000 г., опубликованном в главном журнале российских историков «Отечественная история», он отметил эту книгу – из всех названных единственную из Татарской Республики – как важное достижение российской исторической науки. Затем была опубликована книга о селе Новом Надырове (на татарском языке в 2008, на русском – в 2010 г.), ставшая не менее популярной среди читателей [3; 5].

Совместно с альметьевским журналистом Эльвирой Фаридовной Харрасовой были проведены сотни экспедиций для сбора сведений о персоналиях, истории и культуре населенных пунктов и промышленных предприятий, вошедших в онлайн-версию Альметьевской энциклопедии, инициатором создания которой выступила Альфия Габдульнуровна. Кроме того, на основании собранной попутно источниковой базы изданы 20 очерков о родниках Альметьевского района. А в 2025 г. вышел «Альметьевский исторический календарь» – уникальное издание, не имеющее аналогов, – в котором каждый день отмечен определенным событием, произошедшим в Альметьевском районе.

В целом можно сказать, что А.Г. Галлямова уделяла краеведению значительную часть времени, работая по выходным и праздникам, диктуя книги в отпускной период. Из-за увлеченности и поэтому большой загруженности делом затянулась защита докторской диссертации. На одном из аграрных симпозиумов, постоянным участником которых являлась Альфия Габдульнуровна, выдающийся историк-аграрник Илья Евгеньевич Зеленин, недоумевая, упрекал коллегу, что та до сих пор не выходит на защиту. Защита диссертации «Татарская АССР во второй половине 1940-х

⁵ Галлямова Альфия Габдульнуровна // Живые истории. URL: <https://veterans.tatneft.ru/veteran/1393> (дата обращения: 17.10.2025).

– середине 1980-х гг.: трансформационные процессы в социально-экономической и культурно-идеологической сферах» состоялась 27 мая 2011 г.

Научно-исследовательская деятельность успешно сочеталась с преподавательской: А.Г. Галлямова по совместительству работала доцентом в Татарском государственном гуманитарном институте (1997–2000 гг.), затем в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (2007–2009 гг.). Под ее научным руководством защищены 4 кандидатские диссертации. Среди ее учеников – Рахима Рафиковна Гатина, защитившая диссертацию по истории развития средств связи в Татарстане в довоенный период; Рафаил Бикбулатович Хаплекхамитов, который комплексно рассмотрел проблему взаимоотношений татарской творческой интеллигенции и власти в 1944–1965 гг.; Марат Риналович Минкин, один из авторитетных преподавателей Альметьевского государственного нефтяного института, исследовавший вопрос становления и развития системы подготовки кадров для нефтяной промышленности Татарской АССР в 1950–1960-е гг.

М.Р. Минкин вспоминает конструктивные и доверительные отношения, которые сложились у него с руководителем: «Альфия Габдульнуровна никогда не навязывала свое видение, не оказывала какого-либо давления и, вместе с тем, я всегда, буквально ежедневно чувствовал ее поддержку. Она сумела построить такое взаимодействие, при котором без излишних указаний я осознавал ответственность за своевременное выполнение поставленных задач и установок плана работы. Всегда, практически безотлагательно, она отвечала на мои вопросы, консультировала, оказывала помощь с поиском и подбором необходимых источников и литературы, рецензировала подготовленные мною материалы. Терпеливо и скрупулезно направляла ход работы. При необходимости никогда не отказывала в личных встречах, которые случались не только в Институте истории, но и в библиотеках и архивах Казани. Отдельно хотелось бы отметить моральную поддержку со стороны Альфии Габдульнуровны, которая имела для меня особое значение и мотивировала двигаться дальше, несмотря на неизбежно возникавшие трудности. Она всегда умела находить те самые правильные слова, которые укрепляли уверенность и придавали энергию»⁶.

Будучи ученицей Альфии Габдульнуровны, могу лишь подтвердить слова М.Р. Минкина об исключительных качествах своего наставника. В год моего поступления в аспирантуру набор был большим – около 10–12 чел. Из всего потока только мне удалось успешно защитить диссертацию. На мой взгляд, без грамотного руководства не пройти путь аспирантуры. Однокурсники, наблюдая за моей работой, удивлялись и, возможно, немного завидовали той помощи, которую я получала от Альфии Габдульнуровны. Она щедро делилась своими дельными советами, оказывала по-

⁶ Интервью с Маратом Риналовичем Минкиным. 15 октября 2025 г. // Личный архив А.Т. Галимзяновой.

стоянную поддержку, помогала планировать этапы научно-исследовательской деятельности, осуществляла ненавязчивый, но эффективный контроль за ходом работы. Ее уникальность заключается в умении ценить чужое время, поэтому и рекомендации всегда были направлены на достижение максимальных результатов с минимальными потерями. Я также помню, как она, жертвуя своим личным временем, кропотливо вычитывала каждую страницу моей рукописи. Даже когда мне казалось, что диссертация полностью готова, ее критический взгляд выявлял-таки недостатки, и она снова и снова брала текст на вычитку, пока результат не стал почти безупречным, за что я искренне благодарна ей.

В целом за 45 лет научной деятельности заслуженным деятелем науки РТ А.Г. Галлямовой опубликовано 500 научных и научно-популярных работ, из них 25 научных и научно-популярных монографий, 22 учебных пособия⁷. Ее работы отличаются богатой фактографией, основанной на глубокой проработке исторических источников, в том числе материалов «устной» истории, которым она уделяет важную роль в выстраивании целостной картины развития общества и государства. А.Г. Галлямова, следуя научной объективности и проявляя принципиальность в изложении исторических событий, вносит весомый вклад не только в историографию нашего края, но и страны в целом.

Альфия Габдулнуровна – не только вдохновитель новых интересных проектов, но и неутомимый генератор идей. Особо стоит отметить наш последний совместный проект, посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Этот проект – «Календарь Победы: татары и татарстанцы в годы Великой Отечественной войны», – реализованный по инициативе и под руководством А.Г. Галлямовой, стал первым в своем роде изданием, где день за днем отражены события военного лихолетья, связанные с историей Татарстана и татарского народа. Ни в одном из регионов страны нет аналогов этой работе.

Нет сомнений, что в «запасниках» Альфии Габдулнуровны еще множество интересных и значимых проектов. Ей можно только пожелать неугасаемого вдохновения и долгих лет жизни на реализацию всего задуманного, что, бесспорно, вносит и еще внесет весомый вклад в историографию истории и культуры татарского народа.

⁷ Галлямова Альфия Габдулнуровна // Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, отдел новейшей истории. URL: <http://татаровед.рф/departments/1/employees/28> (дата обращения: 17.10.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альметьевское дело. Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х – начало 30-х гг.): сборник документов и материалов / сост.: А.Г. Галлямова, Р.Н. Гибадуллина. Казань: Гасыр, 1999. 192 с.
2. Альметьевская энциклопедия: История и культура Альметьевского региона с древнейших времен до начала XXI века / науч. ред.: Г.Ф. Валеева-Сулейманова, А.Г. Галлямова. Казань: Рухият, 2022. 976 с.
3. Новое Надырово: древняя столица края / отв. ред. А.Г. Галлямова. Казань: Рухият, 2010. 288 с.
4. Альметьевск / отв. ред. Р.Х. Амирханов. Казань: Идел-Пресс, 2003. 740 с.
5. Яна Нәдер: авылның үткәне һәм бүгенгесе / Р.Х. Әмирханов һ.б. Казан: Рухият, 2008. 283 б.

REFERENCES

1. *Almetyevsk case. Tragic pages from the history of the peasantry of the Almetyevsk district (late 20s – early 30s): collection of documents and materials.* Compiled by A.G. Gallyamova, R.N. Gibadullina. Kazan: Gasyr Publ., 1999. 192 p. (In Russian)
2. *Almetyevsk Encyclopedia: history and culture of the Almetyevsk region from ancient times to the beginning of the 21st century.* Ed. by G.F. Valeeva-Suleimanova, A.G. Gallyamova. Kazan: Rukhiyat Publ., 2022. 976 p. (In Russian)
3. *Novoye Nadyrovo: ancient capital of the region.* Ed. by A.G. Galliamova. Kazan: Rukhiyat Publ., 2010. 288 p. (In Russian)
4. *Almetyevsk.* Ed. by R.Kh. Amirkhanov. Kazan: Idel-Press Publ., 2003. 740 p. (In Tatar and Russian)
5. *Novoye Nadyrovo: past and present of the village.* Ed. by R.Kh. Amirkhanov et al. Kazan: Rukhiyat Publ., 2008. 283 p. (In Tatar)

Информация об авторе:

Галимзянова Алина Тагировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории, Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-1988-0522; e-mail: alisabitva@mail.ru

About the author:

Galimzyanova Alina Tagirovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-1988-0522; e-mail: alisabitva@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 17.10.2025

Принята к публикации / Accepted 03.11.2025

УДК 94(470.41)

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.177-186>

Долгов Евгений Борисович
(к 60-летию со дня рождения)

Н.А. Кореева

Федеральный исследовательский центр

«Казанский научный центр РАН»

Академия наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

Статья раскрывает основные этапы научной биографии выдающегося казанского ученого-энциклопедиста Евгения Борисовича Долгова. В настоящее время он занимает должность ведущего научного сотрудника Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова Академии наук Республики Татарстан. В статье представлен анализ его многогранной научно-педагогической деятельности. Особое внимание уделено исследованиям в области истории и культуры Татарстана, включая изучение населенных пунктов, органов государственной власти и управления, а также общественно-политических движений в Поволжском регионе и проблем татарстанской энциклопедистики. Публикация приурочена к 60-летию ученого.

Ключевые слова: историк, Е.Б. Долгов, научное наследие, органы государственной власти, энциклопедистика, история Татарстана

Для цитирования: Кореева Н.А. Долгов Евгений Борисович (к 60-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №4. С.177–186. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.177-186>

Dolgov Evgeniy Borisovich
(to the 60th anniversary of his birth)

N.A. Koreeva

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article reveals the main stages of the scientific biography of the outstanding Kazan scientist and encyclopedist Evgeny Borisovich Dolgov. Currently, he holds the position of Leading Researcher of the M.Khasanov Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences. The article presents an analysis of his multifaceted scientific and pedagogical activity. Special attention is paid to re-

search in the field of history and culture of Tatarstan, including the study of settlements, state authorities and administration, as well as socio-political movements in the Volga region and problems of Tatar encyclopedistics. The publication is timed to the 60th anniversary of the scientist.

Keywords: historian, E.B. Dolgov, scientific heritage, state authorities, encyclopedistics, history of Tatarstan

For citation: Koreeva N.A. Dolgov Evgeniy Borisovich (to the 60th anniversary of his birth). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.4, pp.177–186. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-4.177-186> (In Russian)

В 2025 г. исполнилось 60 лет кандидату исторических наук, доценту Евгению Борисовичу Долгову, ведущему научному сотруднику Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан.

Фото: © Рамиль Гали / «Татар-информ», 2024

Евгений Борисович Долгов родился 19 сентября 1965 г. в Казани в семье служащих. Отец – Долгов Борис Андреевич (1937–2025), инженер-строитель, выпускник Казанского инженерно-строительного института, всю трудовую жизнь проработавший на КАПО им. С.П. Горбунова. Мать – Долгова (урожденная Рогинская) Галина Ивановна (1940–2015), инженер-конструктор военных самолетов, участвовавшая во внедрении компьютерных технологий в управление боевыми машинами на КАПО им. С.П. Горбунова.

После окончания в 1982 г. казанской средней школы №99 Евгений Борисович поступил в Казанский государственный университет, который с отличием окончил в 1987 г., получив специальность «историк». С 1987 по 1990 г. он обучался в аспирантуре Казанского государственного уни-

верситета. Тема диссертации предопределила появление в эти и последующие годы статей о деятельности средневожских партийных организаций в 1900–1904 гг., когда выпускалась газета «Искра», проходила подготовка к проведению II съезда РСДРП [4; 6; 10]. Евгения Борисовича всегда отличало скрупулезное изучение исторических источников – уже тогда он исследовал протоколы II и III съездов партии, архивные материалы, сборники документов, газеты, воспоминания. Под научным руководством доктора исторических наук, профессора Рафика Измаиловича Нафигова (1928–2001) в 1990 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Формирование комитетов РСДРП в Среднем Поволжье: (1900–1904 гг.)» (научная специальность – 07.00.01 – история Коммунистической партии Советского Союза).

В 1991–1992 гг. Евгений Борисович работал младшим научным сотрудником отдела Свода памятников истории и культуры Республики Татарстан Института языка, литературы и истории Казанского научного центра Академии наук СССР (с 1991 г. – Российской академии наук). В 1991 г. была основана Академия наук Республики Татарстан, в состав которой уже в 1993 г. вошел Институт языка, литературы и истории вместе с отделом Свода памятников. В 1994 г. Евгений Борисович был переведен на должность старшего научного сотрудника, в которой проработал до 1996 г. Затем он перешел на работу в отдел истории и общественной мысли Института Татарской энциклопедии АН РТ (с 2014 г. – Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ), где сначала трудился старшим, а затем ведущим научным сотрудником. В этот период появляются его первые труды по истории чистопольского купечества, а также исследования, посвященные институту губернаторства в Российской империи и биографиям губернаторов Казанской губернии [3; 5; 7; 9; 11].

Евгений Борисович находится в постоянном научном поиске. Диапазон его исследований достаточно широк. В 1990-е гг. им была организована работа по изучению памятников города Чистополя и 15 районов Татарстана. Среди трудов, написанных Е.Б. Долговым в соавторстве, выделяются: «Республика Татарстан: памятники истории и культуры: Каталог-справочник»; «Республика Татарстан: православные памятники (середина XVI – начало XX веков)»; «Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан: Административные районы» [14; 15; 16]. Евгений Борисович исследовал историю населенных пунктов нескольких районов Республики Татарстан. Результаты были изложены в коллективных работах «История Лаишевского края», «Алексеевский район: история и современность» [1; 12].

Одновременно Е.Б. Долгов принимал участие в подготовке нескольких энциклопедических изданий, таких как «Татарский энциклопедический словарь», «Татарстан: Краткая иллюстрированная энциклопедия» (2 издания), «Республика Татарстан: природа, история, экономика, культура, наука». При написании шеститомной «Татарской энциклопедии» на русском и татарском языках (в 1999–2019 гг.) он курировал разделы «Го-

сударство и право», «История». Во всех этих изданиях опубликовано свыше 3 тыс. статей Евгения Борисовича.

Е.Б. Долгов плодотворно совмещал научную и педагогическую работу. Параллельно с научными исследованиями, он читал курсы лекций «Всеобщая история государства и права» и «История государства и права России» в Казанском государственном педагогическом университете (в 2001–2005 гг.) и Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (в 2005–2011 гг.), работая на кафедре теории и истории государства и права факультета педагогики и права. В этот период он выпустил учебное пособие «Всеобщая история государства и права: учебно-методический комплекс» (Казань, 2008). В 2003 г. ему было присвоено ученое звание доцента.

Евгений Борисович читал также курс лекций «Современные международные отношения» в Казанском (Приволжском) федеральном университете (в 2013–2014 гг.), работая на кафедре международных отношений Института международных отношений, истории и востоковедения.

Под его научным руководством в 2007 г. А.Н. Понятовым была защищена кандидатская диссертация «Миссионерская деятельность “Братства святителя Гурия” в Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.».

В 2015 г. в течение нескольких месяцев он работал в отделе социокультурных исследований и науковедения Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. С 2016 г. по настоящее время Е.Б. Долгов работает ведущим научным сотрудником Центра регионоведения и социокультурных исследований, одновременно (с 2015 г.) исполняя должность ведущего научного сотрудника Камского научного центра (по совместительству) того же института.

Анализ шеститомной «Татарской энциклопедии» и многочисленных статей позволяет выделить основные направления научной деятельности Е.Б. Долгова. Первое из них – изучение дореволюционного периода развития Казанской губернии, в рамках которого Е.Б. Долгов исследовал биографии губернаторов Н.Е. Андреевского, П.М. Апраксина, С.М. Баратаева, А.Н. Бахметева, И.Б. Бибикова, И.А. Боратынского, П.М. Боярского, Я.И. Брандта, С.Т. Грекова, И.Г. Жеванова, А.Я. Жмакина, Н.Я. Скарятина и др. Второе направление связано с исследованием деятельности органов управления Казанской губернией: Казанского наместнического правления, Казанской губернской канцелярии, Казанской губернской контрольной палаты, Казанского губернского статистического комитета, Казанской губернской казенной палаты, Казанской палаты гражданского суда, Казанской палаты уголовного суда, Казанского сиротского суда и уездных сиротских судов, Казанского Приказа общественного призрения и др.

В Российской империи, помимо губернского деления, существовали более крупные административно-территориальные единицы, объединявшие несколько губерний. К таким «надгубернским» структурам относи-

лись учебные, судебные, военные, пограничные, таможенные, жандармские и горные округа, округа путей сообщения, округа Отдельного корпуса внутренней стражи, почтово-телеграфные округа, а также Казанский удельный округ. Евгений Борисович уделяет особое внимание малоизученному феномену ведомственных округов, посвятив несколько статей исследованию деятельности округов путей сообщения (3-го округа путей сообщения и 6-го округа путей сообщения), Казанского почтово-телеграфного округа и другим подобных структур.

«Татарская энциклопедия» позволяет проследить историю региона через призму ключевых исторических документов. Среди представленных Е.Б. Долговым материалов – царские грамоты Федора Ивановича, Петра и Иоанна Алексеевичей, а также именные указы Анны Иоанновны и Екатерины II, которые оказали значительное влияние на жизнь нерусских народов Казанского края.

В сферу интересов Евгения Борисовича входило детальное изучение литературы и источников, изданных дореволюционными краеведами, историками и публицистами. Среди них – Н.Я. Агафонов, Н.К. Баженов, Н.Я. Аристов, В.Я. Булыгин, А.И. Вештомов, Н.П. Загоскин, И.А. Износков, Д.А. Корсаков, М.П. Пинегин и др.

В своих статьях энциклопедического характера, посвященных советскому периоду истории Татарстана, Е.Б. Долгов подробно раскрывает историю революционного движения и становление органов государственной власти и управления. Особое внимание он уделяет освещению деятельности революционеров – А.П. Бржезовского, К.К. Газенбуша, И.Я. Горбунова, П.Л. Драверта, В.Н. Залезского, Н.Е. Сапрыгина и др. – сквозь призму их биографий.

Среди публикаций Евгения Борисовича в «Татарской энциклопедии» можно найти материалы, посвященные широкому кругу вопросов: от избирательной системы и государственных комитетов до символики, премий и наград для деятелей науки и культуры, а также истории почетных званий. Кроме того, он осветил деятельность ряда упраздненных учреждений, таких как Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции ТАССР, Народный комиссариат снабжения ТАССР, Народный комиссариат труда ТАССР, Министерство бытового обслуживания населения РТ, Министерство внешних экономических связей РТ, Министерство животноводства ТАССР, Министерство жилищно-коммунального хозяйства ТАССР, Министерство лесной промышленности РТ, Министерство мелиорации и водного хозяйства ТАССР, Советы народного хозяйства ТАССР, Советы народных депутатов и другие [17].

Евгений Борисович Долгов проделал значительную работу, подготовив материал, который открывает широкие возможности для полномасштабных исследований истории советской партийно-государственной номенклатуры. В «Татарской энциклопедии» его перу принадлежат биографии ключевых административно-хозяйственных деятелей, среди которых:

А.М. Гаврилушкин (нарком легкой промышленности ТАССР в 1942–1946 гг., позднее – заместитель председателя Совета Министров ТАССР), В.А. Чванов (министр торговли ТАССР в 1947–1955 гг.), К.П. Жуков (министр легкой промышленности ТАССР в 1953–1957 гг.), В.С. Иванов (министр жилищно-коммунального хозяйства ТАССР в 1966–1980 гг.), И.А. Ташбулатов (министр торговли ТАССР в 1967–1979 гг.), В.П. Фадеев (министр бытового обслуживания населения ТАССР в 1966–1984 гг.), В.И. Матвеев (министр промышленности продовольственных товаров ТАССР в 1963–1966 гг., затем – министр пищевой промышленности ТАССР в 1966–1968 гг.) и Х.С. Хабибуллин (министр финансов ТАССР в 1984–1988 гг.).

Кроме того, им написаны биографии видных партийных деятелей. Особое внимание Е.Б. Долгов уделил С.Л. Князеву, деятельность которого способствовала становлению и развитию нефтяной промышленности Татарстана. Перу Евгения Борисовича принадлежит статья о В.Н. Макарове, в 1979–1984 гг. руководившем Государственным комитетом ТАССР по кинофикации. Помимо этого, в его статьях освещены биографии других крупных деятелей, таких как П.А. Артемьев, Н.И. Голубев, А.С. Гордеев, А.М. Котов и Л.Н. Котов.

Цикл статей Евгений Борисович посвятил деятельности интеллигенции и работе казанских научных и образовательных учреждений. Для «Татарской энциклопедии» он подготовил материалы о следующих ключевых фигурах: инициаторе создания Этнографического музея Казанского университета С.В. Ешевском, директоре Северо-Восточного археологического и этнографического института (существовал в 1917–1921 гг. в Казани) М.В. Бречкевиче, заместителе директора Госмузея ТАССР (в 1950–1955 гг.) М.Р. Булатове, ректорах Казанского университета П.Н. Галанзе и Н.А. Кремлеве, а также профессорах И.Я. Горлове, Н.П. Грацианском, Ф.-А.В. Грегоровиче, Б.Д. Грекове, М.И. Догеле, П.К. Жузе, Д.М. Львова и многих др.

Евгений Борисович Долгов зарекомендовал себя как ученый-энциклопедист, специалист в области отечественной истории и права, татарстанской энциклопедистики. Результаты его научной работы представлены в коллективных монографиях и многочисленных статьях. Основные труды Е.Б. Долгова в соавторстве – «Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально-антропологические и исторические аспекты», «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.)» (первое издание – 2010, второе – 2017 г.) [8; 18; 19].

Евгений Борисович внес значительный вклад в изучение экономической истории Казанского края XVIII – начала XX в. Его исследования охватывают как деятельность промышленных предприятий, в частности, Торгово-промышленного общества Алафузовских фабрик и заводов, так и биографии выдающихся представителей казанского и чистопольского купечества, таких как Д.И. Вараксин, В.Ф. Булыгин, В.Л. Челышев, И.И. Алафузов, а также членов купеческих родов Крупениковых и Рома-

новых. Евгений Борисович Долгов активно исследует историю Чистополя. Его научные работы посвящены историко-культурному облику этого уездного города, его культовым памятникам, архитектурным особенностям приютов и учебных заведений. Особое внимание уделяется усадебным комплексам, принадлежавшим таким известным купцам, как Челышев, Мешкичев и Мясников.

В 2024 г. вышла в свет богато иллюстрированная книга Евгения Борисовича Долгова «Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и настоящем» [2]. Издание стало результатом многолетних научных изысканий автора [13; 20] и основано на анализе документов из Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Астраханской области и Государственного архива Республики Татарстан. Благодаря кропотливой работе с новыми историческими источниками Евгений Борисович внес существенный вклад в восстановление биографий государственных деятелей Казанского края и осветил малоизученные страницы его политической истории.

Научные достижения Е.Б. Долгова снискали ему уважение коллег и авторитет в российском научном сообществе. Его вклад был отмечен Благодарственным письмом Кабинета Министров РТ (2009 г.) и Почетной грамотой Академии наук РТ (2015 г.). Искренне поздравляя юбиляра, мы с нетерпением ждем от него новых научных открытий!

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевский район: история и современность / сост. И.Х. Халиуллин, К.М. Низаметдинов. Казань: Матбугат йорты, 2000. 278 с.
2. Долгов Е.Б. Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и настоящем. Казань: AVR Publishing, 2024. 220 с.
3. Долгов Е.Б. «Высочайшим приказом произведен в генерал-майоры, с назначением казанским военным губернатором»: Михаил Кириллович Нарышкин // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №3/4. С.138–142.
4. Долгов Е.Б. Из истории Казанской социал-демократической организации в 1900–1903 гг. // Социалистический строй: вопросы теории и исторического опыта. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. С.92–96.
5. Долгов Е.Б. Казанский губернатор Ираклий Баратынский // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. №1/2. С.236–238.
6. Долгов Е.Б. Казань и Вятка: политические связи учащейся молодежи накануне революции 1905 г. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Тезисы докладов и сообщений II научной конференции. Киров: Изд-во Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, 1992. С.106–107.
7. Долгов Е.Б. Либерал во главе Казанской губернии: Александр Константинович Гейнс // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. №1/2. С.126–130.
8. Долгов Е.Б. Политическое управление Казанской губернией в XVIII – начале XX вв.: общее и особенное // Поликультурный мир Среднего Поволжья: со-

циально-антропологические и исторические аспекты: монография: в 2-х т. Т.I / отв. ред. А.В. Овчинников. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С.149–174.

9. Долгов Е.Б. Роль купечества в формировании застройки уездных городов Среднего Поволжья (на материалах г. Чистополя) // Российское купечество от Средних веков к Новому времени. М.: Российская академия наук, 1993. С.77–78.

10. Долгов Е.Б. Формирование первых комитетов РСДРП в г. Казани в 1903 году // Актуальные проблемы развития социалистического общества. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. С.11–15.

11. Долгов Е.Б. Чистополь – город на Каме // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. №3/4. С.180–190.

12. История Лаишевского края / сост. К.М. Низаметдинов, И.Х. Халиуллин. Чебоксары: Чувашия, 1997. 260 с.

13. Кореева Н.А. Рецензия на книгу: Долгов Е.Б. Архитектурная жемчужина Казанского Кремля: губернаторский дворец в прошлом и на стоящем (Казань, 2024) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15, №1. С.120–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.120-132>

14. Республика Татарстан: памятники истории и культуры: Каталог-справочник / сост. Ю.И. Смыков и др. Казань: Эйдос, 1993. 453 с.

15. Республика Татарстан: православные памятники (середина XVI – начало XX веков) / Е.В. Липаков, Е.В. Афонина, Е.Б. Долгов [и др.]; отв. ред. Ю.И. Смыков. Казань: Фест, 1998. 303 с.

16. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан: Административные районы. Т.I / науч. ред. Р.А. Айнутдинов и др. Казань: Мастер Лайн, 1999. 458 с.

17. Татарская энциклопедия: В 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Т.4: М–П. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. 768 с.

18. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2020 гг.): научно-справочное издание [иллюстрированное]. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. 400 с.

19. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.): научно-справочное издание. Казань: [Изд-во МОиН РТ], 2010. 312 с.

20. Шагалов В.А. Новая книга по истории Казанского Кремля и государственного управления Татарстана // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2024. №3. С.126–129.

REFERENCES

1. *Alekseevsky district: history and modernity*. Kazan: Matbugat yorty Publ., 2000. 278 p. (In Russian)

2. Dolgov E.B. *Architectural pearl of the Kazan Kremlin: the Governor's Palace in the past and present*. Kazan: AVR Publ., 2024. 220 p. (In Russian)

3. Dolgov E.B. "Promoted to Major General by the highest order, with appointment as Kazan military governor": Mikhail Kirillovich Naryshkin. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 1996, no.3/4, pp.138–142. (In Russian)

4. Dolgov E.B. From the history of the Kazan Social Democratic Organization in 1900–1903. *Socialist system: questions of theory and historical experience*. Kazan: Kazan University Publ., 1990. Pp.92–96. (In Russian)

5. Dolgov E.B. Kazan Governor Irakli Baratynsky. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 1997, no.1/2, pp.236–238. (In Russian)

6. Dolgov E.B. Kazan and Vyatka: political connections of students on the eve of the 1905 revolution. *Vyatka land in the past and present. Abstracts of reports and reports of the 2nd scientific conference*. Kirov: V.I. Lenin Kirov State Pedagogical Institute Publ., 1992. Pp.106–107. (In Russian)

7. Dolgov E.B. Liberal at the head of Kazan province: Alexander Konstantinovich Gaines. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 1998, no.1/2, pp.126–130. (In Russian)

8. Dolgov E.B. Political governance of the Kazan province in the 18th – early 20th centuries: general and special. *Multicultural world of the Middle Volga region: socio-anthropological and historical aspects*. Kazan: Kazan National Research Technological University Publ., 2014, vol.1, pp.149–174. (In Russian)

9. Dolgov E.B. Role of merchants in shaping the development of county towns in the Middle Volga region (based on the materials of Chistopol). *Russian merchants from the Middle Ages to Modern Times*. Moscow: Russian Academy of Sciences Publ., 1993. Pp.77–78. (In Russian)

10. Dolgov E.B. Formation of the first committees of the RSDLP in Kazan in 1903. *Actual problems of the development of socialist society*. Kazan: Kazan University Publ., 1991. Pp.11–15. (In Russian)

11. Dolgov E.B. Chistopol – city on the stone. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2001, no.3/4, pp.180–190. (In Russian)

12. *History of the Laishevsky land*. Cheboksary: Chuvashia Publ., 1997. 260 p. (In Russian)

13. Koreeva N.A. Book review: Dolgov E.B. Architectural pearl of the Kazan Kremlin: the governor's palace in the past and present (Kazan, 2024). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2025, vol.15, no.1, pp.120–132. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.120-132>. (In Russian)

14. *Republic of Tatarstan: historical and cultural monuments: directory*. Kazan: Eidos Publ., 1993. 453 p. (In Russian)

15. *Republic of Tatarstan: Orthodox monuments (mid-16th – early 20th centuries)*. Kazan: Fest Publ., 1998. 303 p. (In Russian)

16. *Code of historical and cultural monuments of the Republic of Tatarstan: administrative districts*. Vol.1. Ed. by R.A. Ainutdinov et al. Kazan: Master Line Publ., 1999. 458 p. (In Russian)

17. *Tatar Encyclopedia: in 6 volumes*. Vol.4. Kazan: TAS Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Publ., 2008. 768 p. (In Russian)

18. *Central state authorities and administration of Tatarstan (1920–2020): scientific reference publication*. Kazan: TAS Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Publ., 2017. 400 p. (In Russian)

19. *Central state authorities and administration of Tatarstan (1920–2010): scientific reference publication*. Kazan: Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan Publ., 2010. 312 p. (In Russian)

20. Shagalov V.A. New book on the history of the Kazan Kremlin and the State Administration of Tatarstan A new book on the history of the Kazan Kremlin and public administration of Tatarstan. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2024, no.3, pp.126–129. (In Russian)

Информация об авторе:

Кореева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН»; старший научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0003-0049-4303; e-mail: KoreevaNata@mail.ru

About the author:

Koreeva Natalya Anatolyevna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0003-0049-4303; e-mail: KoreevaNata@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 31.10.2025

Принята к публикации / Accepted 18.11.2025

2025

**ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property
rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole
or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2025. Том 15, № 4

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2025, vol. 15, no. 4

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 08.12.2025 г. Дата выхода в свет 16.12.2025 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Печ. л. 11,75 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань,
Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф